

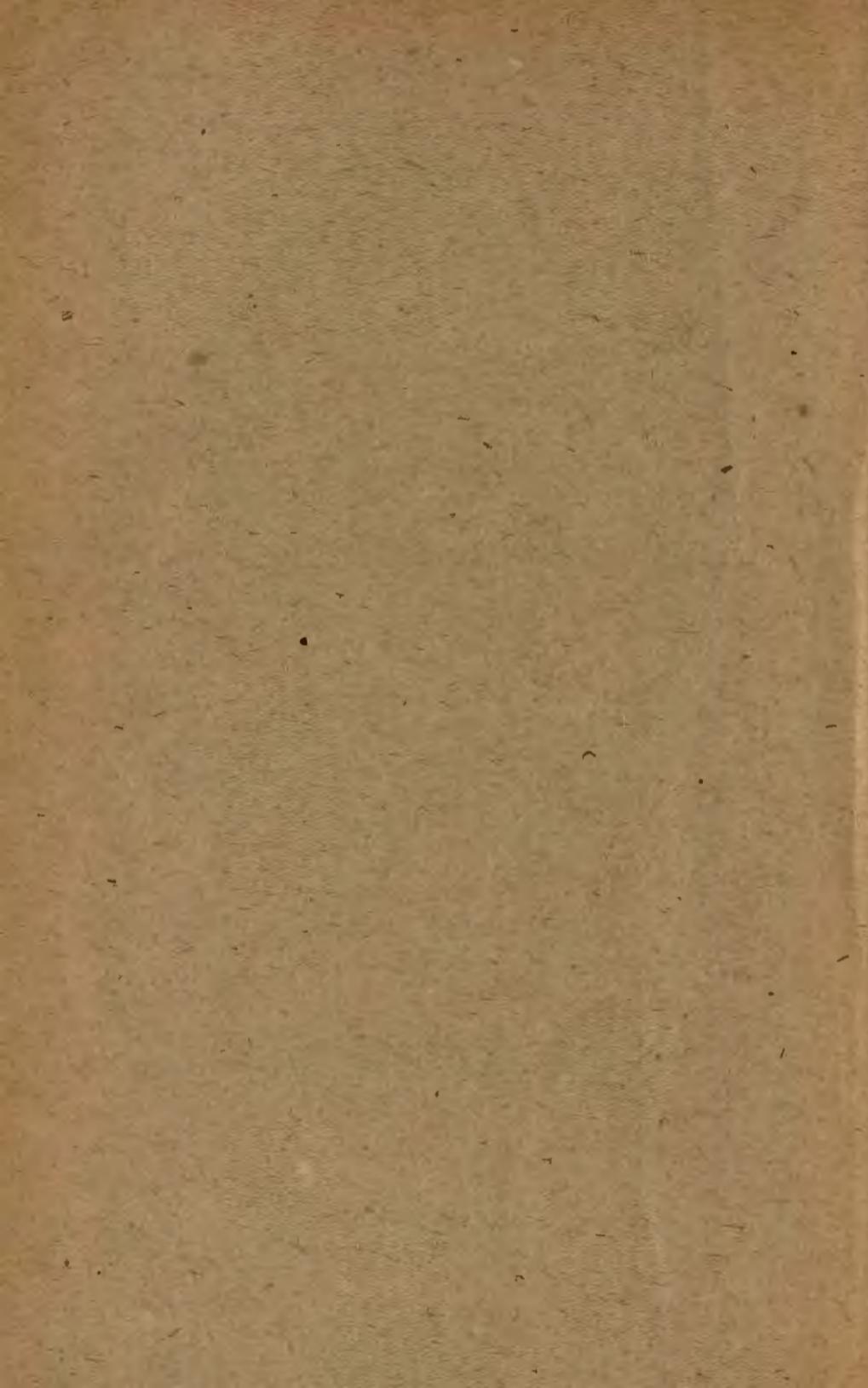
C 13
217

~~217~~

C 13
214

0/13
2/17

С 13
214

РУЧЕЕКЪ.

С 13
217

УЧЕЕКЪ.

РАЗСКАЗЫ
ДЛЯ ДѢТЕЙ

изъ естественной исторіи и дѣтской
жизни.

А. Щ. Хвольсонъ.

ЧЕТВЕРТОЕ ПРОСМОТРЕННОЕ АВТОРОМЪ ИЗДАНІЕ.

Съ 60 рисунками М. Михайлова и др.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Издание А. Ф. Девріена.

Акц. Общ. Типогр. Дѣла въ СПб. (Герольдъ).
Вознесенскій пр. 3.

ТАЙНЫ МОРЯ.

Костя не спится, онъ переворачивается съ боку на бокъ, закрываетъ глаза, ложится на спину, сворачивается калачикомъ, опять вытягиваетъ ноги, но сна все нѣтъ.

Костя взволнованъ прѣздомъ отца; его отецъ морякъ и сегодня вернулся изъ кругосвѣтного плаванія,

откуда привезъ съ собою массу диковинныхъ вещей, о которыхъ Костя раньше и понятія не имѣлъ. Тутъ были: рѣдкіе экземпляры чернаго и бѣлаго коралла, разные виды рыбъ въ баночкахъ со спиртомъ, куски янтаря, раковины, жемчугъ и чучела различныхъ звѣрей.

Мальчикъ весь день занимался разсмотриваніемъ всего этого, слушая въ то же время интересные рассказы отца о томъ, что ему пришлось видѣть и узнать во время пути.

Костя не могъ достаточно налюбоваться привезенными новинками, достаточно наслушаться разсказовъ отца. Сколько нового узналъ онъ изъ нихъ! И, лежа въ кроваткѣ, онъ думалъ о громадныхъ китахъ, красивыхъ раковинахъ и страшныхъ звѣряхъ жаркихъ странъ.

— Выросту большимъ, непремѣнно сдѣлаюсь морякомъ, какъ папа,—сказалъ самъ себѣ Костя.

— А почему ты хочешь сдѣлаться морякомъ?—спросилъ у него чей-то нѣжный, тоненький голосокъ.

Костя посмотрѣлъ съ недоумѣніемъ въ ту сторону, откуда раздался голосъ, и каково было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ, что съ нимъ разговариваетъ маленькая коралловая фигурка, изображающая курящаго матросика, та самая, которую онъ сегодня получилъ въ подарокъ отъ отца.

— Что ты мнѣ не отвѣчаешь?—спросилъ матросикъ. Костя даже улыбнулся: такъ забавно показалось ему, что фигурка умѣетъ говорить.

— Я удивляюсь тебѣ,—отвѣтилъ мальчикъ.

— Ты еще больше удивишься, когда увидишь то, что я покажу тебѣ.

Костя съ недовѣріемъ посмотрѣлъ на страннаго матросика, но не успѣлъ онъ отвѣтить, какъ они, словно чудомъ, очутились на берегу моря.

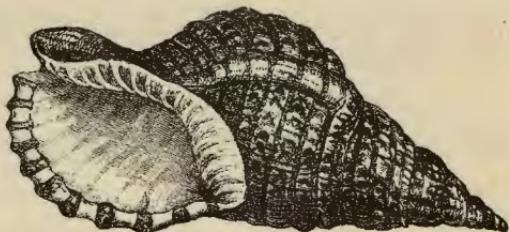
Раскинулось оно, безбрежное, далеко, далеко; куда ни взглянешь, вездѣ вода и небо, ни одного кусочка земли, ни одного островка. Вонъ издали катится съдой

валъ, чѣмъ ближе къ берегу, тѣмъ онъ растетъ все выше и выше; вдругъ волна перегнулась и, разсыпаясь, обдала берегъ густой пѣной. А за этой волной несется другая, третья и кажется нѣтъ имъ конца. Точно буря реветь надъ моремъ: волны воютъ и стонутъ. Но мало по малу онъ утихаютъ, и мрачное, еще зеленое море превращается въ привѣтливое голубое, какъ лазурь. Лежитъ оно, какъ зеркало гладкое, отражая въ себѣ луну и звѣзды, свѣтъ отъ которыхъ разбѣжался по тихимъ струямъ его.

И видѣтъ Костя сквозь прозрачную, какъ хрусталь, морскую влагу укатанное желтымъ и серебрянымъ песочкомъ дно морское, по немъ, какъ узоры, разсыпаны разноцвѣтные камни и раковины различной величины, между которыми то тутъ, то тамъ красиво разрослись перистыя морскія растенія.

— Посмотри! — говоритъ коралловый морякъ, — вонъ спускается и поднимается большая, раздѣленная внутрь на нѣсколько камеръ раковина, въ ней живетъ молюскъ корабликъ.

„Точно такая же лежитъ у насть на каминѣ, — подумалъ Костя, но я не зналъ раньше, что въ раковинахъ живутъ молюски“.

— А это что за раковина, зеленовато бурая съ продольными бѣлыми полосками? — спросилъ онъ у своего проводника.

— Это жемчужница перламутровая, изъ нея получаются лучшій жемчугъ и перламутръ.

Мальчикъ взялъ одну изъ нихъ въ руки и сталъ ее разглядывать. Внутренняя сторона ея переливала всѣми цвѣтами и была усѣяна большими и маленькими бугорками.

— Фи! — вскричалъ Костя и бросилъ раковину обратно въ море. Внутри ея лежало что то мягкое, безформенное, слизистое.

— Хи-хи-хи, — засмѣялся карликъ, — ты испугался самаго безвреднаго существа, молюска. Видно, братъ, ты не изъ храбрыхъ!

— Я вовсе не трусь! но мнѣ было гадко трогать это глупое животное.

— Напрасно ты банишь его: оно не глупое, если умѣеть изъ своей кожи выдѣлывать себѣ раковину, да еще украшать ее жемчугомъ.

— Какъ самъ себѣ дѣлаетъ раковину? — воскликнулъ Костя.

— Очень просто! молюскъ выпускаетъ изъ своей кожи вещество, подобное извести, которое твердѣеть и образовываетъ раковину-домикъ. Этого мало — молюскъ придаетъ своему домику удобную форму и окрашиваетъ его въ различные цвѣта. Ты самъ видишь, какими разнообразными раковинами усѣяно дно морское.

— А жемчугъ въ раковинѣ неужели такой же, какъ мамины? значитъ и тотъ лежалъ въ раковинѣ жемчужницы, глубоко въ морѣ. Какъ же его достали?

— Погоди, я покажу тебѣ, какъ люди ухитрились

вылавливать его, а пока посмотри-ка направо. Что ты тамъ видишь?

Костя повернулъ голову въ ту сторону, да такъ и ахнулъ отъ восторга. Глубоко въ водѣ, чуть-чуть выдаваясь верхушками надъ уровнемъ моря, росли красивыя вѣтвистыя деревья съ цвѣтками.

— Ты думаешь, это деревья? — продолжалъ его спутникъ. — Нѣтъ, не деревья! Стволъ, вѣточки, цвѣточки, все живыя существа, крохотныя отдалънныя животныя — полипы, живущіе въ моряхъ въ соленой водѣ. Прѣсную они не переносятъ. Каждое дерево состоитъ изъ цѣлой колоніи полиповъ, сообща работающихъ надъ постройкой его.

— Ахъ, смотри, тотъ полипъ выпустилъ изъ тѣла тоненькия ниточки и обволокъ ими какую-то мелюзгу, — указалъ Костя.

— Это онъ добычу обжегъ своими крапивными нитями, чтобы она отъ него не ушла; полипы всегда такъ охотятся за пищей, — отвѣтилъ спокойно матросикъ.

— И ты былъ въ морѣ, строилъ такія же деревья и также охотился?

— О, это было ужъ очень, очень давно! Жили мы большой колоніей у береговъ Мадагаскара. Между всѣмисосѣдними общинами наша славилась своими работниками; тѣмъ болѣе намъ это было лестно, что полипы народъ дѣльный, сидѣть безъ работы не любятъ. Начали мы со ствола; когда онъ былъ готовъ, мы принялись за вѣтки и вѣточки. Работа кипѣла и не прошло много времени, какъ у насъ образовалось большое вѣтвистое дерево, дошедшее до самой поверхности воды. Были между нами смѣльчаки, которые хотѣли продол-

жать работу и выше, но, какъ только они высовывались изъ морской воды, то моментально умирали. Во кругъ нась сосѣди тоже не дремали, у нихъ также кипѣла работа; рядомъ съ нашими стояли такія же деревья, образуя правильный кругъ въ видѣ кольца. Я разъ слышалъ, люди называютъ такой кругъ — коралловымъ рифомъ.

— Гдѣ же вы берете материалъ?

— Въ самихъ себѣ. Пишу, которую мы съѣдаемъ, мы въ видѣ липкой жидкости выпускаемъ, она затвердѣваетъ и служитъ намъ единственнымъ материаломъ для сложной постройки рифа.

— И какъ весело было у нась! Какая жизнь кипѣла по всѣмъ закоулкамъ нашего лѣса: какъ птицы въ вѣтвяхъ, проворно играли между нами рыбки, раки и полипы. Подъ нами сидѣли скромныя лиліи и розы, выя франтихи, морскія звѣзды. Все это двигалось, охотилось и отдыхало. Какъ было весело! — добавилъ рассказчикъ.

— Вотъ посмотри самъ, что тамъ творится!

Костя заглянулъ въ глубь и увидѣлъ множество оранжевыхъ и розовыхъ звѣздочекъ, усаженныхъ иголками, тѣло у нихъ было плоское съ пятью отростками, на концѣ каждого изъ нихъ находился глазъ.

— Развѣ онѣ свѣтятся? — спросилъ Костя, внимательно разматривая ихъ.

— Онѣ не потому называются звѣздами, а по своей формѣ; вѣдь онѣ живыя существа!

— Скажи пожалуйста, отчего у этихъ цвѣтовъ нѣтъ листьевъ, какъ у нашихъ, а только одни цвѣты? — указалъ Костя на цѣлую массу цвѣтовъ, прикрепленныхъ стеблями къ подводнымъ камнямъ.

— Потому, что это не растенія, а тоже морскія животныя; они прикреплены къ мѣсту и не въ состояніи двигаться, мелкіе молюски вмѣстѣ съ водою попадаютъ имъ въ ротъ, такъ что имъ не нужно искать пищи.

— Да,—сказалъ человѣчекъ,—много чудесъ скрываетъ въ себѣ глубокое, то грозное, свирѣпое, угрожающее, то тихое, ласково убаюкивающее море!

— Посмотри, посмотри скорѣе!—вскрикнулъ Костя и указалъ рукою на новое, дивное зрѣлище. Море заколыхалось и точно загорѣлось со всѣхъ сторонъ, на всемъ его протяженіи образовались широкія полосы свѣта, которыя шли, то въ видѣ искрящейся, извилистой ленты, то въ видѣ свѣтящейся волнъ, то вырывались изъ подъ колесъ шедшаго корабля дождемъ огненныхъ брызгъ.

— Я знаю, что это такое. Мнѣ еще сегодня папа рассказалъ. Этотъ свѣтъ издаются всѣ низшія морскія животныя, при малѣйшемъ колебаніи моря; чѣмъ больше ихъ накопляется на поверхности, тѣмъ сильнѣе и красивѣе этотъ свѣтъ.

Луна и звѣзды между тѣмъ гасли, на востокѣ показались розовые проблески зари, охватившіе вскорѣ полъ неба.

Величественно встало солнце для дневнаго обхода міра.

Другая жизнь началась въ глубинѣ и на поверхности моря. Милліоны рыбокъ заиграли, плескаясь въ водѣ, вдали показался великанъ океана китъ, изъ ноздрей онъ выпускалъ столбъ воды, который казался высокимъ фонтаномъ.

Вдругъ Костя съ ужасомъ отскочилъ отъ берега;

недалеко отъ него пронеслось стадо громадныхъ акулъ, за ними въ догонку плыло не менѣе разбойничье стадо хищниковъ, пилы-рыбы. Акулы раскрывали свои зубастыя пасти и Костя ясно увидѣлъ, что ихъ верхнія и нижнія челюсти усъяны многими рядами острыхъ зубовъ.

Костя съ отвращеніемъ отвернулся.

— Я тоже не могу видѣть этикъ отвратительныхъ чудовищъ,—сказалъ коралловый человѣчекъ.—Нѣтъ въ морѣ рыбы обжорливѣе и жаднѣе ея!

— Пойдемъ! я лучше покажу тебѣ, что раньше обѣщалъ: какъ ловятъ жемчугъ.

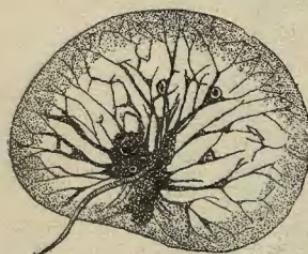
Какъ по волшебству, картина измѣнилась.

Передъ нимъ было то-же море, но съ другимъ на-
званиемъ, съ другимъ берегомъ. Костя ближе подви-
нулся къ матросику, до того онъ былъ пораженъ но-
вымъ видомъ; на большомъ пространствѣ песчанаго
берега раскинулись всевозможныя палатки, шатры, ла-
вочки и ларьки; здѣсь толпилась и сутилась масса
людей различныхъ націй: были тутъ негры, турки,
индусы, персы, англичане и нѣмцы, но больше всего

малайцевъ: все это говорило,
спорило, покупало, продавало, и
надъ всѣмъ берегомъ стоялъ не-
вообразимый шумъ и гамъ.

Матросикъ сдѣлался вдругъ
большимъ и взялъ Костя за
руку.

— Мы съ тобою теперь на западномъ берегу острова Цейлона, куда ежегодно съѣзжаются для ловли жемчуга болѣе тридцати тысячъ людей; въ другое время бе-
регъ этотъ пустъ и никто на немъ не живетъ, но во-

время ловли ты видишь самъ, что здѣсь происходит!

— Конечно не всѣ занимаются ловлею: одни торгуютъ съѣстными припасами, другіе скупаютъ жемчугъ. Не бойся! никто намъ ничего не сдѣлаетъ, — сказалъ онъ Костѣ, видя, что тотъ испугался двухъ индусовъ.

— Пойдемъ, посмотримъ лучше, что теперь дѣлается на морѣ.

Солнце только что встало и освѣтило до двухъ сотъ отъѣзжающихъ въ морѣ лодокъ. Въ каждой лодкѣ сидѣло по двое обнаженныхъ водолаза и по два гребца. Костя, самъ не зная какъ, очутился со своимъ спутникомъ тоже въ лодкѣ и сталъ внимательно ко всему присматриваться.

Выѣхавъ въ морѣ, лодки стали на извѣстномъ мѣстѣ; къ каждой изъ нихъ на толстомъ канатѣ былъ при-

вязанъ большой камень; на этотъ камень вскаивалъ водолазъ, держа небольшую корзину въ лѣвой рукѣ, а правой придерживаясь за канатъ. Оставшіеся въ лодкѣ быстро распускали канатъ, который вмѣстѣ съ водо-

лазомъ погружался на глубину двѣнадцати саженей, гдѣ на песчаной мели лежали рядомъ жемчужныя раковины. Пока водолазъ находился подъ водою, сидящіе въ лодкѣ громко кричали и шумѣли, чтобы этимъ шумомъ спугнуть акулъ и другихъ морскихъ чудовищъ, подстерегающихъ безоружныхъ водолазовъ.

Захвативъ штукъ десять раковинъ, водолазъ бросалъ ихъ въ корзинку и обѣими руками начиналъ дергать канатъ; при первомъ движениі каната, его быстро вытаскивали. Водолазъ съ трудомъ переводилъ дыханіе, голова его кружилась, въ ушахъ раздавался звонъ, дыханіе спирало и онъ долженъ былъ отдохнуть ми-

нуть пять, чтобы оправиться послѣ полуминуты, проведенной подъ водою. Костя еще замѣтилъ, что передъ тѣмъ какъ спуститься въ глубь, водолазы надѣвали на носъ роговую пластинку, которая, сжимая ноздри, мѣшала имъ дышать.

Пока первый отдыхалъ, въ воду спускался другой водолазъ и такъ они чередовались до четырехъ часовъ пополудни; къ этому времени уловъ окончился и всѣ люди возвратились на берегъ.

Въ сторонѣ отъ другихъ построекъ стояло четырехугольное строеніе—главный складъ, куда всѣ водолазы спѣшили сдать свой дневной уловъ. Тамъ раковины принимались приказчикомъ, который и платилъ водолазамъ за работу. Всѣ принесенные раковины складывались на одно мѣсто, гдѣ ихъ зарывали.

— Для чего это дѣлается? спросилъ Костя у матросика.

— Черезъ нѣкоторое время молюскъ и створки его сгниваютъ и жемчугъ массами вываливается въ тутъ же устроенные бассейны, гдѣ онъ прополоскивается водой, отвѣтилъ ему коралловый человѣчекъ,—но отъ гніенія по всему прибрежью разносится вредный, зловонный воздухъ, который бываетъ причиной многихъ болѣзней между населеніемъ.

Костѣ не понравилось это трудное, сопряженное съ болѣзнями и опасностями жизни, занятіе, ему захотѣлось опять видѣть море безъ людей, съ его чудными жителями, съ его невѣдомыми сокровищами.

— Ай!..—воскликнулъ онъ и полетѣлъ въ глубокую пропасть...

— Господь съ тобою! что ты такъ кричишь?— услышалъ онъ голосъ мамы.

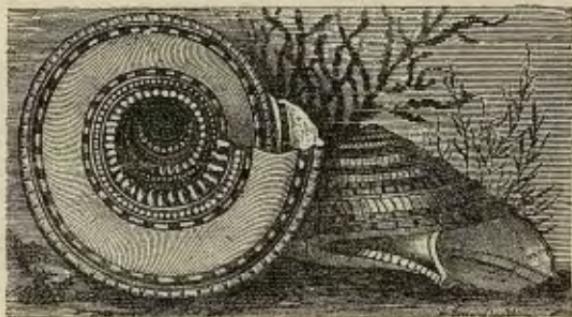
Костя открылъ глаза.

Что это?! Надъ нимъ, улыбаясь, наклонилась мать; кругомъ знакомая обстановка ихъ уютной дѣтской.

Гдѣ же море съ его чудесами и явленіями? Костя сталъ озираться кругомъ, ища глазами своего спутника. Тотъ, какъ ни въ чемъ не бывало, лежалъ на ночномъ столикѣ.

— Какъ я попалъ сюда, на свою кроватку? вѣдь я былъ такъ далеко отсюда... Ахъ! мамочка, чего-чего я тамъ не видаль! И Костя рассказалъ матери свое путешествіе съ коралловымъ матросикомъ.

— Ты, видно, милый Котикъ, внимательно слушалъ вчера папины разсказы, если они тебѣ такъ живо приснились. А теперь одѣвайся и пойдемъ чай пить, папа давно уже поджидаетъ тебя изъ твоего далекаго путешествія...

Свѣтъ не безъ добрыхъ людѣй.

I.

Между сѣрыми избами нарядно выдѣлялась новенькая изба старосты Герасима. Весело смотрѣли ея маленькия оконца съ зелеными расписными ставнями, ярко пестрѣли рѣзныя полотенца на воротахъ; высокое крылечко было чисто выметено и посыпано желтымъ песочкомъ.

Хорошо и привольно жилось обывателямъ этой уютной снаружи и внутри избушки. Герасимъ былъ мужикъ степенный, съ достаткомъ; жилъ онъ со своими старыми родителями и двумя дѣтьми, дѣвочкой Дуней и мальчикомъ Васей. Жена его умерла, когда Васюткѣ еще не было года, а Дунѣ едва минуло четыре; съ тѣхъ поръ дѣвочка сдѣлалась для малютки брата самой любящей, самой заботливой нянѣй.

Братъ и сестра души не чаяли другъ въ другѣ, казалось одинъ не могъ жить безъ другого; гдѣ виднѣлась русая головка Дуни, тамъ уже навѣрное находился бутузъ Вася.

— Вася, я за грибами пойду, — бывало, скажетъ Дуня брату, — вечеръ Фекла сказывала, — много ихъ послѣ дождя пошло. Ребятишки, слышь, набрали полные кузовки.

— И я съ тобой,—говорить краснощекій мальчуганъ.

— Эва, и ты! да куда тебѣ — устанешь! оставайся-ка лучше дома.

— Возьми!—настаивалъ Вася, хорошо зная, что сестра не дастъ ему устать: на рукахъ понесетъ.

За то и любилъ же онъ свою Дуняшу: что ни получалъ, все съ нею пополамъ дѣлилъ и все бы отдалъ, да она не брала.

Зимою, когда деревенскія избы, потонувши въ снѣгу, прислушиваются къ снѣжнымъ мятелямъ, внутри Дуниной избы бывало свѣтло и тепло. Длинная, тонкая лучина, вставленная въ стѣну, треща освѣщала своимъ яркимъ пламенемъ сидящую за пряжей бабку и обоихъ ребятишекъ, прижавшихся другъ къ дружкѣ и съ замираніемъ сердца слушающихъ сказку про Бабу-Ягу, Костянью-Ногу. Страшный разсказъ бабки преслѣдовалъ Васю даже во снѣ; заснувъ на полатяхъ подъ теплымъ полушибкомъ, онъ прижимался къ сестрѣ и долго еще вздрагивалъ отъ жуткаго страха. Но на слѣдующій день страхи исчезали и Вася, какъ ни въ чемъ не бывало, лѣпиль на улицѣ со всею деревенскою дѣтворою снѣжныхъ болвановъ, и звонкій смѣхъ его разносился далеко по морозному воздуху; а вечеромъ онъ опять приставалъ къ бабкѣ, чтобы она рассказала новую сказочку, да только пострашнѣе.

Лѣтомъ у дѣтей были другія утѣхи: пойдутъ они цѣлой ватагой въ лѣсъ, наберутъ тамъ душистой лѣс-

ной земляники, — ея росло тамъ такъ много, что са-
мимъ, бывало, не съѣсть, еще домой приносили. Только
пропадала земляника, — на-
чиналась черника, за нею
голубица и брусника; а гри-
бовъ-то сколько росло въ
ихъ лѣсахъ!.. И цѣлый
день между густою зеленью
лѣса мелькали русыя и чер-
ныя головки.

Было и другое лю-
бимое занятіе: стать
по колѣно въ рѣчку
и брызгать другъ на
друга водою.

Но лучшимъ удо-
вольствіемъ ребятъ
было забираться въ
горохъ: тутъ ужъ имъ
бывало чистое раз-
долье! Всѣ взрослые
въ полѣ, дома только
старики сидятъ; да и
гдѣ имъ углядѣть? Горохъ-
то высокій!.. И ребятишки,
сидя на корточкахъ, упле-
тали за обѣ щеки свѣжие,
сочные стручья.

Случалось иной разъ — какой-нибудь пятилѣт-
ній карапузъ, не зная, ^{*}съ какою предосторожностью
следуетъ опустошать горохъ, крикнетъ во всю
мочь:

— Важно мы, ребята, Егора огородъ чистимъ! А дѣдка Егоръ, какъ на грѣхъ, и услышитъ.

— Вотъ я васъ хворостиной почищу, озорники вы этакіе; забудете дорогу въ мой огородъ! Пострѣлы, вотъ, постойте-ка—я васъ!..

Но пока старыя ноги Егора доплелись до огорода, вся ватага съ крикомъ и смѣхомъ носилась уже по деревнѣ.

II.

На дворѣ стояла чудная, на рѣдкость сухая, осень. Крестьяне спѣшили покончить дѣла на ригѣ и на мельницѣ, чтобы зимою посвободнѣе было.

Былъ тихій, теплый вечеръ, одинъ изъ тѣхъ, когда кажется, что лѣто еще не ушло, что оно еще не скоро уступить мѣсто слезливой осени.

Наработавшись за день, деревня спала крѣпкимъ, глубокимъ сномъ, даже собаки и тѣ залѣзли кто куда могъ; для виду одна какая-нибудь тявкнетъ, но, не получивъ отвѣта, подбирала хвостъ и лапы подъ себя и, мигнувъ однимъ глазомъ, рѣшала, что поспать, пожалуй, лучше и покойнѣе будетъ.

Долго-ли спала Дуня — она не помнила. Проснулась она отъ сильнаго жару и свѣта. Открывъ глаза, она сразу даже не могла сообразить, гдѣ она, что съ ней. Въ избѣ было свѣтло, какъ днемъ, пахло ѳдкимъ дымомъ. „Пожаръ!“ мелькнуло въ умѣ дѣвочки. Въ одинъ мигъ она была уже въ сараѣ и разбудила спавшихъ тамъ на сѣнѣ отца и дѣда. Затѣмъ она бросилась обратно въ избу, къ полатямъ, гдѣ спалъ Васютка.

Бабка что-то тащила, кричала ей, чтобы она помогла, но Дунѣ некогда было разбирать, она схватила на руки брата и помчалась съ нимъ въ поле.

Вася, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ спать. Онъ на минутку открылъ было глаза, обвелъ ими встревоженное лицо дѣвочки и заснулъ еще крѣпче.

Въ селѣ между тѣмъ не успѣли еще всѣ проснуться, какъ пожаръ охватилъ уже многія избы. Общий ужасъ былъ такъ великъ, что крестьяне теряли всякое соображеніе; они хватались за предметы ненужные и оставляли на произволъ пламени свое добро, накопленное долгими трудами: тамъ баба хватала изъ пламени дырявое ведро, а въ избѣ надрывался крохотный ребенокъ; тутъ мужикъ тащилъ телѣгу, не выводя изъ-подъ горящаго навѣса лошадь.

За лѣто избы, крыши и плетни дворовъ высохли и огонь, не встрѣчая препятствій, пожиралъ все, что попадалось ему на пути.

Вдобавокъ поднялся сильный вѣтеръ, который перебрасывалъ горящія головешки на противоположную часть деревни, такъ что она запылала съ двухъ концовъ.

То тутъ, то тамъ слышались раздирающіе душу крики, и надѣль всѣмъ этимъ страшный гулъ, трескъ и стонъ.

Вѣсть о пожарѣ скоро распространилась по многимъ окрестнымъ деревнямъ и городамъ. Стали посыпать кто-что могъ бѣднымъ погорѣльцамъ, но присыпаемаго не хватало, чтобы всѣхъ прикрыть и насытить.

Дунина изба со всѣмъ имуществомъ сгорѣла одна изъ первыхъ. Даже скотину не успѣли спасти,—остались они такими бѣдными, хоть по міру ходи.

Отецъ, получившій во время пожара сильные ожоги, прохворалъ недѣли 2—3 и отдалъ Богу душу, дѣдъ немногимъ его пережилъ. Остались сиротки безъ крова и хлѣба.

Наступила глубокая осень. Потянулись сѣрые, холодные и дождливые дни, все было заволочено бѣлесоватой полосой тумана, по сѣрому низкому небу ползли еще болѣе сѣрыя, непривѣтливыя тучи.

И сытому, и сидящему въ теплѣ человѣку непріятно и жутко въ такую пору; но каково тому, кто не имѣеть, куда преклонить голову и чѣмъ утолить голодъ и жажду!..

Долго думали наши сиротки — что имъ предпринять, куда укрыться отъ зимней стужи, и рѣшили уйти изъ родного уголка—побираться Христовыми именемъ, какъ это сдѣлала почти вся деревня.

Трудно было имъ разстаться съ мѣстомъ, гдѣ жилось такъ беззаботно и весело, да дѣлать нечего...

Горько плакала горемычная Дуня, прощаясь съ могилами родителей, мысленно давая имъ обѣтъ — быть всегда доброю и заботливою сестрою своему маленькому Васѣ, который тутъ же стоялъ и навзрыдъ плакалъ.

Поклонилась она въ землю, перекрестилась, взяла Васю за руку и вышла изъ родного села.

Побрели они, куда глаза глядятъ; перебиваясь кое-какъ, терпя жестокую нужду, шли они все дальше и дальше, пока не дошли до Петербурга.

Непривѣтливо встрѣтилъ ихъ большой городъ. Снѣгу навалило вокругъ него видимо-невидимо. Съ низкаго неба спускались безпрестанно большія, мокрыя хлопья. Дѣти, не видавшія такихъ большихъ домовъ, боялись, что эти каменные глыбы вотъ-вотъ обвалятся

и задавятъ ихъ, а городской шумъ наводилъ на нихъ невѣроятный страхъ...

Пока они шли по деревнямъ, имъ часто давали денегъ, хлѣба и мѣсто для ночлега, но въ городѣ всѣ казались занятymi, куда-то спѣшили, торопились, перегоняли другъ друга, и никто не остановился выслушать грустную исторію дѣтей.

Не имѣя ни души знакомыхъ, не зная улицъ, Дуняша съ ужасомъ думала, гдѣ они проведутъ ночь.

Лица у дѣтей горѣли, но руки и ноги были, какъ ледъ, холодныя; рѣзкій вѣтеръ дулъ имъ навстрѣчу,

пронизывая ихъ насквозь. Они все шли, не зная, куда придутъ, пока не дошли до большаго дома, окруженаго садомъ.

Вася плакалъ и жаловался на духоту и жаръ, голова у него болѣла до тошноты, въ рукахъ и ногахъ чувствовалась страшная ломота, губы растрескались, и онъ съ жадностью глоталъ падавшій въ изобиліи снѣгъ.

— Дуня, я не могу дальше идти, тошно мнѣ! Я пить хочу... Сядемъ здѣсь, — и Вася, не дожидаясь Дунинаго отвѣта, опустился на тротуаръ.

Дѣвочка отъ усталости и холода сама еле держалась на ногахъ, но теперь она все забыла и, опустившись возлѣ брата, вся сосредоточилась на блѣдномъ лицикѣ его. Она называла его нѣжными, ласкательными именами, пробовала поднять его, но видя, что ничего не помогаетъ, что Вася лежитъ, какъ пластиль, встала и громко заплакала.

Вокругъ дѣтей собралась кучка народа, всѣ охали и сочувственно глядѣли на нихъ, кто предлагалъ Васю свезти въ больницу, кто въ полицію. Дуня, какъ и большинство деревенскихъ жителей, боялась полиціи и потому, услыхавъ, что Васю хотятъ отвезти туда, принялась еще громче плакать.

Въ это время изъ толпы вышелъ стариекъ и, ласково обратившись къ Дунѣ, взялъ ее за руку.

— Не плачь, дитя! Я возьму тебя и братишку къ себѣ, тамъ за вами присмотрѣть моя старуха. Вылечимъ мальчугана... А теперь помогите-ка мнѣ, добрые люди, усадить дѣтей на санки! — обратился онъ къ толпѣ.

Кто-то живо сѣгалъ за извозчикомъ, старикъ взялъ Васю на руки, а дѣвочку усадилъ съ собою рядомъ и поѣхали.

* * *

Три дня уже живетъ Дуня въ домѣ одного старого чиновника на Выборгской сторонѣ, у того самаго, который поднялъ безчувственаго Васю съ тротуара и вмѣстѣ съ Дуней привезъ къ себѣ.

Во всѣ эти три дня мальчикъ не приходилъ въ себя, онъ даже не бредилъ, а только глухо стональ. Сестра не отходила отъ кровати больного.

Она не знала, да и не думала, гдѣ она; она только все заботилась о своемъ ненаглядномъ Васѣ.

Докторъ приходилъ два раза въ день; онъ внимательно выслушивалъ и осматривалъ больного, прописывалъ ему лекарство, но ничего не помогало.

На четвертый день Васи не стало...

Послѣ похоронъ брата у Дуни сдѣлалась нервная горячка. Добрые люди, пріютивши еe, заботились о бѣдной дѣвочкѣ, какъ о своемъ родномъ дѣтищѣ, не жалѣя трудовъ и издержекъ. Долго боролась она между жизнью и смертью, но молодость взяла верхъ, и докторъ, не разъ отчаявавшійся, могъ наконецъ увѣрить стариковъ въ счастливомъ исходѣ болѣзни.

Былъ чудный зимній день. Солнышко, весело блестая, разсыпало безчисленные лучи по ослѣпительно бѣлому снѣгу. Въ комнаткѣ, гдѣ лежала больная дѣвочка, было свѣтло и уютно; Дуня тихо спала и спокойно дышала, вдругъ она улыбнулась и открыла свои большие голубые глаза. Съ изумленiemъ остановила она ихъ на добромъ лицѣ старушки, сидѣвшей у по-

стели съ чулкомъ въ рукахъ, на симпатичной фигурѣ старика-чиновника, и слезы градомъ потекли по ея блѣднымъ щекамъ.

— Ну, о чемъ, касатка моя? Полно, родная, успокойся! — говорила добрая старушка, гладя Дунину голову. — Богъ дастъ, поправишься, мы тебя никуда не пустимъ — будешь нашей дочерью...

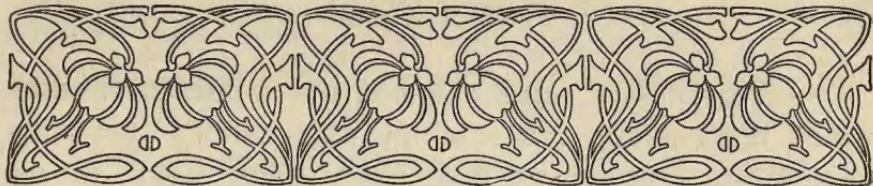
— Поправляйся только скорѣе: въ школу отадимъ, умницей будешь, — добавилъ старикъ.

Дуня припала къ морщинистой рукѣ, ласково гладившей ее; она сердцемъ угадала, что эти два существа полюбили ее, какъ дочь, что они замѣнятъ ей умершихъ родителей и устроятъ ей счастливую и хорошую будущность.

— Вася... — прошептала она, горюя, что помочь явилась поздно и братишка не будетъ житься такъ же хорошо, какъ ей.

— Вася у Бога, — сказала старушка, — тамъ ему лучше, чѣмъ на землѣ...

ДРУЗЬЯ ДЪТЕЙ.

I.

Не повсюду проникали косые лучи заходящаго солнца: въ то время, какъ они весело скользили по шпицамъ и куполамъ церквей, заглядывали въ зеркальныя окна домовъ и бросали миллионы разноцвѣтныхъ искръ на снѣгъ, въ сырой коморкѣ поденщицы Мары было уже почти темно.

— Вотъ такъ скуча! — ворчалъ Вася, десятилѣтний сынишка Мары, сидя съ ногами на старомъ, изодранномъ креслѣ, Богъ вѣсть какъ попавшемъ въ подвальныи уголъ бѣдняковъ.

— Хотя бы по улицамъ побѣгать; небось, всѣ наши теперь дѣда изъ снѣга лѣпятъ и Сенька свой конекъ принесъ—лихо катается!—Передъ глазами мальчика пронеслась живая ватага школьнниковъ, шумъ, говоръ, смѣхъ, красныя руки, румяныя щеки, поломанныя Гаврюшкины салазки и недавно найденный Сенькой конекъ.

— Противные! все вы виноваты! — и Вася погрозилъ рукой подъ лавку, гдѣ лежала пара сапогъ безъ по-дошвъ: — и надобно же было имъ какъ разъ теперь отвалиться! Ну, какъ пойду босой-то въ школу! Мамкѣ что! Уйдетъ на работу и какъ съ гуся вода, а ты сиди, кисни; вотъ давеча жалѣла, что въ школу не могу изъ-за нихъ идти, а мнѣ школа что — хоть бы вѣкъ тамъ не бывать!

— Что рты-то разинули! — вскрикнулъ онъ вдругъ, вскочилъ съ кресла и швырнуль ногою виновниковъ своего несчастія; сапоги съ шумомъ полетѣли подъ кровать и тамъ застряли.

Мальчикъ сердито подошелъ къ крошечному окну, великолѣпный вечеръ смотрѣлъ въ него. Морозъ крѣпчалъ, солнышко уже скрылось и ранняя, зимняя луна обливала блѣднымъ свѣтомъ дома и деревья; на западѣ ярко сверкала большая чудная звѣзда Венера.

Вася принялъ барабанить по стеклу, устремивъ взоръ на темносинее небо, гдѣ одна за другой загорались звѣзды. Чѣмъ дольше Вася смотрѣлъ на звѣзды, тѣмъ спокойнѣе становилось у него на сердцѣ.

— Отчего же я на мамку сержусь? Ужъ она и такъ изъ силъ выбиваются, — думалъ Вася. — Небось, не легко зимой въ прачечныхъ стоять, да на рѣкѣ... а я вотъ дома сижу, ничего не дѣлаю и въ школѣ лѣнлюсь, учусь хуже всѣхъ.

Размышленіе Васи было прервано падающей звѣздой, Вася набожно перекрестился.

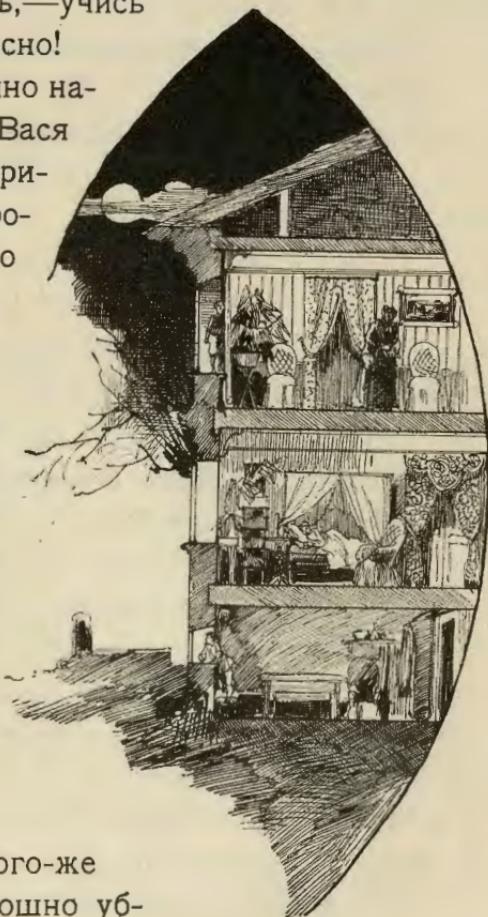
— Чья-то душа закатилась, — прошепталъ онъ. — Учитель говоритъ, что это вздоръ, что звѣзды совсѣмъ не оттого падаютъ. Хорошо бы узнать, отчего однѣ звѣзды горятъ и переливаютъ, другія нѣтъ; отчего

луна каждый мѣсяцъ нарождается; отчего наступаютъ ночь и день?..

— Кто же тебѣ мѣшаетъ все это узнать, шепнулъ ему внутренній голосъ,—учись и все тебѣ станетъ ясно!

— Надо, непремѣнно надо учиться!—рѣшилъ Вася и далъ себѣ слово прилежно приняться за уроки. Ему показалось, что звѣздочки ярче засверкали и дружно закивали ему.

Возвратилась мать Васи, смотритъ: Вася спитъ и улыбается, вѣрно, хороший сонъ ему снится. Мать раздѣла его, перекрестила и уложила въ постель.

I.

Въ бель-этажѣ того-же дома, въ роскошно убранной спальни тишина,

На бѣлоснѣжной кроваткѣ лежалъ блѣдный, больной ребенокъ: единственный сынъ, любимецъ и баловень семьи. Въ уютной комнатѣ больного шторы были не спущены. Онъ, какъ и Вася, съ наслаждениемъ смотрѣлъ на звѣздное небо.

— Мама,—шепталъ ребенокъ,—я буду жить! Мне

это звѣздочки сказали. Вчера онѣ манили меня къ себѣ, говорили, что я буду свѣтить звѣздочкой вмѣстѣ съ ними. Но я сказалъ имъ, что ты безъ меня будешь плакать, онѣ и не возьмутъ меня. Вотъ, посмотри сама! Та большая звѣзда кланяется намъ, но она больше не зоветъ меня...

Утомившись разговоромъ, мальчикъ сталъ засыпать. Въ этотъ вечеръ сонъ его былъ спокойнѣе, чѣмъ въ предыдущіе.

III.

 тажемъ выше, надъ окномъ больного Коли находилось такое же широкое, зеркальное окно; тяжелыя портьеры закрывали отъ любопытныхъ звѣздочекъ внутренность квартиры. Вотъ тяжелый штофъ раздвинулся и на подоконникъ вскочилъ прелестный мальчикъ съ темными глазами. Онъ плотно задвинулъ занавѣсы, очевидно прячась отъ кого-то.

Баловнику Митѣ хорошо стоять на широкомъ окнѣ, но каково старой нянѣ, которая изъ силъ выбивалась, разыскивая его по всему дому.

— Митенька, батюшка, отклиknись! — слышится ея старческій, умоляющій голосъ: — ну, гдѣ ты, касатикъ? скажись, вѣдь я, старая, всѣ ноги обѣгала! — И няня плелась дальше. — У, баловникъ, проказникъ! И искать тебя, пострѣла, не буду! Вотъ лягу спать, а ты сиди, гдѣ сидишь! ворчала она, переходя изъ комнаты въ комнату.

Но Митя знаетъ, что няня не успокоится, пока не найдетъ его; ему весело, что старушка суетится.

— Господи, Твоя воля! говоритъ она: — ужъ не на дворѣ ли онъ по черной лѣстницѣ выбѣжалъ?

И няня спѣшитъ туда.

Тутъ Митя не могъ удержаться отъ хохота: вдругъ онъ испуганно взглянулъ на небо: звѣздочки, что такъ привѣтливо смотрѣли въ два нижніе этажа, нахмурились и печально сверкали на Митю. Даже та яркая звѣзда, которую онъ такъ любилъ и зналъ, что ее зовутъ Вега, и та тускло смотрѣла на хорошенъяко мальчика.

Ему стало больно и совѣстно. Стремглавъ бросился онъ изъ своей засады и чуть не сшибъ съ ногъ вернувшуюся со двора няню.

— Няня! Не буду, не буду больше мучить тебя! — говорилъ мальчикъ, обнимая старушку.

— Я и говорить-то съ тобою, сударь, не хочу! — сердито отвѣчаетъ няня, а сама цѣлууетъ своего любимца.

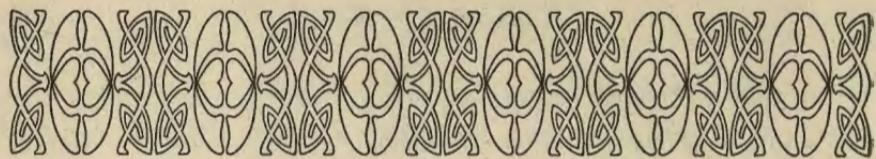
Черезъ нѣсколько минутъ миръ былъ заключенъ. Набожно помолившись, Митя легъ въ свою кроватку.

— Раздвинь, няня, немного занавѣсы: я хочу посмотретьъ, сердятся ли еще на меня звѣзды?

Няня распахнула обѣ половины; вся комната озарилась нѣжнымъ сіянью: это ясныя звѣздочки посыпали свои лучи къ Митѣ, а большая звѣзда, ослѣпительно переливаясь, глядѣла прямо въ добрые глазки мальчика.

Крѣпко заснулъ Митя и видѣлъ во снѣ, что звѣзды пришли къ нему въ гости и играютъ съ нимъ...

Исторія қусочка глины.

Была пресрасная свѣтлая ночь. Нѣсколько лунныхъ лучей проникли черезъ толстую штору въ большую уютную дѣтскую. Они освѣтили кроватку со спящей на ней темноволосенькой дѣвочкой, этажерку съ книгами, рабочій столикъ и еще нѣсколько вещицъ. Поигравъ на всемъ этомъ, они разлеглись широкими полосами по полу и стѣнамъ и стали прислушиваться, что творится въ дѣтской.

Изъ игрушечного угла, гдѣ стояли всевозможныя игрушки, раздавались оживленные голоса. „Господа!“ кричалъ красный, какъ ракъ, Петрушка, „я не мало видѣлъ на своемъ вѣку! Не разсказать-ли вамъ, для разнообразія, свою исторію, а то, право, надоѣсть вѣчно служить игрушкой въ чужихъ рукахъ. Согласны? Такъ я начну“.

— Отчего-же вамъ начинать? протянула въ нось гордячка кукла: она была одѣта въ русскій костюмъ и очень важничала.

— Оттого, что я умнѣе тебя! перебилъ ее забіяка Петрушка.

— Изъ-за-чего тутъ спорить? Не все-ли равно, кто разскажетъ, было-бы интересно послушать, вмѣшалась фарфоровая болонка.

— Ну, положимъ, не все равно, проворчала кошечка Лина, большая охотница всѣмъ противорѣчить.

„Хи-хи-хи“, разсмѣялся старый Рождественскій дѣдушка: „Вотъ чудаки! проспорятъ до утра и ничего новаго не узнаютъ; всѣмъ намъ, я думаю, давно надоѣло слушать одно и то-же. Не лучше ли будетъ попросить нашихъ новыхъ сосѣдокъ разсказать что нибудь новенькое“, и онъ указалъ на комодикъ, гдѣ стоялъ прехорошенкій кукольный чайный сервизъ.

— Ты, дѣдушка, правъ! согласились всѣ и обернулись къ незнакомцамъ; одинъ только Петрушка не сдѣлалъ этого, а продолжалъ ворчать себѣ что-то подъ носъ.

— Пожалуйста, расскажите намъ, откуда вы пришли и что видѣли? мы здѣсь совсѣмъ закисли, нѣкоторые изъ насъ годами не выходятъ на свѣтъ Божій, заговорили игрушки, обращаясь къ сервизу.

Чашечки сконфуженно поклонились обществу, причемъ издали нѣжный звукъ „дзинъ-дзинъ“ и начали мелодичнымъ, какъ серебряный колокольчикъ, голоскомъ: „Если позволите, то съ большимъ удовольстві-

емъ! но такъ какъ всѣмъ говорить за разъ неудобно, то пусть расскажетъ одна изъ настъ“.

Слушатели размѣстились по удобнѣе, и чашечка, немного подумавъ, начала: „У быстрой рѣчки находилась глиняная яма: глина эта была не простая, а благородная,—такая, изъ которой дѣлаютъ посуду. Глина ничего лучшаго не желала себѣ, какъ лежать на этомъ мѣстѣ; ей было весело въ нѣдрахъ земли, къ ней иногда забѣгали рѣзвушки-ручейки, проникали болтушки дождевыя капли; тѣ и другія разсказывали ей презабавныя сказки“.

— Однажды, къ ямѣ подъѣхали люди и стали лопатами вынимать большія глыбы глины и бросать въ телѣга.

— Когда телѣга наполнилась, лошадь тронула. „Куда мы ъдемъ?“ спросили глыбы, утомившись тряской. Какъ будто имъ въ отвѣтъ лошадь остановилась у какого-то зданія, гдѣ ихъ безцеремонно выкинули въ громадный чанъ съ водой. Въ немъ глина обратилась въ жижицу, которую большими черпаками перелили въ воронку изъ громадныхъ жернововъ, жернова заходили, замололи, острые зубцы размельчили въ массѣ всѣ крупинки. Изъ воронки глиняную жижицу направили по желобамъ въ деревянные чаны съ водой; въ нихъ вся глина раздѣлилась на слои; на самомъ верху лежалъ мягкій, нѣжный слой, подъ нимъ лежалъ слой погрубѣе, подъ вторымъ слоемъ третій—глина, смѣшанная съ желѣзомъ, а на самомъ днѣ осѣлъ тяжелый песокъ. Раньше все это было цѣлое, а теперь все лежало разъединенное, въ тоскливомъ ожиданіи будущаго. Ждать пришлось не долго..,

— Бѣдняжки! вздохнулъ Рождественскій дѣдушка изъ папье-маше.

— Бѣдняжки! повторилъ Петрушка, растопыря руки и глупо улыбаясь.

— Ахъ! вздохнули всѣ сочувственно.

— Послѣ этого, продолжала рассказчица, пришелъ рабочій, выпустилъ изъ чановъ воду и разрѣзalъ всю массу по пластамъ. Нижній слой пошелъ на грубую посуду, а верхній—на лучшую, самую тонкую, изъ который сдѣлали насъ.

— Какъ же васъ сдѣлали?—спросили всѣ, заинтересованные разсказомъ. Мастеръ положилъ на круглый, вертящійся на ножкѣ, столикъ небольшой кусочекъ глины изъ верхняго лучшаго слоя; ножку стола сталь вертѣть ногами, а руками нажимать глину, придавая ей форму чашечки; когда эта форма получилась, мастеръ пересталъ вертѣть и нажимать и передалъ чашечку другому мастеру, который обточилъ ее ножичкомъ, и она сдѣлалась тоненькая—претонененькая...

— Иванъ Васильевичъ, готово!—сказалъ онъ, передавая чашечку третьему мастеру, который придѣлалъ къ ней маленькое, изящное ушко.

— Затѣмъ чашечку, т. е. меня, поставили въ глиняный горшокъ особенной формы и вмѣстѣ съ нимъ сунули въ печь. Печь стала постепенно накаливаться. Я вся вспотѣла, потъ покрылъ меня крупными каплями, а рабочіе радовались, приговаривая:

— Какъ хорошо чашка сохнетъ, виши, всю влагу отдаетъ!

— Наконецъ, меня вынули, облили какимъ-то составомъ и опять поставили въ печь. Когда меня вторично вынули, то на моемъ бѣломъ фонѣ нарисовали палевые бутоны съ зелеными листочками и поставили

рядомъ съ точно такими-же чашечками, моими сестрами и братьями.

— При видѣ нашего превращенія изъ кусочковъ глины въ нарядныя фарфоровыя чашечки, я забыла все, что было съ нами до этого, и радовалась только настоящему.

— Въ магазинѣ, куда нась послали, мы не долго стояли. Однажды туда пришла наша маленькая хозяйка и купила нась всѣхъ вмѣстѣ. То-то была радость!..

„Ку-ку-ре-ку!
Ку-ку-ре-ку!
Я громко кричу,
Я солнце бужу!“

Пропѣлъ вдругъ по близости хвастунишка пѣтушекъ.

Блѣдные лучи мѣсяца торопливо скрылись. Игрушки быстро заняли свои прежнія мѣста. Одинъ только Петрушка остался съ раздвинутыми руками и застывшей, глупой улыбкой на красномъ лицѣ. Въ окно заглянула румяная заря, а за нею и красное солнышко.

ЦАРСТВО ФЕЙ.

На берегу синяго моря, среди стройныхъ пальмъ и кудрявыхъ орѣшинъ, стоялъ великолѣпный замокъ фей. На изумрудной зелени расли тамъ серебряные дубы съ золотыми желудями, а на нихъ прыгали яхонты, выя бѣлки; кругомъ

разросся мелкій кустарникъ, увѣшанный сережками смородины, бусами крыжевника и сочной малиной.

Шумливыя рѣчки, какъ рѣзвыя дѣти, прорѣзывая зелень луговъ, сбѣгали къ матери-морю; райскія птицы пѣли на райскихъ деревьяхъ, отягченныхъ неземными плодами; воздухъ былъ тамъ чистъ и благоухалъ, какъ свѣжая роза; небо принимало чудные оттѣнки; цвѣты блестѣли на солнцѣ, какъ яркія крылья бабочекъ...

Въ хрустальномъ замкѣ жила добрая царица фей со своими сестрами и подругами. Это были прекрасныя дѣвочки съ золотыми и серебряными волосами, съ синими и голубыми глазами. Звали ихъ: Вѣра, Надежда, Правда, Доброта, Жалость и Справедливость. Самую красивую изъ нихъ, съ блестящей звѣздой на лбу, звали Любовь, она была царицей надъ всѣми.

Каждое утро сестры сбрасывали свои легкія, цвѣта радуги, одежды и окунались въ прохладныя волны моря, откуда выходили бѣлыми голубками. Густымъ роемъ окружали онѣ старшую сестру, ожидавшую ихъ на берегу съ чашкой зеренъ въ рукахъ. Захвативъ по волшебному зернышку, голубки, одна за другой, разлетались въ разныя стороны.

Невидимкой влетали онѣ въ жилища людей, невидимо зароняли въ ихъ сердца принесенные зерна, которые, разростаясь, дѣлали этихъ людей честными и добрыми.

Но не всегда удавалось развиться добромъ сѣмени, часто приходилось ему бороться съ другимъ зерномъ, раньше положеннымъ въ душу черной птицей, одной изъ многочисленныхъ сестеръ злой волшебницы Лѣни.

Вечеромъ, когда взрослые и дѣти успокаивались и ложились спать, голубки уступали мѣсто добрымъ ан-

геламъ, а сами возвращались домой, на чудный островъ, въ свой дивный дворецъ.

Окунувшись въ море, онѣ превращались опять въ красивыхъ дѣтей въ лучезарныхъ тканяхъ. Лица однихъ были ясны и свѣтлы, другихъ печальны и грустны. Онѣ спѣшили въ цвѣточную залу, гдѣ ихъ дожидалась старшая сестра.

Стѣны этой залы были сотканы изъ нѣжныхъ, благоухающихъ лепестковъ махровыхъ розъ, потолкомъ служила большая бѣлая лилія, желтыя тычинки которой звонили, какъ золотые колокольчики. На полу лежалъ коверъ изъ ландышей. По срединѣ комнаты возвышался тронъ изъ незабудокъ; вокругъ него стояли стулья изъ нераспустившихся тюльпановъ.

Окруженнная сестрами, садилась царица на тронъ; до нихъ доносился тихій плескъ волнъ и пѣніе птицъ, а лепестки стѣнъ издавали нѣжную, неземную музыку.

Съ тревогой всматривалась Любовь въ дорогія лица и съ участіемъ распрашивала своихъ крошекъ фей о проведенномъ днѣ. Первая заговорила красавица Доброта:

— Сегодня я встрѣтилась съ моимъ недругомъ— Злостью.

— Она уже давно засѣла въ сердце одной дѣвочки и такъ крѣпко, что мнѣ не было возможности пробраться туда: сегодня, когда Злость задремала, тогда я положила въ сердечко ребенка мое зернышко, но такъ скоро, что Злость этого не замѣтила. Послѣ завтрака дѣвочка пошла гулять. За моремъ у нихъ стоять теперь большие морозы; дѣвочка была тепло одѣта и не чувствовала холода. На дорогѣ она увидѣла нищаго старика, дрожавшаго отъ холода и голода. Злость щеп-

птала:— „уйди, не давай ему ничего, купи себѣ лучше на эти деньги сласти!“ я же просила о помощи старику; голосъ моей соперницы заглушалъ мой, но дѣвочка все же начала прислушиваться: тогда Злость стала клевать мое зерно. Правда, въ этотъ разъ она одержала верхъ, но мое сѣмячко принимается и мало по малу вытѣснитъ ее совсѣмъ изъ сердца дѣвочки.

Вся сіяющая выступила впередъ Милосердіе. — Я сегодня побѣдила Жестокость: прилетѣла я въ одну деревню и сѣла на берегу рѣчки; немногого погодя, туда съ крикомъ и шумомъ прибѣжала толпа дѣтей. Одинъ изъ нихъ держалъ въ рукахъ корзинку со слѣпыми, жалобно пищавшими, котятами. Черною тѣнью окружила ихъ „Жестокость“.

Дѣти вынули котятъ изъ корзинки и стали привязывать камни къ ихъ худенькимъ шейкамъ.

Издали стояла маленькая дѣвочка, съ большими добрыми глазками; я спустилась къ ней.

— Дѣти, не трогайте котеночекъ! заговорила она со слезами,— у нихъ нѣть мамы: ее собаки загрызли; отдайте кошечекъ мнѣ! я ихъ вырошу.— Ребятишки смутились, зашептали и тѣ, которые за минуту передъ тѣмъ привязывали бѣднымъ звѣрькамъ камни, застыдились своего поступка. Я ихъ всѣхъ благословила и перецѣловала въ раскраснѣвшіяся щечки.

— Что-же вы молчите, неразлучныя мои? обратилась Любовь къ своимъ младшимъ сестрамъ Вѣрѣ и Надеждѣ, летающимъ всегда вмѣстѣ.

— И у насъ былъ сегодня радостный день! заговорили онѣ разомъ:— мы посѣтили одного человѣка, съ которымъ случилось большое несчастіе. Онъ ропталъ

и жаловался на постигшее его горе; когда же мы къ нему пришли, то онъ сталъ горячо молиться и въ молитвѣ увѣровалъ въ справедливость Божью и доброту Его. Съ этого момента ему сдѣлалось легко и онъ сталъ опять счастливымъ.

— О чѣмъ ты плачешь? спросила Царица Правду, стоявшую поодаль, съ опущенной головой, заливавшуюся слезами.

— Какъ мнѣ не плакать? отвѣтила Правда. Меня изгнала надолго изъ души одного мальчика злая Ложь. Раньше онъ былъ друженъ со мною, правдивъ и ласковъ. Незамѣтно для меня, Ложь овладѣла имъ и изгнала меня изъ его сердца. Сегодня онъ побилъ своего брата и нажаловался матери, что не онъ, а братъ прибилъ его; съѣлъ пирожокъ и сказалъ на Трезорку, того за это наказали; сломалъ бабушкины очки и сказалъ на няню!.. Правда горько заплакала, заплакали и другія, причемъ ихъ яркія крылышки потускнѣли.

Въ разговорахъ незамѣтно прошла ночь. На восстокѣ показались розоватые проблески зари. Феи поспѣшно нырнули въ воду и, преобразившись въ бѣлыхъ голубковъ, съ зернышками любви, оставили родной островъ для борьбы со зломъ, ложью и горемъ.

Когда имъ удается побѣдить черныхъ птицъ, сестрѣ злой волшебницы Лѣни, тогда онѣ возвращаются радостныя, рѣзвятся и танцуютъ до утра подъ дивные звуки цвѣточного оркестра.

Когда-же терпятъ неудачу, то плачутъ и грустятъ всю ночь на пролетъ...

ДВА ОКНА.

Лелины куклы жили въ дѣтской на широкомъ мраморномъ подоконни-
кѣ. Леля заботилась о сво-
ихъ дочкиахъ, какъ она на-
зывала куколь, обшивала
ихъ, убирала имъ комна-
ты, водила гулять, го-
ворила за нихъ, уклады-
вала спать, раздѣвала
и одѣвала. Однимъ сло-
вомъ, дѣлала все то,
что дѣлаетъ всякая ма-
ленькая мама.

Въ одинъ сѣрый,
пасмурный день дѣ-
вочка сидѣла у окна;
работа не клеилась,
играть не хотѣлось,
отъ нечего дѣлать она
стала глядѣть на падаю-
щей большими хлопъ-
ями снѣгъ.

Какъ разъ противъ зеркального окна ея дѣтской
находилось другое окно, не изъ цѣльного стекла, не-

большое, безъ занавѣсей, съ простой коленкоровой шторой. Прильнувъ личиками къ стеклу, такъ что носы сплюснулись, на Лелю глядѣли три хорошенькія дѣтскія головки. Очевидно, ребятишекъ занимала сидящая напротивъ нихъ дѣвочка, но, увидя, что ихъ замѣтили, они быстро соскочили съ подоконника и еще быстрѣе скрылись.

Леля заинтересовалась своимъ открытиемъ, она стала слѣдить за своими новыми знакомыми, но тѣ, какъ спугнутыя мышки, боялись показываться. Иногда выглядывали два свѣтлыхъ глазка, обводили съ любопытствомъ сосѣднее окно и живо исчезали.

Лелѣ хотѣлось пріучить къ себѣ дѣтей; она показывала имъ черезъ окно куклы и игрушки. Это помогло: сначала они были робки, но мало по малу привыкли и перестали ея дичиться. Не зная еще лично своихъ сосѣдей, Леля всею душою привязалась къ нимъ. Она забросила куклы и другія любимыя вещицы и брала ихъ только для того, чтобы показать смотрѣвшимъ на нее черезъ дворъ дѣтямъ. Но узнать поближе незнакомцевъ ей никакъ не удавалось. Мама, правда, обѣщала навести о нихъ справки и, если окажется возможнымъ, познакомиться съ ними, но все откладывала, пока представится случай. Время между тѣмъ шло, день увеличивился, чаще стало выглядывать солнышко, закапало съ крышъ, снѣгъ мѣстами почернѣлъ. Въ воздухѣ запахло тепломъ, потянуло весной. Наступилъ великий постъ. Леля считала недѣли и дни, когда наступить ея любимая Вербная недѣля.—Вотъ и она пришла.

Въ четвергъ Леля съ мамой собралась на вербу. Съ утра она волновалась, совѣтовалась со всѣми о покупкахъ, пересчитывала накопленные съ Рождества

деньги. Всю дорогу изъ дома до Гостиаго Двора она все соображала, что именно ей необходимо купить... Ярмарка, такъ называемая Верба, открывается только на одну недѣлю и находится около Гостиаго Двора; по линіямъ Гостиаго и на тротуарахъ вокругъ него располагаются въ четыре ряда лавочки и ларьки со всевозможнымъ товаромъ; тутъ продаютъ посуду, тамъ птицъ, здѣсь цветы; пряники и сладости заняли тоже не послѣднее мѣсто. Кое-гдѣ виднѣются итальянцы съ красивыми мозаичными работами, но больше всего игрушекъ. Народу по всѣмъ направленіямъ движется столько, что нѣтъ возможности пробраться черезъ эту живую стѣну. Мужики съ шарами, мальчишки съ американскими жителями и свистульками снуютъ въ толпѣ, выростая, точно изъ земли; стараясь перекричать другъ друга, всѣ наперерывъ предлагаютъ свой товаръ. Шумъ, гамъ, тѣснота и давка—такъ велики, что съ трудомъ можно разслышать, о чёмъ говорятъ. Леля съ мамой протискивалась въ толпу и оглядывала разложенные игрушки, восторгаясь то тѣмъ, то другимъ; Леля уже порядочно накупила всякихъ вещей, въ кошелькѣ оставалось совсѣмъ мало. Вдругъ она остановилась. На углу Невскаго, гдѣ начинается Перинный рядъ, стояла маленькая бѣлокурая дѣвочка въ старенькомъ салопчикѣ и въ голубой гарусной шляпкѣ; она держала въ рукахъ двѣ маленькия вязаныя салфеточки. Леля не могла ошибиться: это лицико было ей хорошо знакомо, хотя она никогда его не видѣла на улицѣ. Это была ея старая знакомая изъ противоположнаго окна. Дѣвочка тоже узнала Лелю и вѣжливо поклонилась ей.

— Здравствуй, здравствуй!—закивала ей Леля,— ты одна?—спросила она удивленно.

— Да одна! Я хочу продать мою работу; второй день стою и никто не покупает ее, — отвѣтила она грустно.

— Зачѣмъ же ты ее продаешь, если сама вязала? — еще болѣе удивилась Леля.

— Я бы на вырученныя деньги купила сестрамъ къ празднику подарки; онъ такъ желають имѣть хоть одну куклу, а у насъ нѣтъ ни одной настоящей: всѣ тряпичныя и бумажныя.

Леля глядѣла во всѣ глаза на свою сосѣдку.

— Какъ это можно не имѣть куколъ? — думала она.

— Я покупаю у тебя твои салфеточки, дитя мое, — сказала Лелина мама, — сколько же ты хочешь за нихъ?

— Сколько дадите, я сама не знаю.

— Хорошо, милая! мы, по всей вѣроятности, сойдемся, а теперь поѣдемъ съ нами домой, намъ вѣдь по-пути.

Дорогой Анна Ивановна Гаевская (мать Лели) разговорилась съ дѣвочкой. Ее звали Ниной, ей было тоже семь лѣтъ, какъ и Лель.

Нина рассказала, что ихъ три сестры, папы у нихъ нѣтъ, мама уходитъ каждый день съ девяти утра до четырехъ пополудни на уроки; тогда онъ остаются однѣ и она, какъ старшая, смотритъ за маленькими, убираетъ комнату, ходить въ лавку, все закупаетъ.

Цѣлый день имъ очень скучно, но когда прихо-

дить мама, имъ весело: она съ ними обѣдаетъ, разговариваетъ, учить ихъ и пьетъ съ ними чай.

Недавно мама сказала, что къ Святой у нихъ будетъ мало денегъ и дѣтямъ придется остатся безъ подарковъ.

— Тогда я рѣшила связать кое-что и на вырученныя отъ продажи деньги купить сестрамъ подарки,— закончила Нина.

Леля молча слушала дѣвочку и, когда та кончила, крѣпко-крѣпко поцѣловала ее.

— Какая ты славная!—промолвила она.

Экипажъ остановился у роскошной лѣстницы Гаевскихъ.

Нина расправилась со своими новыми знакомыми и поспѣшила домой, крѣпко сжимая въ кулачкѣ полуленную отъ Анны Ивановны новенькую пятирублевую бумажку.

Слѣдующій день бытъ воскресенье.

Мать Нины, Вѣра Петровна Зирина, была свободна и проводила его съ дѣтьми. Семья только-что позавтракала, когда раздался звонокъ. Нина побѣжала открывать и радостно вскрикнула; передъ нею стояли Леля съ матерью.

— Извините меня, пожалуйста,—заговорила Гаевская,—что я пришла безъ приглашенія, но наши дѣти давно уже познакомились черезъ окно и мнѣ захотѣлось познакомиться съ вами.

Вѣра Петровна также обрадовалась гостямъ. Между обѣими матерями завязался разговоръ, во время котораго Зирина рассказала, какъ трудно ей оставлять дѣтей однихъ на цѣлый день, но другого средства для пропитанія семьи нѣтъ.

— Знаете что! — сказала Анна Ивановна, — моей Лелѣ пора учиться, я давно подыскиваю себѣ подходящую учительницу, но все какъ-то не нахожу; если бы вы согласились давать ей уроки, я была бы очень, очень рада. Ваша Ниночка могла бы также учиться вмѣстѣ съ ней, имъ обѣимъ будетъ гораздо веселѣе. Квартира у меня большая; я бы вамъ предложила у насъ двѣ комнаты, вамъ тогда не надо будетъ разставаться съ дѣтьми — и вамъ хорошо, и моей Лелѣ веселѣе! — Вѣра Петровна съ радостью согласилась, и рѣшено было, что онѣ сейчасъ же послѣ Пасхи перѣдутъ къ Гаевскимъ.

Пока большія говорили о дѣлѣ, дѣти быстро пerezнакомились: они забрались на окошко и всѣ вмѣстѣ стали глядѣть черезъ дворъ къ Лелѣ.

Въ дѣтской возилась няня, съ подоконника видны были куклы.

Леля ушла передъ самymъ обѣдомъ, взявъ обѣщаніе, что Вѣра Петровна скоро отпуститъ дѣтей къ нимъ. Быстро прошла Страстная недѣля. Наступило Свѣтлое Христово Воскресеніе.

Зирины были приглашены на весь этотъ день къ Гаевскимъ. Для Лели это былъ одинъ изъ самыхъ счастливыхъ дней въ ея жизни. Она поднялась раньше всѣхъ, чтобы разставить и раздѣлить подарки. Къ двѣнадцати часамъ пришли желанные гости. Похристосовавшись, каждый получилъ свой подарокъ: Нина — интересные книги съ картинками; крошка Оля — большую нарядную куклу въ розовомъ атласномъ платьѣ, съ длинными, бѣлокурыми локонами и черными глазами; Катя — такую же въ голубомъ платьѣ и кукольный, чайный сервизъ съ маленькимъ подносомъ.

Трудно описать восторгъ дѣтей при видѣ такихъ игрушекъ; долгое время имъ все не вѣрилось, что эти игрушки принадлежать имъ, и они могутъ ихъ взять съ собою.

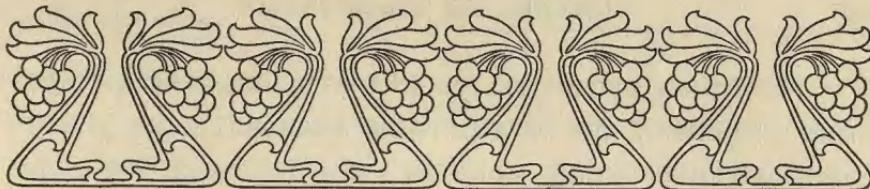

— Возьми, Леля, — прошептала раскраснѣвшись Нина,—это отъ меня на память! — и она протянула подругѣ хорошенькую книжку, на которой крупными буквами было написано: „Хижина дяди Тома“.

Леля уже давно хотѣлось имѣть эту книгу и вотъ Ниночка точно отгадала ея желаніе. Она бросилась цѣловаться и благодарить Нину.

— Я это тебѣ купила на свои собственные деньги! — сказала тихо Нина, съ любовью глядя на Анну Ивановну.

Каникулы въ деревнѣ.

I.

Жаступилъ великий постъ; солнышко лило съ голубаго неба на мерзлую, мѣстами чернѣющу, землю потоки свѣта. Снѣгъ темнѣль и какъ-то незамѣтно таялъ; въ воздухѣ запахло тепломъ, прилетѣли предвѣстники весны—грачи и ласточки; за ними появились вереницы жаворонковъ и всякой другой перелетной птицы. Почки на деревьяхъ разбухали и быстро раскрывались подъ живительными лучами весенняго солнышка.

Въ домахъ выставлялись зимнія рамы, мылись окна, убирались шубы. Дѣти налегкѣ бѣгали въ школу.

Прошла первая половина мая, съ нею кончились трудныя занятія. Дѣтвора вздохнула свободно.

Коля и Вася Щурины учились въ городѣ и жили пансионерами въ гимназіи. Вчера они выдержали послѣдній экзаменъ и ждали отца, который долженъ быть за ними прїѣхать изъ деревни, гдѣ Щурины жили безвыѣздно и куда дѣти ѿхали на цѣлое лѣто.

Коля, съ утра не отходившій отъ окна, первый увидѣлъ крытый возокъ и сидящаго на козлахъ кучера Филиппа.

Пройтись кубаремъ по комнатѣ, соскочить черезъ три ступеньки по лѣстницѣ и выскочить на улицу—было дѣломъ одной минуты.

Едва успѣлъ папа вылѣзть изъ возка, какъ съ двухъ сторонъ у него повисли на шеѣ Коля и Вася.

— Я перешелъ первымъ въ третій классъ, одна только пятерка съ минусомъ, а то все пять... Такъ я тебя ждалъ, такъ ждалъ, думалъ совсѣмъ не пріѣдешь! А мама здорова? Катя, Соня, Степанычъ, всѣ? Изъ Закона чуть не нарвался на четверку... трещалъ однимъ духомъ Коля.

— Я третій по балламъ, шестой по алфавиту; у меня двѣ четверки: изъ нѣмецкаго и изъ русскаго, а то все пятерки. Что мама? а Сенька ничего не сказалъ? а Соня и Катя ждутъ?—сыпалъ одновременно съ братомъ Вася.

— Дайте же опомниться, пузыри! говорилъ, ласково улыбаясь, отецъ, оглядывая съ любовью обоихъ.—Ну, поздравляю, поздравляю! Какъ вы выросли, пополнѣли, видно, ученье въ прокъ идетъ.

— Значитъ, теперь ты, Колинька, въ третьемъ, а Васюкъ во второмъ классѣ? отлично! И отецъ поочередно цѣловалъ то одного, то другаго.

Черезъ два часа кибитка катилась по пыльной шоссейной дорогѣ. Разспросы и разсказы все еще продолжались съ такой же быстротой и сбивчивостью. Живѣли чижикъ? собираетъ ли Сенька птичья яйца? ловитъ ли Ванюшка бѣлокъ? сидитъ ли еще Барбоска на цѣпи? починили ли лодку? гдѣ ежикъ? День прошелъ незамѣтно; ночь пришлось провести на постояломъ дворѣ. Всю ночь ни Коля, ни Вася глазъ не смыкали: то имъ хотѣлось скорѣе расцѣловать мать и сестеръ, то сбѣ-

гать на пчельникъ къ Степанычу, то навѣстить пріятелей, деревенскихъ мальчишекъ. Съ трудомъ дождались они разсвѣта, разбудили папу и Филиппа, наскоро напились чаю и покатили дальше.

Къ обѣду второго дня путешественники были дома.

Пошли опять тѣ же рассказы, мама плакала отъ радости, Катенька и Соничка съ уваженiemъ глядѣли на ученыхъ братьевъ, но черезъ нѣкоторое время обѣ увидѣли, что братья, хоть и ученые, все же совсѣмъ не измѣнились, слѣдовательно, будетъ весело и все пойдетъ по старому.

II.

Дѣти жили очень дружно между собою, но время проводили не всегда вмѣстѣ; объяснялось это тѣмъ, что каждый имѣлъ свое любимое занятіе.

Коля былъ страстный любитель птицъ и потому вѣчно находился на ловлѣ, Вася же съ дѣвочками и деревенскими ребятишками больше удилъ рыбу, ловилъ маленькихъ звѣрей и собиралъ коллекцію птичьихъ гнѣздъ и яицъ.

Послѣ обѣда Коля побѣжалъ къ своему закадычному другу и руководителю въ птичье дѣлѣ—пчельнику Степанычу.

Его крохотная избушка стояла среди большой, усыпанной полевыми цвѣтами, поляны, установленной пчелиными ульями и огороженной высокой изгородью.

Старикъ сидѣлъ на завалинкѣ и, прикрывъ ладонью глаза, смотрѣлъ, какъ поспѣшно пчелки убирались на ночь. Коля галопомъ подскочилъ къ нему съ боку и со всего размаху чмокнулъ его въ морщинистую щеку.

Степанычъ отъ неожиданности чуть не вскрикнулъ, но какъ онъ обрадовался, когда узналъ своего любимца.

— И какой же ты, Колинька, молодецъ! — говорилъ онъ, поворачивая мальчика на всѣ стороны; — пойди, скоро и меня переростешь! — Коля улыбался, прыгалъ вокругъ старой цѣпной Барбоски и цѣловалъ то лысую голову Степаныча, то кудластую морду мохнатой Барбоски.

— Небось, опять полуночничать станешь? — спросилъ ласково стариkъ, — вѣдь соловьи-то давно прилетѣли.

— Ну что, дѣдушка, хорошо ли они нынче поютъ?

— Поютъ, поютъ, тебя зовутъ, чтобы хвостъ показать, какъ улетать станутъ! засмѣялся въ отвѣтъ Степанычъ.

— Я дома говорилъ, что буду у тебя ночевать, сказалъ Коля.

— Ладно! Только, чуръ, рано ложиться, не маяться попусту, а тамъ пойдемъ. Передъ сномъ стариkъ угостилъ мальчика вкуснымъ чернымъ хлѣбомъ, толсто намазаннымъ ароматнымъ медомъ, и кружкою парного молока.

Было еще совсѣмъ темно, когда Степанычъ разбудилъ крѣпко уснувшаго мальчика; Коля быстро одѣлся и вмѣстѣ со старикомъ отправился къ фруктовому саду.

— Сиди смиро! Ни гу-гу! *Онъ* гдѣ-то ужъ защелкалъ, сказалъ шопотомъ Степанычъ.

Ночь дивно хороша. Утренняя зорька чуть-чуть румянитъ восточный склонъ неба. Отъ запаха цвѣтушихъ вишень и яблонь голова кружится; то тамъ, то тутъ раздаются пѣсни соловья.

Разбросанная въ безпорядкѣ деревня еще окутана

мглою; только шпицъ церкви отливаешь розоватымъ цвѣтомъ восхода.

Вдругъ въ кустахъ сирени раздались первые звуки соловья... слушатели замерли на мѣстѣ. Какъ потокъ, понеслась чудная мелодія, то замирая, то возрастаю, переливаясь жемчужными трелями, поражая полнотою и свѣжестью звуковъ.

Такое пѣніе ни разсказать, ни описать нельзя: его надо слушать и чувствовать...

— Это онъ, прошлогодній, прошепталъ до слезъ растроганный Коля;—дѣдушка нельзя ли его достать?

— Что жъ, поймать-то можно! Отчего не поймать? Только чѣмъ, лучкомъ или сѣткою? Метнемъ на счастье сѣть—авось и поймаемъ! А теперь по домамъ пора, пріятель. Завтра приди, попытаемъ счастье!

Весь день Коля провелъ въ сильномъ волненіи. Послѣ обѣда онъ былъ уже на пчельникѣ и вмѣстѣ со своимъ другомъ готовился къ охотѣ.

На кусты сирени накинули они полукругомъ сѣтку, а сами сѣли въ засадѣ. Долго пришлось имъ ждать; наконецъ показался соловей. Онъ заскакалъ по землѣ, отыскивая подъ листьями личинокъ, и недовѣрчиво посматривалъ своими большими, умными глазами на сѣть, но любопытство взяло верхъ надъ осторожностью: птичка сначала робко, потомъ все смѣлѣе запрыгала по дорожкѣ. Тогда Коля съ одной стороны, Степанычъ съ другой начали тихо выступать изъ засады. Соловей замѣтилъ ловцовъ и быстро поскакалъ къ сѣткѣ, запутался въ ней и сдѣлался Колиной добычей, который съ торжествомъ понесъ его домой и посадилъ въ клѣтку.

Когда Коля не бывалъ на охотѣ, то онъ возился

въ задней коморкѣ у Степаныча; тамъ хранилось все необходимое для ловли птицъ. Тутъ были: сѣтка, точокъ, западни, лошадиные волосы, капканы, муравьиная яйца и разныя другія принадлежности. Въ одномъ углу у окошечка порхали въ клѣткахъ живыя птицы. Старикъ ихъ называлъ *манными*. Это были его помощницы при ловлѣ.

Птичекъ этихъ онъ передъ ловлею держалъ въ темнотѣ и въ проголодь; передъ охотою онъ сажалъ ихъ въ западню. Послѣ долгаго одиночества, выведенныя на свѣжій воздухъ, передъ кучею насыпаннаго въ западнѣ корма, онъ становились очень крикливы и подвижны. На ихъ голосъ слетались вольныя птички и, бросаясь на кормъ, попадали въ западню.

Со своими манными птицами (отъ слова манить) старикъ не разстался бы ни за какія сокровища міра; да и не мудрено! Онъ ихъ самъ воспиталъ и обучилъ.

Ловлею птицъ друзья занимались до конца мая; съ этого времени старикъ и Коля убирали свои ловушки.

— Грѣхъ теперь трогать Божью птичку! — говоривалъ Степанычъ: — теперь у нея и домикъ готовъ, и дѣти выведены; не проживетъ она и трехъ дней въ неволѣ: безпремѣнно пропадѣтъ съ тоски по нимъ.

Пріятели и лѣтомъ занимались своимъ любимымъ дѣломъ. Они ходили по полямъ и рощицамъ, доставали различныя птичья яички и наблюдали за житѣемъ-бытьемъ обитателей многочисленныхъ гнѣздъ.

Но съ половины юня для нашихъ птицелововъ опять начиналась дѣятельная пора.

Старикъ вытаскивалъ изъ задней коморки дудки и сѣти. Коля то и дѣло бѣгалъ къ своему учителю спрашивающимъ, когда они пойдутъ крыть перепеловъ?

— Да ужъ безъ тебя, стрекачъ, не пойду! Виши зачастиль; теперь еще рано: выводки еще махонькіе; а вотъ недѣльки черезъ двѣ, тогда въ самый разъ будетъ—тогда и соберемся.

Перепеловъ въ той мѣстности водилось множество: съ начала мая до половины сентября всѣ поля кишмя-кишѣли ими. Часто случалось дѣтамъ, гуляя въ полѣ,

натыкаться на ихъ гнѣзда — небольшія углубленія, выложенные сухими растеніями. Въ гнѣздѣ иногда лежали отъ 8 до 14 яицъ грушевидной формы, свѣтлыхъ, впадающихъ въ коричневатый оттѣнокъ, съ темнокоричневыми пятнышками. Пойдутъ дѣти вечеромъ за васильками: кругомъ по нивѣ раздаются звуки перепеловъ, иногда изъ-подъ ногъ выскочить жирный перепелъ, перебѣжитъ межу и скроется въ высокую рожь; иногда бѣдняжка такъ перетрусится, что уткнетъ только голову въ траву, думая что такъ его не видно.

Канунъ охоты Коля всегда ночевалъ у Степаныча. Не смотря на ранній часъ вставанія, имъ обоимъ не спалось: то одинъ, то другой заговаривалъ.

— Смотри, Коля, не проспи, будить не стану!—пугалъ нарочно стариkъ.—Вѣдь ихъ только и крыть на зарѣ. Какъ солнце встанетъ, перепела всѣ запрячутся во ржи, тогда ни одного не поймать.

— Ну, а вечеромъ?

— Чего вечеромъ? Вечеромъ хороший охотникъ ловить не станетъ... вотъ развѣ такой, какъ ты, ну, тому-то всегда можно!

— Хоть и плохой охотникъ, — огрызлся Коля, обиженный добродушнымъ юморомъ учителя—а все же знаю много, чего ты не знаешь.

Старикъ въ свою очередь разсердился. Онъ не любилъ, когда ему говорили, что другіе знаютъ больше его въ птичьемъ дѣлѣ.

— Ну ужъ, сударь, вѣрьте вся кому вздору, что въ книжкахъ пишутъ!—переходилъ онъ на „вы“.—Мы хоть не ученые, а, небось, не хуже васъ все знаемъ!

— Да кто и говоритъ, что хуже, а только ты вѣдь не знаешь, какъ живетъ птица зимою за моремъ...

— А, твоя книга знаетъ! Что она, летѣла, что-ли съ птицами за море?

— Не книга летѣла, а ученые слѣдили за ними и описали все, что видѣли.

Степанычъ начиналъ сдаваться: онъ хоть въ душѣ сознавалъ, что Коля навѣрное вычиталъ что-нибудь интересное, но, не желая ронять авторитета передъ своимъ ученикомъ, продолжалъ все еще дуться.

Коротенькая лѣтняя ночь кажется имъ нескончаемой; оба ворочаются съ боку на бокъ.

— Что жъ ты, сударь, не разскажешь, о чёмъ читалъ?—вдругъ почти ласково спросилъ стариkъ.

— Слушай же, дѣдушка!—начиналъ Коля, по обыкновенію захлебываясь.—Дядя Саша подарилъ мнѣ книжку про птицъ... ахъ, какая интересная! Тамъ и про перепелку много чего написано. Ты знаешь, что перепела каждую осень улетаютъ, но они не собираются, какъ другія птицы, стайками, а каждый перепелъ трогается въ путь по одиночкѣ, одинъ раньше, другой позже; только дорогою они соединяются и на югъ образуютъ уже цѣльныя стаи...

— Ну, это-то мы и безъ книгъ знаемъ!—перебилъ Степанычъ горячую рѣчь Коли.

— А ты слушай, дальше-то что будетъ! — и мальчикъ, не останавливаясь, продолжалъ:

— Съ начала сентября весь берегъ Средиземнаго моря сплошь покрывается перепелами, къ старымъ присоединяются все новыя и новыя стаи. Тамъ они остаются до тѣхъ поръ, пока хватаетъ корма и не наступаютъ холода и дожди.

— И вѣдь какъ странно, дѣдушка! Когда дуетъ попутный вѣтеръ, они не пускаются черезъ море, но, какъ только вѣтеръ перемѣняется, вся ватага со свистомъ поднимается и пускается въ путь, придерживаясь юго-западнаго направленія.

— Когда же вѣтеръ смѣняется бурею или подуетъ по направлению полета, тогда обезсиленные птицы падаютъ на палубы проходящихъ кораблей, на выдающиеся надъ водою скалы, и толстымъ слоемъ покрываютъ ихъ; долгое время лежать онѣ здѣсь, не двигаясь, отдыхая и набираясь новыхъ силъ. Даже, когда

вѣтеръ смыняется къ лучшему, и тогда онъ днями еще не пускаются въ путь.

— Подумай только, дѣдушка, сколько ихъ погибаетъ при подобномъ случаѣ! Вѣдь не всѣ же могутъ найти пріютъ на палубѣ или на какой нибудь скалѣ, и тогда онъ тысячами погибаютъ въ морскихъ волнахъ.

— Что и говорить, Колинька! Безпомощная птица, какъ есть безпомощная! Ну, а что же съ ними дальше-то бываетъ? — спрашивалъ заинтересованный стариkъ.

— До смерти измученные, долетаютъ онъ до сѣверной Африки и въ изнеможеніи падаютъ на песчаный берегъ. Пролежавъ на немъ нѣкоторое время, онъ уже бѣгомъ пускаются дальше. Въ первые дни прилета ни одна изъ нихъ не летаетъ, а только бѣгаetъ.

— Пробыvъ всю зиму на плодородныхъ поляхъ и сочныхъ лугахъ Африки, онъ съ весною возвращаются опять къ намъ, но не въ такомъ большомъ количествѣ, какъ улетѣли. ■

За разговорами прошла ночь. Заря охватила уже добрую четверть неба, когда наши ловцы вышли изъ хижины.

День обѣщалъ быть роскошнымъ, воздухъ благоухалъ запахомъ цвѣтовъ и зелени, нива блестѣла и алѣла на солнцѣ, мѣстами трава была еще совсѣмъ мокрая отъ росы; солнце всходило и въ золотѣ лучей топило нѣжную зарю.

Перепела свистѣли и кричали на всевозможные лады.

— Ну, Колинька, садись вонъ туда; да смотри, наигрывай слаше! И не зѣвай, затягивай во время, а я вотъ на другое мѣстечко сяду. Ишь, какъ заливаются, глупые!

Говоря это, Степанычъ накрылъ высокую рожь густой сѣткой.

Черезъ пять минутъ раздались нѣжные звуки двухъ дудокъ; цѣлый хоръ перепеловъ откликнулся на нихъ.

Старикъ только улыбался; это означало, что охота будетъ удачная.

III.

Совсѣмъ иначе проводилъ лѣто Вася.

Рано. Въ деревнѣ только что протрубилъ пастухъ, ворота однѣ за другими открывались, коровы и овцы, неуклюже толкая другъ друга, мыча и блѣя, выбѣгали къ пастуху. Солнце ударило въ шпицъ церкви.

— Тукъ-тукъ-тукъ!—раздалось въ окнѣ дѣтской, гдѣ спалъ Вася. Онъ лѣниво открылъ глаза и увидѣлъ своего пріятеля бѣловолосаго Сеньку, главаря всѣхъ деревенскихъ ребятъ: никто лучше его не зналъ, гдѣ находятся заячий норки, бѣличий гнѣзда, гдѣ незамѣтно цвѣтетъ кучка орѣшинъ, и т. п.

— Вставай, чего спиши!.. пойдемъ въ лѣсъ, я лису съ лисятами выслѣдилъ...

— Что ты!—вскочилъ Вася съ постели, впуская ранняго гостя черезъ окно.

— Право не вру; еще зимой я старую запримѣтилъ, ну и выслѣдилъ.

Въ мигъ Вася одѣлся и уже занесъ ногу на подоконникъ, чтобы черезъ окно пролѣзть въ садъ, какъ въ комнату вошла няня съ кружкой молока и булкою.

— Куда это въ такую рань!—накинулась она на Сеньку.—Какъ ты смѣлъ войти сюда? Кто позволилъ?— Сенька стоялъ ни живъ, ни мертвъ, переминаясь съ ноги на ногу.

— Полно, полно, няничка, не ворчи!—ластился къ ней Вася,—дай я все выпью и съѣмъ. Сама вѣдь знаешь, всю зиму учусь: въ заперти держатъ, а тутъ захотѣлъ погулять, ты и не пускаешь.—Хитрецъ Вася попалъ въ самое больное мѣсто старухи, заговоривъ съ ней о школѣ. Она не только перестала ворчать, но наложила имъ на дорогу полные карманы съ провизіей и сластями.

Пріятели черезъ садъ выбѣжали въ поле, оттуда въ лѣсъ. Серебряной пеленой покрыла роса траву и деревья. Пахло сиренью и черемухой. Пролѣзая черезъ заборъ, мальчики задѣли за вѣтку: ихъ обдало цѣлымъ дождемъ капель и цвѣтовъ.

Пройдя шаговъ двадцать, Вася снялъ чулки и башмаки и побѣжалъ босикомъ; ноги вязли въ мокрой травѣ, было холодно и сырьо. Но вотъ солнышко глянуло на землю, заиграло, и все приняло другой видъ. Роса превратилась въ отдѣльныя хрустальные капельки и, какъ алмазы, повисла на зелени.

Друзья вышли на лѣсную полянку, обросшую дубами, кленами, липами и березами; въ блестящей росой зелени бѣлѣли цвѣточки душистой земляники.

Всевозможные птицы оглашали мѣстность чудными напѣвами, между которыми красиво выдѣлялись голоса скворцовъ.

— Заливаются!—замѣтилъ Сенька,—а вѣдь это они у соловья пѣснь-то переняли...

— Будто!—усомнился Вася.

— А то нѣтъ? Что дроздъ, что скворецъ, у кого хошь переймутъ пѣсню и поютъ.

— Ишь суетятся-то какъ, точно дѣло дѣлаютъ!—

заговорилъ опять Сенька, задирая голову кверху; Вася послѣдовалъ его примѣру.

На дубахъ сидѣло большое общество скворцовъ и о чѣмъ-то горячо толковали, прерывая поминутно бесѣду свистомъ и пѣніемъ.

— Хочешь яйца достать? — спросилъ Сенька.

— Хотѣть-то хочу, да не грѣхъ ли будетъ взять ихъ?

— Вотъ еще! Птица снесетъ другое. Такъ взлѣзть, что ли? — и, не дожидаясь отвѣта, мальчуганъ взлѣзъ на суковатый дубъ. Вася полѣзъ вслѣдъ за нимъ.

Въ дуплахъ одно возлѣ другого находились скворечни гнѣзда; они были неряшливо выложены травой и почти въ каждомъ лежало по 5—6 большихъ, продолговатыхъ, свѣтло-синихъ яицъ.

Взявъ изъ двухъ гнѣздъ по одному, мальчики осторожно спустились и принялись за булки, которыми ихъ снабдила няня.

— Вася, видишь ты на той вѣткѣ гнѣзда иволги?

— Нѣтъ.

— Да ты всмотрись хорошенько, авось увидишь!

— Нѣтъ, не вижу, — отвѣтилъ Вася, глядя во всѣ глаза на указанную вѣтку.

— Его и точно сразу не замѣтишь, въ развиликѣ двухъ вѣтокъ; оно такъ искусно оклеено берестой, точно шарикъ или нарость на дёревѣ...

— Ахъ Сенюшка, посмотри! Что за прелесть! — и Вася указалъ на хорошенькое гнѣздышко въ чащѣ вѣтвей. Внутри оно было выложено мягкимъ войлокомъ, сдѣланнымъ обитателями его изъ смѣси мха, шерсти, пуха, травы и хлопчатой бумаги; снаружи оно было убрано листочками и лишаями того дерева, на которомъ оно находилось.

Вася вскарабкался къ самому гнѣзу и заглянулъ туда: на днѣ, укрытые пухомъ, лежали пять голубыхъ съ пятнышками яичекъ; но только мальчикъ хотѣлъ протянуть руку за однимъ, какъ надъ его головой съ жалобнымъ пискомъ пролетѣла прехорошенка желтовато-коричневая птичка, съ красной шейкой и желтыми полосками на крыльяхъ.

— Эй, да это щеголь! — подумалъ Вася,—это вѣрно его гнѣздо...—и онъ, не тронувъ яицъ, тихо спустился внизъ.

Щегленокъ боязливо оглянулся и живо порхнулъ въ гнѣздо.

— Что, досталъ яйца?

— Нѣтъ, жаль ихъ трогать, пойдемъ лучше къ твоимъ лисицамъ, а то во весь день не доберемся.

Мальчики вошли въ чащу, не смотря на то, что тутъ и слѣда дороги не было; Сенька, видно, зналъ отлично путь и шелъ увѣренно впередъ. Изъ темнаго моха свѣтлѣли ландышы и скромно кивали лиловыми головками фіалки, но пріятели больше не останавливались.

Вскорѣ они дошли до большого пня; съ одной стороны онъ обросъ брусликой и мохомъ, съ другой корни торчали кверху.

— Здѣсь!—шепнулъ Сенька товарищу.

Притаивъ дыханіе, оба встали недалеко за толстымъ стволомъ и начали ждать.

Подъ пнемъ была большая, просторная нора, къ которой вели множество ходовъ. Въ норѣ лежалъ большой запасъ всякой живности.

Постоявъ минутъ десять и оглянувшись мѣстность, мальчики увидѣли недалеко на полянѣ старую лису, съ четырьмя крошечными лисятками.

Звѣрьки рѣзвились, скакали, визжали и выглядѣли преуморительно.

Когда дѣтиныши натѣшились вдоволь, мать перетащила ихъ за шиворотъ въ нору, а сама, осторожно ступая и обнюхивая воздухъ, отправилась куда-то, должно быть на охоту.

Только мать ушла, какъ изъ-подъ самаго корня высунулись сначала двѣ острыя, хитрыя мордочки, затѣмъ показались рыженькія шубки шалуновъ.

Въ одинъ мигъ Сенька бросился къ тому мѣсту, и, прежде чѣмъ Вася опомнился, одинъ лисенокъ сидѣлъ у Сеньки за пазухой, а второй шмыгнулъ черезъ одинъ изъ многочисленныхъ ходовъ обратно.

— Ахъ ты гадость! Кусается!—вскричалъ Сенька,— погоди же!—и пересадилъ плѣнника въ картузъ. Оба товарища отправились тѣмъ же путемъ домой.

Лисенка посадили на веревку въ баню, куда Вася носилъ ему каждый день молоко и мясо.

Звѣрекъ такъ занялъ нашихъ друзей, что они нѣсколько времени забросили всѣ прогулки и только возились съ нимъ...

IV.

Но вотъ поспѣли грибы и ягоды; съ утра собирались ватаги дѣтей. По всему лѣсу раздавалось ауканье и говоръ. Потянуло туда и нашихъ пріятелей.

Идутъ они разъ съ черными отъ черники ртомъ и руками, видять,—имъ на встрѣчу важно выступаетъ маленький ежикъ: мальчики бросились къ нему, ежикъ не убѣжалъ, а свернулся, и вдругъ, вмѣсто него, передъ ними лежалъ колючій шарикъ.

— Нашелъ, глупецъ, чѣмъ пугать, думаетъ мы звѣри!—и снявъ свой дырявый, безсмѣнныи картузъ, Сенька накрылъ имъ звѣрька и взялъ его вмѣстѣ съ шапкой на руки.

Дома ежа выпустили, думали развернется; не тутъ-то было! Шарикъ лежалъ на полу, не шевелясь. Только поздно вечеромъ, когда всѣ уснули, ежикъ выглянулъ, выпустилъ свои ножки, высунулъ мордочку и сталъ

ловить и съ аппетитомъ съѣдать мышей, которыя во-дились въ комнатахъ. Прошло много дней, пока ежъ привыкъ къ окружающимъ; мало по малу онъ привя-злся къ людямъ и сдѣлался добрымъ и забавнымъ звѣрькомъ, много смѣшившимъ дѣтей, которыя обкар-мливали его булкою съ молокомъ, мясомъ и насѣкомыми.

Теперь онъ уже больше не свертывался, а бѣгалъ по всѣмъ комнатамъ безъ всякаго страха.

Разъ дѣти напоили его водкой; надо было видѣть, какія уморительныя штуки продѣлывалъ маленький пьян-чужка: онъ ходилъ, пошатываясь, изъ комнаты въ комнату, кружился на одномъ мѣстѣ, подымалъ кверху мордочку, то самымъ добродушнѣйшимъ образомъ огля-дывалъ всѣхъ, то вдругъ отскакивалъ въ сторону, то подпрыгивалъ. Наконецъ онъ повалился у дивана и крѣпко, прекрѣпко уснулъ.

Какъ сонъ промелькнуло красное лѣто. Братья еще не подумывали обѣ отѣзду, а въ домѣ выдвигались сундуки и корзинки, мама укладывала и шила, Катя и Соня помогали. На кухнѣ, за недѣлю до отѣзда, пеклись и жарились такие запасы, будто дѣтей отпра-вляли на сѣверный полюсъ, а не въ гимназію.

Больше всѣхъ хлопотала и сутилась няня: она то и дѣло приносила биткомъ набитые узелки и корзинки. Кажется, чего-чего тутъ нѣтъ! Всему классу хватить на цѣлый мѣсяцъ пирожковъ, ватрушекъ, печенья, тартинокъ, а няня еще тащить большую банку съ вареньемъ.

Мальчикамъ очень грустно уѣзжать, но видѣ запа-совъ немного утѣшаетъ ихъ.

Вотъ и 29 августа, день отѣзда въ гимназію. Всѣ собрались въ залѣ, посидѣли немного, мама перекре-

стила отъѣзжающихъ, долго-долго цѣловала ихъ, Катя и Соня проливали потоки слезъ, няня дрожащей рукой благословила и трижды поцѣловала своихъ питомцевъ.

На дворѣ стоялъ Степанычъ и Сенька, у воротъ другіе ребятишки.

Та же крытая кибитка съ Филиппомъ на козлахъ и двумя толстоногими, здоровыми лошадками ждала ихъ у крыльца.

Папа, Коля и Вася кое-какъ усѣлись между узлами и коробками.—Прощай, Степанычъ, побереги соловья!—высунулся Коля изъ кибитки.

— Ладно, Христостъ съ тобою, касатикъ...

— Сенька, лису выпусти, а ежика побереги, няня обѣщала дать сарайчикъ. Я тебѣ къ Рождеству книжекъ привезу,—говорилъ изъ другого окна Вася.

— Съ Богомъ, трогай!—сказалъ папа.

Всѣ опять перецѣловались, мама еще разъ перекрестила дѣтей, Филиппъ ударилъ по лошадямъ и вожокъ покатилъ.

НЕБЕСНАЯ ИМПЕРИЯ.

итай или Небесная Имперія, какъ китайцы сами называютъ свою страну, одно изъ самыхъ большихъ государствъ на земномъ шарѣ.

Страна эта богатая, плодородная, въ ней протекаютъ быстрыя, судоходныя рѣки, высятся громадныя горы; климатъ теплый, мѣстами даже тропической, и растутъ тамъ высокія пальмы, апельсиновыя и миндалевыя деревья, бамбуковый и сахарный тростникъ.

Людей въ этой странѣ такъ много, что не всѣмъ хватаетъ мѣста на сушѣ, многіе живутъ на плотахъ, по рѣкамъ и озерамъ. На плоты насыпаютъ землю, утрамбовываютъ ее и чѣмъ-нибудь засѣиваютъ.

Китайцы народъ трудолюбивый и работящій. Нигдѣ въ мірѣ не дѣлаютъ такихъ оригинальныхъ и красивыхъ вещей, какъ въ Китаѣ.

Оригинальны и сами китайцы: мужчины брѣютъ голову, оставляя только на макушкѣ длинную, тонкую, доходящую до пятъ косу. Носятъ широкую, въ видѣ кофтѣ и халатовъ, одежду и мягкую обувь. Женщины дѣлаютъ себѣ затѣйливыя прически; платье ихъ мало

отличается отъ платья мужчинъ, оно только ярче и богаче отдѣлкой. Цвѣтъ лица у мужчинъ и женщинъ желтый, глаза узенькие и черные, волосы жесткие.

* * *

Жиль былъ въ Китаѣ одинъ человѣкъ, по имени Мингъ-Хо, человѣкъ онъ былъ не бѣдный, не богатый. Владѣлъ рисовымъ полемъ и чайнымъ садикомъ; то и другое приносило извѣстный доходъ, но за то требовало большихъ хлопотъ и трудовъ.

Много требовалось терпѣнія, чтобы осушить болото, которое досталось бѣдняку Мингъ-Хо. Онъ и жена его на плечахъ натаскали туда чернозема, прорыли канальцы для стока воды и огородили тѣнистое мѣсто, куда положили въ землю чайныя сѣмена.

Когда сѣмена проростали и выглядывали двумя листочками на свѣтъ Божій, Мингъ-Хо пересаживалъ ихъ на солнце. Съ первымъ проблескомъ утра, онъ уже копался въ садикѣ: то онъ его окапывалъ и чистилъ, то окручивалъ деревья. Осушивалъ землю въ сырое время, поливалъ ее въ сухое. За то, какъ разрослись у него черезъ два года чайныя деревца, какимъ богатымъ листомъ одѣлись коричневыя вѣточки. И листъ вышелъ на славу, съ одной стороны нѣжно-зеленый, покрытый серебрянымъ пушкомъ, съ другой—вишневаго цвѣта. Въ маленькомъ чайномъ садикѣ было чисто и свѣтло, за его чистотой смотрѣли хозяйскія дѣти; ихъ было двое у Мингъ-Хо: мальчикъ Цзо и девочка Чао.

Цѣлый день мелькали среди деревьевъ бритая головка Цзо, съ тоненькой косичкой на макушкѣ, и

желтое, скулистой личико, съ узкими добрыми глазками, сестрички его ЧАО.

Братъ и сестра были такъ похожи другъ на друга, что ихъ только отличали по волосамъ, которые у ЧАО не брили, и они торчали жесткими, густыми прядями во всѣ стороны.

Дѣти были еще очень малы, работать они не умѣли, но они помогали родителямъ по мѣрѣ силъ своихъ; они каждое утро отправлялись въ ближній городъ продавать разныя вещички изъ кости и дерева, которыя искусно вырезывалъ МИНГЪ-ХО.

Путь ихъ лежалъ черезъ чудную рощу, гдѣ въ беспорядкѣ росли пальмы, кипарисы, орѣховыя и апельсиновыя деревья. Изъ густой, сочной травы выглядывали сотни пестрыхъ цвѣтовъ, по нимъ порхали большія голубя, синія и палевыя бабочки. Причудливыя птички заливались на всѣ лады, въ зелени трещали кузнечики. ЦЗО и ЧАО, стараясь не глядѣть по сторонамъ, спѣшили съ товаромъ въ городъ, гдѣ всегда находили покупателей. Дѣти съ трудомъ протискивались между прохожими. На узенькихъ улицахъ китайского города вѣчно суeta и шумъ: народъ тамъ дѣльный, попусту зѣвать не любить,

всъ спѣшать по своимъ дѣламъ. Улица выглядитъ пестро и нарядно со своими двухъ- и одноэтажными домиками, украшенными затѣйливой рѣзьбой, причудливыми воротами и навѣсами; крыши домовъ соединены между собою и представляютъ верхнюю улицу, на которой происходитъ такое же оживленіе, какъ внизу.

Цзо и Чao забрались наверхъ: оттуда городъ кажется еще красивѣе и оригинальнѣе. Тутъ и тамъ возвышаются на холмикахъ пагоды или храма съ уродливыми идолами. Въ носилкахъ сидятъ важные мандарины и знатныя дамы въ пестрыхъ платьяхъ съ высокими прическами, на которыхъ нерѣдко помѣщаются маленькия клѣтки съ птицами или букеты цвѣтовъ.

На встрѣчу Цзо и Чao попадались такие же маленькие продавцы, съ ручными голубями, съ ласточкиными гнѣздами, любимымъ лакомствомъ жителей Небесной Имперіи, со сверчками и червячками, до которыхъ китайцы великие охотники.

Когда день выдавался счастливый, братъ и сестра скоро распродавали всю корзинку вещей и довольные отправлялись черезъ ту же рощу домой.

На обратномъ пути имъ некуда было спѣшить, можно было погулять въ рощѣ, и дѣти рвали цвѣты, собирали ягоды, орѣхи и ловили бабочекъ. Однажды дѣти заигрались въ рощѣ.

— Чao, не пора-ли намъ домой?

— Ахъ, Цзо, здѣсь такъ хорошо. Зелень и цвѣты насъ манятъ къ себѣ, деревья привѣтливо распространяютъ свои вѣтви надъ нами. Останемся еще часочекъ!

Наигравшись вдоволь, дѣти заторопились; когда они вышли на дорогу, ихъ нагнали роскошныя носилки, въ которыхъ сидѣлъ, судя по одеждѣ, очень знатный

мандаринъ съ маленькой дѣвочкой. Коса у мандарина доходила до пятъ; на головѣ была шляпа со множествомъ золотыхъ шариковъ и одѣтъ онъ былъ въ ярко расшитое золотомъ платье.

Дѣвочка, хотя и была не больше ЧАО, но носила очень высокую прическу со множествомъ шпилекъ, отъ чего ея лицо было блѣдненькое и болѣзненное; она тоже была одѣта пестро и богато.

— Отецъ, отецъ! Купи мнѣ эти цвѣты, — сказала мандариночка.

— Эй, вы! — закричали на Цзо и ЧАО бѣжавшіе рядомъ съ носилками слуги. — Идите скорѣе сюда: свѣтъ очей нашихъ, ландышъ нѣжный, роза небесная, жизнь дней нашихъ желаетъ ваши цвѣты!

Дѣти со страхомъ подошли и передали дѣвочекъ нарванные въ рощѣ цвѣты.

— Отецъ, мнѣ нравятся эти дѣти; я хочу, чтобы они пришли ко мнѣ играть! — сказала избалованная Нѣкѣ.

— Это невозможно, райская птичка моя, — отвѣтилъ мандаринъ.

— Я хочу! Я хочу! — заплакала капризница, закрывъ руками лицо.

Мандаринъ велѣлъ слугѣ дать дѣтямъ небольшой серебряный слитокъ, и носилки быстро удалились.

Обрадованные Цзо и ЧАО тоже поспѣшили домой. Едва успѣли они разскѣзть родителямъ о своей необыкновенной встрѣчѣ, какъ къ ихъ хижинѣ, запыхавшись, прибѣжалъ тотъ же слуга, который далъ дѣтямъ деньги, и передалъ Мингъ-Хо и женѣ его, что знатный вельможа, мандаринъ Джинъ-Го-Цзанъ, просилъ ихъ отпустить къ нему дѣтей.

Сильно перетрусили Мингъ-Хо съ женою, они повалились въ ноги посланному, хотя тотъ и увѣрялъ, что дѣтямъ ничего дурного не сдѣлаютъ; но они слезно молили, чтобы онъ охранялъ дѣтей отъ гнѣва сановника.

На другой день мальчикъ и дѣвочка стояли у воротъ богатаго дома окруженаго башенками и рѣшеткою, за которой тянулся большой дворъ; пройдя его, они очутились передъ вторыми воротами. За ними дѣти увидѣли множество слугъ, которые проводили ихъ въ комнаты.

Чао такъ оробѣла, что ничего не замѣчала вокругъ себя, но бойкій Цзо успѣлъ разсмотретьъ богатое убранство: въ однѣхъ комнатахъ были душистые фонтаны и стояли великолѣпные цвѣты, въ другихъ—стѣны и потолокъ покрывала причудливая живопись, нѣкоторыя комнаты были украшены фарфоровыми и золотыми чашечками, вазочками и т. п., всюду зелень, птицы, блескъ и роскошь.

Вдругъ стеклянная дверь балкона открылась, и дѣти увидѣли сидящую въ саду Нэкэ.

Дѣвочка очень обрадовалась гостямъ, она повела ихъ по саду, показывая всѣ его диковинки.

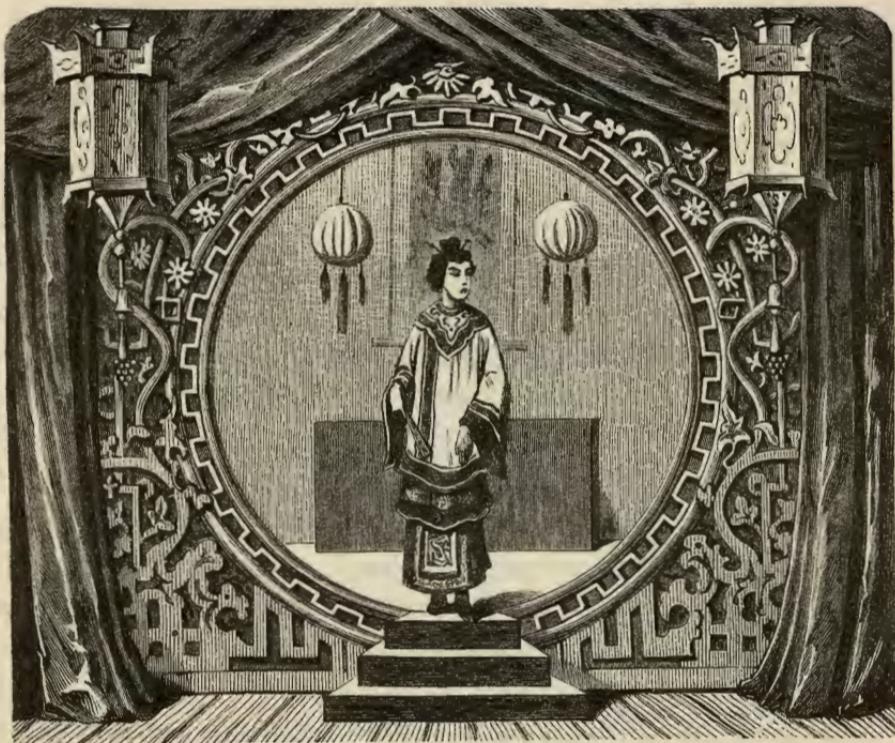
О! Что это былъ за садъ! Не то, что ихъ крохотный чайный садикъ! Длинныя, усыпанныя желтымъ пескомъ и камешками, дорожки разбѣгались въ разныя стороны; фруктовыя деревья ломились подъ тяжестью плодовъ, какихъ дѣти никогда не видывали; сколько тутъ росло цвѣтовъ и какая тутъ была масса ручныхъ птицъ! Павлины и рѣдкія куры важно расхаживали по лужайкамъ.

Нэкэ привела дѣтей въ одну изъ многочислен-

ныхъ бесѣдокъ, гдѣ сидѣли ея любимицы—три обезьянки и два ученыхъ попугая.

Дѣти между тѣмъ освоились со своей новой знакомой и съ восторгомъ принялись играть.

Они покатывались со смѣху, когда Пи, одна изъ

обезьянокъ, съ ужимками дергала Цзо за косичку, а другая, Хо, тянула за холщевую синюю рубашку Чao.

Когда дѣтямъ это надоѣло, они пошли къ пруду кормить золотыхъ рыбокъ.

— Какъ у васъ тутъ славно бѣгать, — сказала Чao,— давай играть въ горѣлки.

— Я не могу бѣгать, — отозвалась грустно Нэкэ, у меня не такія ноги, какъ у тебя.

Тутъ только ЧАО увидѣла, что у подруги крошечныя четырехугольныя, крѣпко на крѣпко забинтованныя ножки, на которыхъ она еле ходитъ.

— Зачѣмъ онъ у тебя такъ завязаны? — спросила она съ участіемъ.

— Ты вѣрно никогда не видала знатную даму и не знаешь какія у нихъ должны быть ноги! Вѣдь такая нога, какъ твоя, не четырехугольная и не забинтованная, это большой позоръ.

— Отецъ мой очень, очень важный мандаринъ, онъ даже бываетъ у самого Богдыхана. Всѣ обязаны отцу кланяться по шести разъ, а люди не знатнаго происхожденія, тѣ даже не смѣютъ стоять, а должны падать ницъ, когда онъ говоритъ съ ними; потому у меня нѣтъ подругъ, такъ какъ всѣ недостаточно знатны для меня.

— Какъ же ты съ нами играешь? — удивились дѣти.

— Я и сама не знаю, какъ отецъ мнѣ это позволилъ. Вѣрно потому, что я была недавно очень больна; онъ любить и балуетъ меня; я такъ плакала и просила — онъ и согласился.

— Если бы ты, ЧАО, видѣла, какія крошечныя ножки у моей мамы, не больше моего кулачка: такихъ во всемъ Китаѣ не найти! Мама хочетъ, чтобы и у меня были такія же... вотъ мнѣ съ рожденія забинтовали ноги, подогнувъ пальцы подъ подошву; это очень больно, но необходимо для красоты.

— Хорошо, что я не мандаринка! — подумала ЧАО, радостно взглянувъ на свои босыя, рѣзвыя ножки. За болтовней и играми незамѣтно летѣло время; дѣтей

позвали обѣдать. Мать Нэкэ сидѣла на цыновкѣ передъ накрытымъ лакированнымъ столикомъ, подогнувъ подъ себя ноги; она съ ногъ до головы была закутана въ шелкъ и золотыя вышивки и множество драгоцѣнныхъ украшеній довершали нарядъ.

Знатная дама ласково приняла дѣтей, разспрашивала ихъ о родителяхъ и просила чаще приходить къ ея дочери, затѣмъ она велѣла и дѣтямъ сѣсть къ такимъ же маленькимъ накрытымъ столикамъ.

Подали обѣдъ, который начался съ десерта и винъ и закончился варенымъ рисомъ. Цзо и Чao ъли съ большимъ аппетитомъ вкусныя блюда, о которыхъ они понятія не имѣли. Они ловко справлялись съ палочками, которыя употребляются у китайцевъ вмѣсто ножей и вилокъ; ложекъ также не было, супы и соусы пили прямо изъ чашекъ. Нэкэ очень смѣялась надъ аппетитомъ дѣтей, но дѣти никакъ не обижались; они быстро опоражнивали маленькия тарелочки, не заботясь о томъ, прилично или нѣтъ такъ много ъесть. И не мудрено, дома они большею частью получали за обѣдомъ горсточку рису и холодную воду.

Поздно вечеромъ вернулись дѣти къ встревоженнымъ родителямъ.

Нэкэ взяла слово у своихъ друзей, что они скоро придутъ, но прошло много дней, а дѣти все не приходили. Нэкэ понять не могла, что съ ними случилось, и послала узнать, отчего они не приходятъ.

Оказалось, что дѣти рады бы прийти, да времени свободного нѣтъ, такъ какъ наступило первое апрѣля, когда въ Китаѣ производится первый чайный сборъ.

Рано утромъ, еще задолго до восхода солнца, Чao и Цзо вмѣстѣ съ родителями разостлали въ садикѣ на

самомъ солнцепекѣ цыновки. Пришли также двое работниковъ и каждый, выбравъ себѣ по деревцу, сталь осторожно оципывать ногтемъ одинъ листочекъ за другимъ и класть ихъ на цыновки. Работа эта кропо-

тливая и утомительная, но китаецъ привыкъ къ ней и дѣлаетъ ее съ изумительной быстротой.

Солнце между тѣмъ взошло и стало сильно припекать. Весь день лежали чайные листочки на солнцепекѣ, благодаря чему сырость изъ нихъ испарялась и они сдѣлались мягкче. Къ вечеру цыновки вмѣстѣ съ чаемъ свернули, затѣмъ развернули и каждый листочекъ еще отдельно сворачивали на ладони. Свернутыя

листья просушивали нѣсколько разъ на солнцѣ и, когда они достаточно потемнѣли, ихъ вторично сдавили и Цзо съ отцомъ отнесли ихъ на чайную фабрику. Тамъ листья положили въ плетеные корзины и поджаривали на горячихъ угольяхъ до тѣхъ поръ, пока они не почернѣли.

Послѣ этого чай просеяли отъ сора и пыли, выбрали стебельки и еще теплымъ упаковали въ цыбики и отправили въ далекія страны.

Едва успѣли управиться съ первымъ сборомъ, какъ наступилъ юнь мѣсяцъ, когда чайное дерево даетъ второй сборъ. Происходитъ та же самая работа, какъ и при первомъ сборѣ, только чайные листочки уже не такие нѣжные и сортъ чая хуже апрѣльского.

Въ юлѣ благодарное чайное дерево даетъ третій сборъ чая, который считается хуже двухъ первыхъ.

Затѣмъ оно покрывается бѣлыми нѣжными цвѣтками, внутри которыхъ появляются круглые зернышки—сѣмена, изъ которыхъ выростаютъ потомъ чайные деревья.

Чао послѣ чайного сбора освободилась отъ занятій, ей даже не приходилось ходить въ городъ продавать мелкія вещицы изъ кости и дерева, такъ какъ въ это страдное время Мингъ-Хо некогда было заниматься выдѣлкою ихъ. Она только чистила дорожки сада и убирала свой маленький домикъ, а въ свободное время ходила къ Нѣкѣ, гдѣ ее съ радостью встрѣчали.

Но для Цзо настала еще болѣе трудная пора; онъ не могъ урвать часокъ-другой, чтобы пойти съ сестрою въ гости. Дѣло въ томъ, что управившись съ садомъ, Мингъ-Хо принялъся за обработку своего рисового поля. Цзо, какъ мальчикъ, помогалъ отцу въ этомъ трудномъ дѣлѣ.

Рисъ — растеніе болотное, то есть такое, которое растетъ только тамъ, гдѣ много воды. Обработка земли подъ рисъ очень трудна и вредна для здоровья; работать приходится по колѣно въ водѣ.

Поле Мингъ-Хо было сначала сухое и нужно было искусственно превратить его въ сырое; для этого онъ вмѣстѣ съ Цзо прорылъ множество каналовъ, идущихъ отъ озера къ полю; вода по этимъ каналамъ бѣжала на поле, но она недостаточно затопляла его, такъ какъ пока рисъ не всходитъ, все поле должно быть покрыто водой. Тогда Мингъ-Хо устроилъ водоподъемную машину и съ ея помощью доставалъ нужное количество воды.

Когда рисъ взошелъ и порядочно поднялся, воду сбили, но земля была топкая и болотистая, и жать рисъ приходилось по щиколду въ тинѣ.

Цзо не завидовалъ сестрѣ, что она безъ него ходить къ подругѣ; онъ сознавалъ, что помогаетъ отцу въ тяжеломъ трудѣ и очень гордился этимъ. Не смотря на свой юный возрастъ, онъ понималъ, что отдыхъ можетъ быть пріятенъ только послѣ труда. Зато какъ веселился онъ отъ души, когда послѣ полевыхъ работъ могъ изрѣдка посѣщать Нэкэ и играть въ ея чудномъ саду. Какія игры выдумывалъ тогда затѣйникъ Цзо!

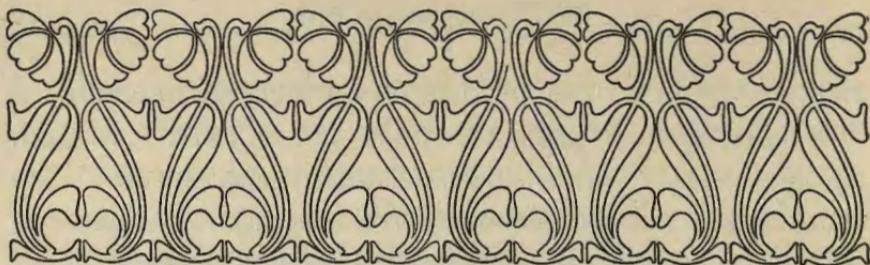
Дѣти веселились и хохотали такъ заразительно, что даже знатный мандаринъ улыбался, глядя на нихъ, когда ему случалось бывать при этомъ въ саду.

* * *

Годы шли. Дѣти росли и изъ маленькихъ превратились въ большихъ, умныхъ людей. Цзо уже давно

вмѣсто старика отца работаетъ въ саду и на полѣ, а ЧАО живетъ въ городѣ и слыветъ отличной портнихой. Дружба между ними и НЭКЭ не прекратилась. НЭКЭ часто видится со своей подругой дѣтства, доставляетъ ей много работы и помогаетъ ЦЗО совѣтомъ и деньгами въ неурожайные годы.

Озорникъ Ралька.

Вы конечно не знаете Ральку, маленькаго, черненькаго щеночка, съ длинною шелковистою шерстью, хитрыми глазками, вздернутымъ носикомъ и предерзкою мордочкою!

Съ первыхъ дней своей жизни Ралька уже беспокоилъ всѣхъ, надоѣдалъ и визжалъ до одуренія.

Когда у Ральки на девятый день жизни прорѣзались глаза, то первымъ дѣломъ его было вывалиться изъ корзинки и подкатиться такъ подъ ступеньки черной лѣстницы, что матери его Бѣлкѣ стоило большихъ трудовъ достать оттуда сорванца и опять положить его на мѣсто. Съ этого дня начались Ралькины про-казы и шутки. Доставалось всѣмъ безъ разбора.

— Представь себѣ, Сѣрка! Опять этотъ озорникъ выпилъ мое молоко, — плакалась киська большому гусю.

— Для тебя, Марья Ивановна, въ канавѣ и водицы довольно найдется, право найдется! — подразнивалъ ее Ралька.

— Какъ можно такъ отвѣтить пожилой особѣ!—
заступался гусь за кошку.

— А вы, умница лапчатая, давно-ли начали учить
уму-разуму другихъ?—огрызался на него Ралька.

— Ой, плохо ты кончиши!—качалъ головою Петя-
пѣтушекъ.

— Будто, дяденька?—отвѣчалъ головорѣзъ, высу-
нувъ ему языкъ.

— Ну тебя! съ тобою
порядкомъ и разговари-
вать нельзя, — говорила
цѣпная Діанка.

— Можно-то можно,
да не такимъ мудрецамъ,
какъ вы.—И Ралька, гра-
циозно присѣдая, помахи-
валъ хвостикомъ.

Разъ Ралька забрался
въ чуланъ съ провизіей.

— „Эй, да здѣсь мож-
но славно полакомить-
ся!“—подумалъ воришко,
обнюхивая всѣ углы; но
закуски стояли wysoko и
достать ихъ не было возможности.

Ралька поникъ головой. Онъ ужъ хотѣлъ идти
назадъ, какъ вдругъ увидѣлъ въ одномъ углу незакры-
тый боченокъ съ патокой.

— Вотъ находка, такъ находка!—сказалъ самъ
себѣ Ралька и, недолго думая, вскочилъ въ кадку. О,
ужасъ! Лакомка попалъ головою прямо въ липкую
патоку: носъ, уши, глаза—все слипло.

— Тявъ, тявъ, тявъ!—Я погибъ, я погибъ!—визжалъ не своимъ голосомъ Ралька.—На крикъ его сбѣжались люди.

— Боже милостивый, что это за гадость попала въ кадочку! Пропала теперь моя патока для сладкихъ пирожковъ!—вскрикнула прибѣжавшая ключница.

— Да вѣдь это Ралька!—сказала горничная, вытаскивая еле живаго со страха щенка.

— Ралька!—накинулась на него старуха.—Погоди, я проучу тебя, ненасытный, жадный щенокъ!—и ключница выдрала его за уши.

Не прошло и двухъ дней, какъ онъ уже придумалъ новую затѣю. Въ домѣ готовились къ пріему гостей, которыхъ ждали къ обѣду. Столъ по этому случаю убрали хрусталемъ и цвѣтами. Разставивъ посуду, горничная зачѣмъ-то вышла изъ столовой.

Въ этотъ моментъ въ комнату вошелъ Ралька съ братомъ; Ралька повелъ носомъ туда-сюда, вскочилъ на столъ, прошелся грязными лапками по бѣлоснѣжной скатерти, обнюхалъ тарелки и рюмки, и рѣшилъ, что если стащить скатерть, то посуда премило зазвенитъ.

— Полканка, хватайся скорѣе зубами за скатерть!—скомандовалъ Ралька.

Глупый Полканка, не разобравъ, въ чемъ дѣло, ухватился за края и ну тащить...

Дзинь-динь-дзинь!—и чудный сервизъ, соль, хлѣбъ, вино,—все перемѣшалось, все полетѣло на полъ и разбилось.

Въ столовую вѣжала горничная, да такъ и обомлѣла.

Ралька рѣшился прикинуться мертвымъ; авось тогда его оставятъ въ покоѣ. Но не тутъ-то было!

— Вотъ онъ, вотъ онъ, разбойникъ,—закричала, всплеснувъ руками, Настя.—Будешь ты помнить, какъ стаскивать скатерть!—Съ этими словами она схватила дрожавшаго Ральку, но тотъ ловко выскользнулъ изъ рукъ и убѣжалъ безъ оглядки; при этомъ онъ наткнулся на камень и вывихнулъ себѣ лапку.

Бѣлка день и ночь ухаживала за больнымъ, зализывала ему большую ногу, носила ему пищу и, благодаря ея заботамъ, онъ начиналъ мало по малу поправляться. Лежа съ большой лапкой на дворѣ въ корзинѣ, щенокъ, однако, никому не давалъ проходу: то дразнилъ кошку, тоссорился съ собакой, то осмѣивалъ другихъ дворовыхъ животныхъ, чѣмъ возстановилъ ихъ противъ себя.

Наконецъ онъ настолько поправился, что могъ выползать изъ корзинки. Чѣмъ бы вы думали онъ занялся? Тѣмъ, что злилъ Діанку и выпивалъ у Марыи Ивановны молоко.

Разъ онъ прошмыгнулъ незамѣтно въ комнаты, гдѣ не былъ съ того злосчастнаго дня. Въ спальнѣ, на барыниной постели, спала общая любимица, левретка Лэди. Разбудить ее и подраться—было дѣломъ одной минуты для озорника. Этого, однако, мало.

— У тебя острые зубы и когти?—спросилъ онъ наивно у Лэди.

— А что?

— А такъ! — Хотѣлось бы попробовать, у кого острѣе?—сказалъ Ралька.

— Какъ же это сдѣлать?

— Очень просто: давай рвать подушки и одѣяла, кто скорѣе разорветъ, тотъ сильнѣе.

— Пожалуй!

Разъ-два-три... заходили по батисту острые зубы и когти; оба одинаково старались и черезъ четверть часа пухъ, какъ снѣжныя хлопья, носился по комнатѣ, падая на полъ, коверъ, мебель и картины. Хороши были Ралька и Лэди: съ лапокъ до головы въ перьяхъ, одни только глаза блестѣли.

Въсосѣдней комнатѣ раздались шаги. Ралька бросилъ работу и подскочилъ къ двери.

— У кого-же острѣе? — спросила удивленная его бѣгствомъ Лэди.

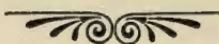
— Объ этомъ твоя спина узнаетъ! — невозмутимо отвѣтилъ Ралька и быстро скрылся, схвативъ мимоходомъ со стола въ буфетной кусокъ мяса.

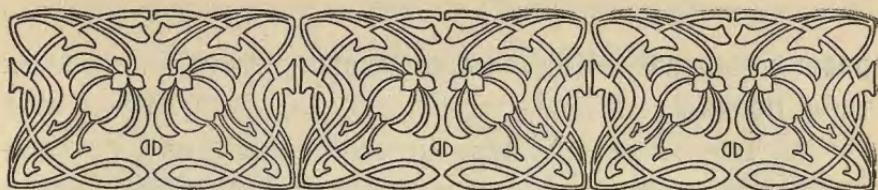
Расчетъ его, однако, на этотъ разъ оказался невѣрнымъ. Барыня видѣла, какъ онъ выскочилъ изъ спальни, да и пухъ въ его шерсти выдалъ его.

Ральку посадили въ мѣшокъ и велѣли дворнику Степану отнести его далеко отъ дома, чтобы онъ не могъ вернуться.

Такъ Степанъ и сдѣлалъ; онъ отнесъ его за нѣсколько верстъ въ поле.

Ралька не могъ найти дорогу домой и долго скипался, терпя голодъ и холодъ. За это время онъ успѣлъ исправиться, и когда ему наконецъ удалось найти своихъ прежнихъ господъ, мать и братьевъ, то онъ уже совершенно измѣнился: сдѣлался добрымъ и послушнымъ псомъ, котораго всѣ полюбили и простили прежнія проказы.

ШУРА И НИШКА.

I.

Шура Садовской бѣжалъ бѣгомъ изъ училища домой. Путь былъ не близкій, а ѿсть хотѣлось до смерти и не мудрено: сегодня онъ пропалъ и въ торопяхъ забылъ свой завтракъ въ столовой на столѣ. Бѣдняга еле высидѣлъ послѣдній часъ и теперь, не разбирая дороги, мчался впередъ, толкая прохожихъ.

— Куда лѣзешь? Не видишь, что ли, людей! — раздался возлѣ него тоненький дѣтскій голосокъ. Шура отъ неожиданности вдрогнулъ, остановился и взглянулъ на говорившаго.

Передъ нимъ стоялъ босой мальчишка, въ тиковорѣмъ халатикѣ, съ нечесанными космами волосъ; у ногъ его лежала разбитая четвертная съ расплесканымъ квасомъ.

Шура живо оправился отъ страха и въ свою оче-

редь крикнулъ.—Какъ ты смѣешь грубить? погоди, я тебя проучу!

— Ты-то? да еще куражиться!—наступилъ со сжатыми кулаками на него мальчишка.—Смотри, какой прыткій, бутыль разбилъ, да еще правъ!.. Нѣтъ, братъ, мнѣ за это вотъ-какъ достанется!—и мальчикъ пре-
бильно ударилъ Шуру.

Мальчикъ былъ тщедушный, маленький, съ блѣднымъ, изнуреннымъ лицомъ, противникъ же его здоровый, ро-
слый. Въ одинъ мигъ Шура повалилъ мальчика и самъ
ударилъ его, приговаривая:
—Вотъ я тебѣ драться, вотъ
я тебя!

Ребенокъился подъ Шу-
рой, но не могъ высвободиться,
пока тотъ самъ не счелъ свою
расправу оконченной.

Съ видомъ побѣдителя поднялся Шура съ земли
и зашагалъ по тротуару, не взглянувъ даже на своего
врага.

Аппетитъ его совершенно прошелъ, онъ шелъ медленно, думая о случившемся; какъ, однако, онъ ни старался оправдаться въ собственныхъ глазахъ, на душѣ у него было не хорошо, а передъ глазами мелькало блѣдное лицо побитаго мальчика.

Домой онъ пришелъ не въ духѣ, поссорился съ сестрой, нагрубилъ нянѣ и не дотронулся до кушанья, несмотря на то, что къ обѣду были все его любимыя
блюда.

Онъ даже не могъ вечеромъ, какъ слѣдуетъ, учить уроки,—до того неотвязно преслѣдовало его воспоминаніе о дракѣ на улицѣ.

— Ну, что за важность, что побилъ мастероваго мальчишку, вотъ тоже невидалъ! Такъ ему и надо, пустъ не лѣзть съ кулаками; не я началъ, онъ первый!..—оправдывался Шура, но на душѣ не становилось легче.

На другой день онъ всталъ раньше обыкновенного и отправился въ школу; пройдя мимо дома, гдѣ вчера произошла непріятная встрѣча, онъ остановился, точно ожидая кого-то. Изъ воротъ выходило много людей, но среди нихъ не было того, кого онъ желалъ видѣть.

Возвращаясь изъ училища, онъ опять остановился у воротъ, и опять тщетно.

Такъ прошло три дня. Наступило воскресеніе. Шура не могъ успокоиться и задумалъ во что бы то ни стало отыскать мальчика и извиниться передъ нимъ за свою горячность и обиду, которую онъ причинилъ ему.

Придя къ знакомому дому, онъ вошелъ на дворъ и сталъ беспомощно оглядываться. Домъ былъ большой, грязный, населенный рабочими людомъ.

— Кого, батюшка, надо? — окликнула Шуру стаrushка.

— Мальчика одного.

— Какъ звать-то его, кормилецъ? У насъ ихъ тутъ много: однихъ подмастерьевъ, поди, съ полсотни наберется.

— Я и самъ, бабушка, не знаю, какъ его зовутъ.—

— Какъ же такъ найти-то, не зная имени?..

— Онъ такой блѣдный, маленький, еще четверт-

ную съ квасомъ разбилъ въ четвергъ,—перебилъ ее Шура.

— Ахъ, ты родимый мой, да это никакъ столяра Нишка! Пойдемъ, пойдемъ, кормилецъ, вотъ сюда, по этой лѣсенкѣ внизъ. Его отецъ у меня живетъ въ жильцахъ, а Нишка то съ четверга вѣдь боленъ, лежитъ, не пьетъ и не ъстъ ничего.

Шура послѣдовалъ за словоохотливой старушкой въ подвальный этажъ по сырому, почти темному, коридору, изъ которого вели нѣсколько дверей въ квартиры.

Старушка открыла одну дверь и мальчикъ очутился въ большой низкой комнатѣ, съ заплѣсневшими стѣнами и маленьками, въ уровень съ землей, оконцами, черезъ которыхъ съ трудомъ проникали солнечные лучи.

Въ комнатѣ жило много народа, каждый копался въ своемъ углу; очевидно въ ней было много жильцовъ... на полу валялись щепки, стружки, опилки, пахло kleemъ и краской.

„Господи, какъ могутъ тутъ жить люди?“—промелькнуло у Шуры, растерянно разглядывавшаго окружающихъ.

— Вотъ сюда, батюшка, сюда!—сказала хозяйка и подвела его къ заднему углу. При видѣ наваленного на деревянную постель тряпья, на которомъ лежалъ знакомый ему мальчикъ, Шура почувствовалъ, какъ у него сдавило горло и къ глазамъ подступили слезы; смигнувъ ихъ, онъ смущенно подошелъ къ Нишку и протянулъ ему руку.

Слабая улыбка мелькнула на больномъ лицѣ ребенка; онъ пожалъ руку Шуры и тихо, тихо проговорилъ:

— Вѣдь я зналъ, что ты придешь! Все лежу, да думаю: когда онъ придетъ, днемъ или вечеромъ? Нѣтъ, думаю, днемъ,— вотъ такъ и вышло.

— Что больно я тебя прибилъ?—спросилъ дрожащимъ голосомъ Шура, усаживаясь къ нему на постель.

— Ты-то не очень, да вотъ папка больно билъ... Онъ, бѣда, какой крутой.

— За что же онъ билъ тебя?

— А ты, говорить, не балуйся, когда за дѣломъ идешь! Четвертная, вишь, не наша, мы ее у сосѣдей взяли, ну и надо было за нее гриненникъ отдать... за это-то папка и осерчалъ больше. Съ тѣхъ поръ и лежу, головы поднять не могу.

Каждое слово Нишки острымъ ударомъ отдавалось въ сердцѣ Шуры, но что онъ могъ теперь сдѣлать?

— Прости меня, Нишка!

— Вотъ, смѣшной, чего прощать, нешто ты на исповѣди, что тебя прощать надо!—и больной опять улыбнулся своей печальной улыбкой.

Черезъ четверть часа мальчики болтали между собою, какъ старые знакомые, вокругъ нихъ, оглядывая наряднаго гостя, собирались дѣти жильцовъ; одна крошечная дѣвочка, посмѣлѣе другихъ, подошла къ Шурѣ и начала тыкать пальчикомъ въ его блестящія пуговицы, къ общему удовольствію всей компаніи.

Шура узналъ отъ Нишки, что его отецъ столяръ и его обучаетъ тому же, но сыну не нравится это ремесло и онъ не любитъ работать, за что ёму часто достается. Прежде отецъ былъ добрый, баловалъ даже его, Нишка учился въ начальномъ городскомъ училищѣ, но съ тѣхъ поръ, какъ померла мать, дѣла стали

хуже, рѣдко когда перепадаетъ работа и то больше починка, отецъ сдѣлался злымъ и часто даже безъ причины бьетъ его.

— Если бы можно было сдѣлаться хорошимъ портнымъ, то ли дѣло! — прибавилъ Нишка, — да наврядъли, папка ни за что не отдастъ въ ученье!..

Къ обѣду Шура вернулся домой, веселый и ласковый попрежнему.

— Нишка меня простишь, — думалъ онъ. Я знаю, какъ вести себя дальше. У Нишки нѣтъ порядочной пищи... что же? я буду отдавать ему свои завтраки и лакомства, а когда онъ выздоровѣетъ, пожалуй, мама и къ себѣ пригласить; до тѣхъ поръ буду молчать!

Каждый день изъ школы Шура, хоть на пять минутъ, забѣгалъ къ пріятелю, отдавалъ ему тартинки, бутылочку молока, конфетку или яблоко, приносиль ему картинки, оловянныхъ солдатиковъ и книжки съ рассказами. Нишка принималъ все это съ восторгомъ, въ особенности книжки.

На дворѣ стоялъ конецъ мая; погода была великолѣпная, деревья всѣ уже распустились; школы закрылись, всюду начались каникулы. Теперь Шура могъ просиживать у своего друга часами.

— Нишка, мы на дачу нынче не ъдемъ, — сказалъ однажды Шура, — но на три недѣли ъдемъ гостить къ дядѣ въ деревню; ты не будешь скучать безъ меня?

— Ахъ, буду! — вырвалось у больного, и слезы навернулись на его впалые глаза.

— Что же мнѣ дѣлать? — говорилъ задумчиво Шура, — не ъхать нельзя, не позволять. Я тебѣ книгъ принесу и игрушекъ, время для тебя незамѣтно пройдетъ, а я пока и пріѣду.

II.

Y Шуры была сестра Нюта, двумя годами моложе его. Брать и сестра любили другъ друга, все дѣлили пополамъ между собою и не имѣли тайнъ одинъ отъ другого.

Нюта знала все про Нишку и часто отдавала Шурѣ для пріятеля апельсины и карамельки, которые получала для себя.

Нюта имѣла массу игрушекъ, трехъ котятъ, собаку—гордона и канарейку. Недавно Шура подарила ей красногрудаго клеста, на котораго дѣвочка не обращала вниманія: она его не любила, во первыхъ потому, что онъ чуть ея Кинечкѣ не выклевалъ глазъ, во-вторыхъ потому, что онъ былъ драчунъ великой руки и никакъ не хотѣлъ сдѣлаться ручнымъ.

— Пріѣдемъ въ деревню, я его непремѣнно выпущу на волю,—говорила она часто брату.

Приблизился день отъѣзда. Шура ходилъ хмурый, ему жаль было оставить пріятеля. Роясь въ своихъ вещахъ, чтобы выбрать что нибудь для Нишки онъ случайно взглянулъ на окно, гдѣ стояла клѣтка съ клестомъ.

— Нютѣ птица все равно не нравится, возьму ее и подарю Нишкѣ,—вотъ бѣдняга обрадуется!

Шура побѣжалъ искать сестру, но она ушла гулять; ждать ее было слишкомъ долго.

— Она позоволитъ,—решилъ онъ, взялъ клѣтку и пошелъ къ товарищу.

Нишка все еще лежалъ; истощенный организмъ ребенка не могъ поправиться вслѣдствіе голода и сырости помѣщенія.

Семенъ, отецъ Нишки, понималъ это, но чѣмъ онъ могъ помочь бѣдѣ? Онъ былъ радъ Шуринымъ посѣщеніямъ, никогда не мѣшалъ мальчикамъ разговаривать и играть.

— Отгадай-ка, что у меня тутъ въ салфеткѣ?—влѣтѣль запыхавшись Шура, держа высоко надъ головой клѣтку съ прыгающей птицей.

— Не знаю, право не знаю! Покажи! Что мучаешь!

Шура поставилъ свою ношу на табуретку передъ постелью и торопливо развязалъ салфетку. Глаза блеснули у больного неподдѣльнымъ восторгомъ, щеки покрылись густымъ румянцемъ.

— Неужели ты это мнѣ принесъ?—могъ онъ только сказать.

— Тебѣ, тебѣ, дружище! Да вотъ еще тутъ три фунта коноплянаго сѣмени; хватитъ, пока меня не будетъ, а тамъ и дальше не дадимъ помереть съ голоду.

Нишка исхудалой рукой проводилъ по проволокѣ клѣтки, восхищаясь каждой частью ея.—Крыша-то, крыша, точно настоящая и дверцы тоже! И жердочки обточены и чашечки стеклянныя...—восклицалъ онъ безпрерывно.

Прия домой, Шура хотѣлъ первымъ дѣломъ разсказать все Нютѣ.

Въ передней его встрѣтила няня.

— Слышалъ, Шуринька, кто-то унесъ съ окна клемста; вѣрно съ улицы взяли. Я забыла окно то закрыть: у насъ тутъ низко—всякій мальчишка достанетъ, а теперь Нюточка, моя голубушка, убивается, плачетъ.

Мальчикъ ничего не отвѣтилъ нянѣ и прошелъ въ дѣтскую; на диванѣ сидѣла Нюта и, всхлипывая, говорила:

— Я бы его ни за что не выпустила, ни за-а-что-о!.. Шурѣ вдругъ сдѣлалось стыдно и, покраснѣвши до ушей, онъ вмѣсто того, чтобы чистосердечно сознаться, прошепталъ только:

— Вѣдь онъ тебѣ не нравился, ты его не любила.

— А теперь люблю, те-е-перь онъ мнѣ-ѣ нравится!

„Лучше не сказать сегодня“,—подумалъ Шура,— пожалуй еще отниметъ у Нишки, а онъ такъ радовался... нѣтъ не скажу!“

Къ обѣду Нюта совсѣмъ успокоилась, но Шура чувствовала себя не хорошо: ему было такъ же гадко на душѣ, какъ въ тотъ день, когда онъ поколотилъ Нишку. Онъ старался во всемъ угодить сестрѣ, игралъ съ нею, читалъ ей вслухъ и не ссорился съ ней.

Няня даже надивиться не могла, что это съ нимъ сдѣлалось.

III.

На другой день рано утромъ дѣти поѣхали по желѣзной дорогѣ къ дядѣ въ деревню; дѣвочка, никогда прежде не видавшая сельской природы, любовалась всѣмъ и шумно выражала свою радость; братъ же, наоборотъ, сидѣлъ скучный и задумчивый.

— Шура, здоровъ ли ты?—спрашивала у него съ волненіемъ мама.

— Здоровъ, мамочка!

— Отчего ты такой скучный?

— Вовсе нѣтъ!

— Не жарко ли тебѣ?—приставала мама.

— Право мнѣ ничего, мамочка!

— Вѣрно усталъ съ дороги,—рѣшила она. Но

Шура оставался все такимъ же грустнымъ: его мучила мысль, что онъ взялъ потихоньку чужую вещь, а сознаться въ этомъ ему было стыдно.

Такъ прошло четыре, мучительныхъ для Шуры, дня. Онъ даже поблѣднѣлъ и похудѣлъ.

— Не поѣхать ли намъ домой, Шурочка?—обратилась къ нему въ одинъ вечеръ встревоженная его видомъ Татьяна Львовна, мама его. Не дай Богъ, когда ты здѣсь захвораешь; я думаю, завтра съ первымъ поѣздомъ соберемся.

Шура, мѣняясь въ лицѣ, стоялъ передъ матерью. Внутренній голосъ шепталъ ему: „Сознайся, и все пойдетъ по старому, мама навѣрное простить, она такая добрая!“ Но гордость шептала: „Не говори! въ чемъ тебѣ виниться? Ты взялъ вещь не нужную для доброго дѣла!“

— Что же, мальчикъ мой?—спросила, гладя его густые волосы, мама.

— Мамочка, не уѣзжай, прости, голубушка, вѣдь клеста я взялъ, не сердись! Прости меня, родная...— и, спрятавъ пылающее лицо на груди матери, онъ горько заплакалъ.

Мама ничего не отвѣтила, крѣпко обняла голову сына и осыпала ее горячими поцѣлуями. Шура долго рыдалъ, рассказывая въ то же время всѣ подробности своего знакомства съ Нишкой и что побудило его взять птицу. Чѣмъ больше онъ говорилъ, тѣмъ легче у него становилось на душѣ; онъ робко, но довѣрчиво взглянулъ на мать.

Лицо мамы было ласково и серьезно.

— Видишь, Шура, ты поступилъ не хорошо, взявъ не принадлежащую тебѣ вещь, хотя бы и для благой

цѣли. Нельзя чужими деньгами подавать милостыню; ты и самъ, другъ мой, понялъ это. Обѣщай же мнѣ, Шура, никогда, никогда этого не дѣлать, потому что первый ложный шагъ иногда причина ложной жизни!

— О, обѣщаю, обѣщаю! — и Шура съ такой любовью взглянула на Татьяну Львовну, что та ни минутки не усомнилась въ правдивости обѣщенія.

— Да, дружечекъ, я посмотрю, нельзя ли чтонибудь сдѣлать для твоего пріятеля. Судя по твоимъ словамъ, онъ хороший мальчикъ, можетъ быть его болѣзнь не такъ еще серьезна. А Нютѣ ты купишь на свои деньги другого клеста и извинишься передъ ней!

За чаемъ дядя не узнавалъ племянника: такъ онъ сдѣлался вдругъ веселъ и болтливъ; мальчикъ рассказывалъ забавныя школьныя исторіи, надъ которыми Татьяна Львовна, дядя, няня и Нюта хотели до слезъ.

Незамѣтно промелькнули двѣ недѣли; въ серединѣ третьей гости собрались обратно въ городъ. Собрался съ ними и дядя по какимъ-то дѣламъ.

Едва успѣли пріѣхать, переодѣться, какъ Шура уже бѣжалъ въ знакомый подвалъ.

Съ бьющимся сердцемъ открылъ онъ дверь, направился въ задній уголъ и... въ испугѣ остановился: на тряпичной постели лежалъ не прежній блѣдный, хорошенькой Нишка, а какой-то исхудавшій мальчикъ, съ горячечнымъ краснымъ лицомъ, воспаленными глазами и растрепанными космами. Шура съ трудомъ узналъ своего пріятеля; въ ногахъ у него, точно застывъ въ нѣмомъ горѣ, сидѣлъ столяръ Семенъ. Клестъ тоскливо пищалъ.

Шура окликнула Нишку, но тотъ очевидно не

узналъ его, онъ пробовалъ заговорить съ Семеномъ, но тому было не до разговоровъ.

„Боже, что же теперь дѣлать! О, Господи, помоги Нишкѣ, дай ему здоровья...“ молился потихоньку Шура и слезы крупными каплями покатились изъ глазъ его.

„Не поможетъ ли мама?...“—осѣнила его вдругъ счастливая мысль и онъ пошелъ домой.

Татьяна Львовна съ большимъ участіемъ выслушала сына и, не откладывая долго, поѣхала къ Нишкѣ вмѣстѣ съ дядей, который былъ докторомъ.

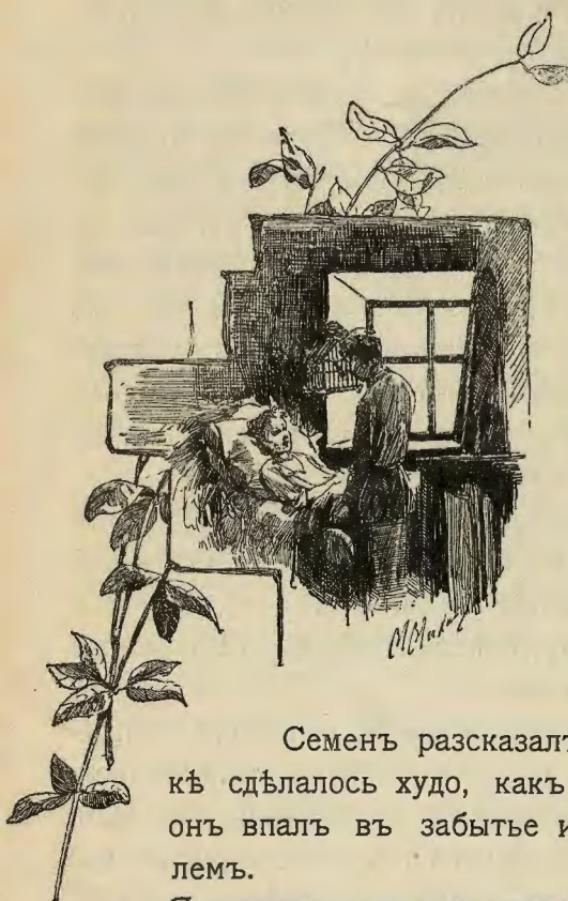
Ее, какъ и Шуру, поразила обстановка, въ которой жилъ бѣдный ребенокъ, и глубоко тронулъ видъ его.

Семенъ рассказалъ господамъ, что Нишкѣ сдѣлалось худо, какъ только Шура уѣхалъ: онъ впалъ въ забытье и часто бредилъ пріятелемъ.

— Я позвалъ доктора, давалъ лекарство, но ничего не помогаетъ,—прибавилъ онъ съ отчаяніемъ.

Кириллъ Петровичъ, Щуринъ дядя, между тѣмъ внимательно выслушивалъ и ощупывалъ Нишку.

— У него сильное истощеніе организма,—сказалъ онъ, окончивъ осмотръ:—надо непремѣнно перемѣнить

помѣщеніе и давать ему питательную пищу,—безъ этого онъ врядъ-ли поправится.

— Гдѣ же мнѣ взять-то?—воскликнулъ Семенъ,—когда еле-еле на хлѣбъ хватаетъ. Работы совсѣмъ никакой! Хотѣлъ въ дворники идти, такъ мѣста нигдѣ найти не могу, да какъ уйдешь? Безъ меня некому и водицы ему подать.

— Вотъ вамъ пока нѣсколько рублей, купите, что тамъ надо! я завтра зайду, можетъ быть, что-нибудь придумаю для васъ, сказала Татьяна Львовна.

— Ну что?—встрѣтилъ Шура маму и дядю на лѣстницѣ.

— Ничего, братъ, хорошаго мало! Ты вотъ не мѣшай намъ съ мамой, мы подумаемъ; авось что-нибудь вдвоемъ и выдумаемъ; не даромъ говорится: одинъ умъ хорошъ, два лучше!—и дядя прошелъ въ столовую.

За обѣдомъ Шура тревожно поглядывалъ на мать и дядю, но оба молчали и были очень серьезны; такъ мальчикъ легъ спать, не узнавъ ничего.

На другое утро, когда дѣти еще были въ постелькахъ, мама зашла къ Шурѣ, сѣла къ нему на кроватку и сказала:

— Шурочка, участъ твоего друга рѣшена, дай ему только Богъ поправиться скорѣе. Ты знаешь, дядя лишился недавно единственнаго сына, жену онъ потерялъ, когда ты еще былъ груднымъ ребенкомъ; за исключеніемъ насъ, у него никого нѣтъ. Ему очень грустно въ своемъ большомъ, пустомъ домѣ,—вотъ онъ и рѣшилъ взять къ себѣ Нишку, и когда онъ поправится, то хочетъ отдать его въ какое-нибудь учебное заведеніе; это, впрочемъ, зависитъ отъ мальчика, къ чему онъ будетъ способенъ.

Шура повисъ у матери на шеѣ и, цѣлуя у мамы руки и лицо, не находилъ словъ, чтобы выразить свою радость; дядя же въ это утро отправился къ Семену.

Трудно себѣ представить радость послѣдняго, когда онъ узналъ, что и онъ поѣдетъ въ деревню и будетъ имѣть отъ Кирилла Петровича постоянное жалованье и не долженъ будетъ разставаться съ сыномъ.

Черезъ нѣсколько дней Шура провожалъ на желѣзную дорогу своего друга. Нишка хотя пришелъ въ себя, но былъ еще очень слабъ; дядя увѣрялъ, что это не бѣда. Семенъ ходилъ козыремъ, держа въ рукахъ клѣтку съ клестомъ и съ любовью поглядывая на хлопотавшаго около Нишки Шуру.

Нишкѣ поправлялся на чистомъ деревенскомъ воздухѣ, здоровье вернулось къ нему, и онъ крѣпчалъ не по днямъ, а по часамъ. Не прошло и двухъ недѣль со дня его прїѣзда, какъ онъ уже сидѣлъ въ креслѣ, а черезъ мѣсяцъ гулялъ подъ руку съ отцомъ или Кирилломъ Петровичемъ по саду.

Прошли лѣто, зима, наступила весна. Послѣ экзаменовъ вся семья Садовскихъ прїѣхала на каникулы въ Кирилловку, къ дядѣ.

Шура съ трудомъ узналъ въ плечистомъ, краснощекомъ крѣпышѣ бывшаго Нишку; Кириллъ Петровичъ тамъ занимался съ мальчикомъ; Нишка оказался умнымъ, понятливымъ и прилежнымъ. Кириллъ Петровичъ рѣшилъ заняться его судьбой.

Осенью Нишка поступилъ въ школу и, такъ прилежно училсѧ, что Кириллъ Петровичъ рѣшилъ черезъ годъ отдать его въ гимназію. Мальчикъ прекрасно выдержалъ экзаменъ во второй классъ и поступилъ въ ту самую же гимназію, гдѣ училсѧ Шура.

Такъ какъ Нишка былъ мальчикъ скромный, добрый и прилежный, то Татьяна Львовна сама предложила брату, чтобы онъ не отдавалъ его пансионеромъ, а оставилъ его жить у нея, такъ что мальчики не разставались.

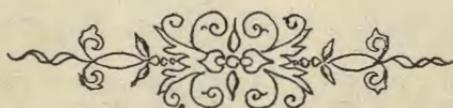
Кириллъ Петровичъ всею душею привязался къ Нишкѣ и любилъ его не меньше своихъ племянниковъ; онъ часто пріѣзжалъ изъ деревни и гостила у сестры; и каждый разъ убѣждался, что заботы его о заброшенномъ бѣдномъ ребенкѣ не пропадаютъ даромъ.

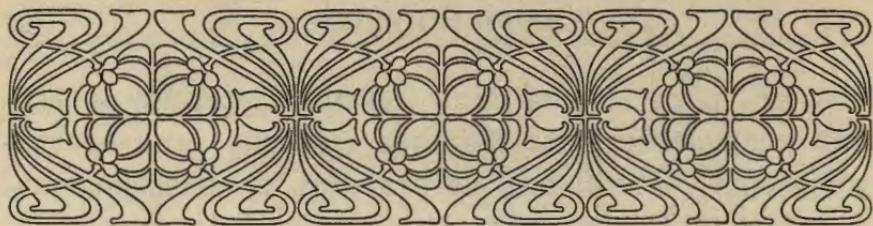
Шура и Нишка блестяще окончили гимназію и оба поступили на медицинскій факультетъ; дружба между товарищами съ годами еще болѣе увеличилась, ихъ называли не иначе, какъ неразлучками.

Нишка часто вспоминаетъ начало своего знакомства съ Шурой и говоритъ, что каждый разъ, когда онъ видитъ ребенка съ четвертной кваса, передъ нимъ, какъ живая, встаетъ картина его первой встрѣчи съ Шурой.

Клесть давно умеръ, но чучело его красуется на письменномъ столѣ Нишки.

Семенъ живъ и здоровъ. Онъ уже съ давнихъ поръ состоитъ управляющимъ у Кирилла Петровича и легко можно себѣ представить, какъ онъ гордится молодцомъ сыномъ.

Жители зоологического сада.

I.

Бѣлый Медвѣдь.

Яечально глядить луна черезъ маленькия рѣшетчатыя оконца въ зимнія помѣщенія звѣрей Зоологического сада.

Тѣсно, душно и скверно въ узенькихъ сарайчикахъ, гдѣ содержатся, могучие на свободѣ, измученные и обезсиленные въ неволѣ, гиганты лѣсовъ. Блѣдно свѣтить луна, крѣпко трещитъ морозъ и грустью вѣтъ отъ этой холодной, свѣтлой зимней ночи.

— Куй крѣпче! Холоди сильнѣй, дѣдушка морозъ! — ревѣлъ бѣлый медвѣдь Снѣжокъ, единственный изъ всѣхъ звѣрей, находившійся на воздухѣ.

— Отчего ты здѣсь не таکъ силенъ и крѣпокъ, какъ тамъ, на моей родинѣ? — ревѣлъ Снѣжокъ. — О, мой далекій, любимый, родной край, гдѣ нѣть жгучаго несноснаго солнца, гдѣ царствуетъ ночь, морозъ и ледъ!

— Царствуетъ ледъ!.. Какъ это ужасно! — завылъ тигръ.

— Глупый! Ужасна бываетъ только жара, которую я не въ силахъ переносить... Да можешь-ли ты понять всю прелесть нашей страны? Необъятная тундра! Без-

предѣльный океанъ, по которому съ шумомъ плаваютъ ледяные острова и высокія горы! И долгая, долгая, съ яркими звѣздами, съ сѣвернымъ сіяніемъ ночь!

Жиль я съ братомъ подъ нѣжнымъ присмотромъ матушки. Постоянного дома у насъ не было; мы жили то на одной, то на другой льдинѣ. Далеко за кормомъ намъ тоже не приходилось ходить: продавиши, бывало, лапой отверстіе въ льдинѣ и ловиши черезъ нее рыбу, а рыба у насъ крупная. Надоѣдала рыба, тогда мы ходили за моржами или тюленями. Лакомились мы также и китовымъ мясомъ, которое выбрасывали китоловы.

Однажды ночью мы съ матушкой сидѣли на крутомъ, ледяномъ утесѣ, волны насъ гнали къ берегу.

— Чу, что это такое? — спросили мы у матери, вытаращивъ глаза.

— Глядите, глупыши, и не бойтесь: это сѣверное сіяніе!

На черномъ небѣ полукругами легли свѣтлые лучи; они шли по всѣмъ направленіямъ, мѣняясь постоянно цвѣта и окруживъ сіяніемъ огненный кругъ; и кругъ и лучи горѣли и пылали чудными, волшебными огнями: снѣгъ и ледь блестѣли, точно на нихъ падали цѣлые снопы золота и брильянтовъ.

Небо переливало всѣми цвѣтами радуги, земляискрилась драгоценностями; глазамъ стало больно смотрѣть на этотъ ослѣпительный свѣтъ. Матушка спрыгнула на берегъ, мы за ней.

— Чуръ, дѣтки, не зѣвать! — шепнула она намъ, — дѣлайте все, что я вамъ покажу; людей нечего бояться: это слабые враги! Ихъ безъ нужды трогать тоже не слѣдуетъ, но пользоваться ихъ припасами можно.

Матушка часто останавливалась, поводила носомъ

по воздуху и решительно шла впередъ. Вскорѣ передъ нами зачернѣли нѣсколько землянокъ, крѣпко укрытыхъ снѣгомъ. Внутри, за сальной лампочкой, сидѣли, закутанные въ олени шкуры, люди и грѣли окоченѣлые руки у горящаго очага; у хижины стояли бочки китового жира,—наше любимое лакомство. Однимъ ударомъ лапы матушка вышибла дно, и мы съ жадностью набросились на вкусный, свѣжій жиръ. Въ избѣ зашевелились, мать бросила ъсть, подхватила меня и пустилась на утекъ, катая передъ собою большую бочку. Я зналъ, что матушка не трусила, что ей ни почемъ уложить не только человѣка, но и самаго большаго звѣря; но теперь она была съ нами и боялась за нась.

Дорбгой мы встрѣтили двухъ, дрожавшихъ отъ холода и страха, китолововъ.

— Не взять-ли ихъ съ собою? — спросилъ братъ у матери.

— Оставь ихъ, — отвѣтила она добродушно.— Мы сыты, къ чему они намъ...

Матушка нась очень любила и ни на минутку не спускала съ глазъ; когда мы уставали плавать или бѣгать, то забирались преспокойно къ ней на спину и она нась носила.

Никто лучше и быстрѣе нась не умѣлъ плавать въ водѣ и бѣгать по скользкому льду. Мы были царями берега и океана. На людей мы только нападали въ случаѣ сильнаго голода или гнѣва; въ другое же время не трогали ихъ.

Какъ хорошо, какъ привольно жилось мнѣ на моей далекой родинѣ! Вотъ туманное тусклое утро; какъ сквозь дымку, свѣтить солнце; на льдинахъ лежитъ, грѣясь на солнышкѣ, стадо морскихъ собакъ.

Умны эти животныя, они зорко слѣдятъ за нами... но мы хитрѣе. Тихо, безъ шума, подплывали мы подъ льдомъ и вдругъ изъ-подъ самаго ихъ носа сразу высовывались: тогда ужъ имъ спасенія не было.

Когда мы подросли и уже начали подумывать о самостоятельной жизни, надъ нами стряслась бѣда.

Зазимовалъ между льдинами корабль. Экипажъ выбрался на берегъ въ снѣжныя лачужки, среди лютаго мороза и безкорницы. Гуляя по берегу, мы проноюхали, что у него большой запасъ китового жира и отправились отвѣдать его; только что мы принялись за ъду, какъ раздался оглушительный трескъ и матушка, обливаясь кровью, повалилась на землю, закрывая тѣломъ меня и брата. Мы даже не могли сообразить, что съ ней случилось, отчего она вдругъ упала, и какъ ни въ чёмъ не бывало продолжали ъсть. Когда мы кончили и хотѣли уйти, то съ изумленiemъ замѣтили, что матушка лежитъ, не шевелясь, а намъ сильно сжимаетъ горло крѣпкая петля; какъ я ни старался высвободить шею, но веревка держалась крѣпко.

Съ этихъ поръ мы очутились въ неволѣ: пока мы жили въ океанѣ, намъ было хорошо: намъ обвязали вокругъ шеи длинную веревку, которая позволяла намъ далеко отходить отъ корабля. Мы каждый день купались въ прогалинахъ, валялись въ снѣгу. Но вотъ кончилась зима, ночи стали короче, проглянула сѣрый, пасмурный сѣверный день; большія пространства очистились отъ льда,—его уносило далеко въ даль океана.

Нашъ корабль тронулся въ путь. Пройдя много морей и рѣкъ, онъ присталъ къ этому отвратительному городу. Брата куда-то увезли, меня же заперли въ крѣпкую, тѣсную клѣтку. Можетъ-ли она замѣнить мнѣ

безграничный просторъ океана и необъятную ширь берега?!

— О я несчастный, несчастный! Не вернется моя счастливая юность!.. и Снѣжокъ такъ заревѣлъ, что разбудилъ всѣхъ звѣрей.

II.

С л о нъ.

В оть тоже нашелъ о чёмъ горевать! — сказалъ Синдаба, громадный индійскій слонъ.— Жалѣть о десяти-мѣсячной ночи, о льдинахъ и съверномъ сіянніи! Чѣмъ жить въ такой странѣ, ужъ лучше въ неволѣ,— по крайней мѣрѣ не замерзнешь...

— То-ли дѣло моя родина, моя Индія, съ ея вѣчно теплымъ климатомъ, съ ея первобытными лѣсами, съ ея гигантскими пальмами! Нѣтъ снѣга и съверного сіяннія въ моей странѣ: въ ней горячее свѣтлое солнце, зелень и цвѣты; въ ней водятся исполинскія змѣи, на вѣткахъ качаются обезьяны, и лазаютъ яркіе попугаи. Ахъ, не забыть мнѣ моего счастливаго дѣтства, въ кругу родныхъ!

— И мнѣ не забыть — и мнѣ не забыть! — запищала сидѣвшая на жердочкѣ мартышка.

— Молчи, не вмѣшивайся, когда говорятъ! — зарычалъ на нее левъ.

— Ты мнѣ еще что за указчикъ! — завизжала, оскалывъ зѣбы, мартышка, — Виши, какой еще выискался!

— Вотъ счастье, что этихъ несносныхъ существъ ловятъ... вѣдь и на волѣ отъ нихъ житъя нѣтъ!

— А ты, небось, по своей охотѣ сидишь здѣсь въ этомъ чуланѣ? — огрызнулась обезьяна.

— Перестаньте! Пусть Синдаба продолжаетъ, — сказалъ тигръ. — Такъ пріятно, когда слышишь что-нибудь о далекой родинѣ; забываешь хоть на время объ ужасной неволѣ.

— Пожалуйста, продолжай! — послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Наша семья, — началъ Синдаба, — состояла изъ многихъ головъ и жила вся вмѣстѣ. Я былъ младшій и потому бабушки и тетушки баловали меня. Жили мы на большой полянѣ, въ густомъ, прегустомъ лѣсу; корма кругомъ было, сколько душъ угодно: сочная трава, свѣжія вѣтки и молодыя деревья росли вокругъ насть въ изобиліи.

— Да, пріятель, не то, что здѣсь! — вставила тигрица Томми. — Здѣсь ты и сухому сѣну радъ, только бы дали...

— Что и говорить!.. Ужъ я не жалуюсь, что въ проголодъ держать; хоть бы вычистили хорошенъко — сама знаешь, какъ скоро въ нашемъ тѣлѣ заводятся разныя насѣкомыя.

— Дома, бывало, стоишь себѣ гдѣ-нибудь въ тѣни, а по спинѣ и бокамъ скачутъ бѣленъкія птички. — Тукъ-тукъ-тукъ!.. и острые клювы ихъ вытаскиваютъ изъ нашихъ тѣлъ всѣхъ непрошенныхъ и надоѣдливыхъ насѣкомыхъ; эти птички наши благодѣтели, и мы ихъ очень любимъ.

— Правда-ли, что вы боитесь солнца и сидите до ночи дома? — спросила пучеглазая сова.

— Не то, чтобы боялись, а не очень-то его любимъ. — Мы, дѣйствительно, большею частью днемъ

остаемся на своей, обросшей пальмами, полянѣ; взрослые стоять или лежать, молодежь заводить разныя игры: вырываетъ съ корнемъ деревья, ловить орѣхи, которые съ деревьевъ бросаютъ обезьяны, борется и бѣгаетъ въ запуски.

Иногда мы предпринимали далекія прогулки че-резъ такую лѣсную гущу, гдѣ ни одному звѣрю не пройти; только наши сильные хоботы въ состояніи прочищать дорогу, вырывая на пути деревья, а чего вырвать нельзя было, мы растаптывали ногами.

— Да, мастера вы на это! — сказалъ старый носорогъ.—Мы васъ такъ и поджидаемъ: пройдете вы, сейчасъ и наше стадо пройдетъ по вашимъ слѣдамъ, пока путь не заросъ — вѣдь наши лѣса не то, что здѣшніе: въ три дня опять зарастаютъ!

— А этихъ-то не боитесь? — кивнула мартышка въ сторону, гдѣ сидѣли хищные звѣри.

— Ну нѣтъ! Они знаютъ, какъ опасно имѣть дѣло со слономъ—не сунутся намъ на встрѣчу, а подойдутъ, задѣнутъ, имъ же достанется.

— Вотъ храбрецы-то нашлись!—огрызнулась красавица пантера.—Видѣла я разъ, какъ передъ стадомъ пробѣжали двѣ мыши — куда вся храбрость дѣлась!.. Задрожали, разбѣжались во всѣ стороны,.. маленькие подлѣзли подъ матерей и такъ запрятались, что ихъ даже не видно было. Герои! нечего сказать!

— Не болтай, о чёмъ не смыслишь!.. Мышь... Конечно, мы не ее боимся, но всякая неожиданность во время перехода пугаетъ насъ—мышь-ли это или что другое.—Впрочемъ, что съ тобой толковать!..—и, повернувшись къ ней бокомъ, Синдаба продолжалъ:

— Какъ только мы уходили со своей поляны, всѣ,

отъ мала до велика, слѣпо довѣрялись вожаку, который ходилъ впереди. Обязанность его трудная: онъ вѣчно на сторожѣ, ни одинъ звукъ не проходитъ мимо его ушей. Зато и выбираютъ въ вожаки самаго опытнаго и смышленаго изъ всѣхъ. Онъ водитъ насть на прогулки, водопои и выбираетъ новыя мѣста для корма—мы, ни о чёмъ не заботясь, слѣдуемъ за нимъ гуськомъ.

Нашимъ вожакомъ была моя прабабушка, славившаяся своимъ умомъ и смѣтливостью. Какъ теперь помню ее: выступала она важно, степенно, впереди всѣхъ. Вотъ прошли черезъ большую лѣсную полянку, гдѣ по дорогѣ поѣли сочной травы, и вышли на большую песчаную равнину. Мы очень любимъ песчаныя ванны,—бабушка это знала и подала намъ знакъ. Едва она это сдѣлала, какъ все стадо бросилось на песокъ, вырывая при этомъ глубокія ямы. Натѣшившись вдоволь, мы пошли дальше и вступили подъ сѣнь густосросшихся деревьевъ.

— Небо между тѣмъ покрылось темными тучами съ огненными краями. По верхушкамъ прошелъ вѣтерокъ, спустился ниже, подхватилъ листья и закружила ихъ; гдѣ-то близко загрохотало, лѣсъ освѣтился молнией. При первомъ ударѣ грома, бабушка бросилась изъ лѣсу, мы, конечно, всѣ за нею. Черезъ нѣсколько минутъ она привела настъ на лужокъ. Гроза все больше и больше разыгрывалась, молнія ударяла то въ одно, то въ другое дерево, столѣтніе гиганты, какъ подковенные, валились на землю, дождь лилъ, какъ изъ ведра.

— Понимаете, дѣтки, зачѣмъ я васъ вывела изъ лѣса?—спросила она у настъ.

— Конечно, бабушка,— отвѣтилъ мой отецъ,— чтобы падающимъ деревомъ не убило кого-нибудь...

ты вѣдь никогда не остаешься во время грозы подъ деревьями.

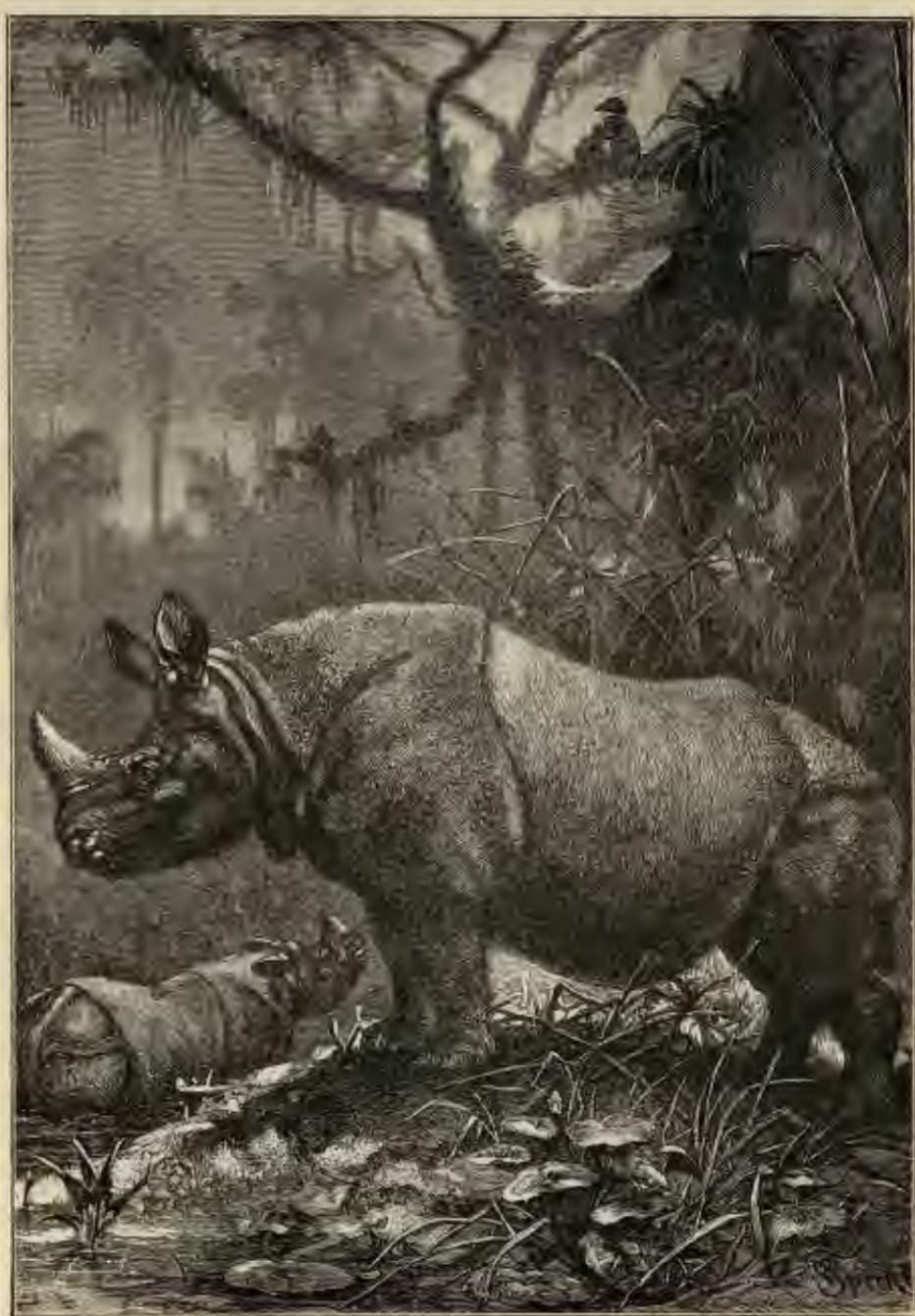
— Однажды прабабушка созвала насъ всѣхъ въ кружокъ и торжественно объявила, что ей ужъ больше ста лѣтъ, что она чувствуетъ себя нездоровой и, по всей вѣроятности, должна скоро умереть.

— Тебѣ я передаю свое мѣсто! — сказала она моей матери. — Смотри, будь достойна общаго довѣрія! Теперь я васъ покину... не слѣдуйте за мною; я отыщу себѣ уединенное мѣсто и тамъ мирно окончу свои дни.

Наступила теплая, южная, ароматная ночь, насѣкомыя, жужжа и свистя, носились въ воздухѣ, звѣзды, какъ яркіе огни, горѣли на темномъ небѣ. Деревья и пальмы стояли, не колыхаясь. Осторожно выступая, не производя ни малѣйшаго шума, мы отправились за нѣсколько верстъ къ рѣкѣ, на водопой.

— Мать шла тихо, медленно поводя ушами направо и налево; по временамъ она останавливалась и слушала... Вонъ издали показалась, вся серебряная подъ лунными лучами, широкая рѣка. До восхода солнца мы остались въ лѣсу, такъ какъ купаемся или до заката, или сейчасъ же послѣ восхода, только въ очень знойныя ночи мы купаемся и ночью. Пока мы тихо стояли въ лѣсу, стало разсвѣтать. Мать одна вышла, чтобы изслѣдовать мѣстность. Убѣдившись, что все спокойно, она возвратилась назадъ, выбрала штукъ пять надежныхъ слоновъ, разставила ихъ сторожами на берегу и затѣмъ только разрѣшила намъ выйти изъ лѣсу.

— Въ одинъ мигъ мы забыли всю предосторожность; съ крикомъ и шумомъ бросились мы въ прохладныя волны: кто пилъ, кто плавалъ, кто плескался,

затѣяли игры. Совсѣмъ маленькихъ матери поддерживали хоботами или брали къ себѣ на спину, чтобы они не утонули въ глубокой водѣ. Только съ полнымъ разсвѣтомъ вернулись мы, освѣженные и бодрые домой.

— Какъ хорошо жилось мнѣ въ нашихъ благодатныхъ лѣсахъ... а теперь? — Могъ ли я думать, что кончу жизнь въ неволѣ, въ чужой, холодной странѣ!..

— Удивляюсь! Вы, слоны, такъ умны и сильны, какъ можетъ человѣкъ справиться съ вами? — спросила маленькая трусишка-коузуля.

— Мало ли хитростей у человѣка, чтобы обойти насъ! — отвѣтилъ Синдаба. — Несмотря на то, что нашу кожу не простирали, охотники все же умѣютъ убивать насъ, цѣлясь за ухо въ черепъ; если пуля попадетъ туда, то слонъ падаетъ мертвымъ.

Но это опасная охота, и ее рѣдко устраиваютъ, потому что такой мѣткій выстрѣлъ очень трудно сдѣлать, а большою частью пуля, не причинивъ слону вреда, только раздражаетъ его, и онъ, разсвирѣпивъ, бросается на своего гонителя. Горе охотнику, если онъ не сумѣеть во время укрыться, бѣгство не помогаетъ ему, звѣрь догоняетъ его и раздавливаетъ ногами.

Негры охотятся на насъ другимъ способомъ: они выкапываютъ глубокія ямы по тѣмъ путямъ, по которымъ мы ходимъ на водопой; ямы тщательно прикрываютъ хворостомъ и травой. Стадо, ничего не подозрѣвая, идетъ своей дорогой, передовые наступаютъ на ловушку и попадаютъ въ нее. Въ стадѣ дѣлается страшный переполохъ; всѣ бѣгутъ назадъ, зная, что они не въ состояніи помочь несчастнымъ, которыхъ приходится оставлять на вѣрную смерть.

Иные охотники, правда немногие, берутъ насъ прямо живьемъ изъ стада; трудно повѣрить, но это вѣрно! Такъ словили моего старшаго брата: паслись мы однажды на большомъ лугу, не далеко отъ другого стада. Матушка и братъ мой отошли немного въ сторону, вдругъ братъ закряхтѣлъ и началъ хоботомъ рвать что-то на своей ногѣ.

Что же оказалось! За толстымъ вѣковымъ дубомъ притаились двое охотниковъ: одинъ, уловивъ моментъ, когда братъ поднялъ ногу, накинулъ на нее арканъ изъ буйоловой кожи, другой въ это время крѣпко на крѣпко затянулъ свободный конецъ вокругъ толстаго ствола. Несмотря на всѣ усилия, братъ не могъ вы-свободиться и сдѣлался добычей двухъ слабыхъ людей.

Но самая страшная охота для насъ, когда люди ловятъ насъ цѣльми стадами. О, это ужасно! Въ такой-то охотѣ и меня словили, — прибавилъ грустно рассказчикъ.

— Однажды мать замѣтила, что въ лѣсу не ладно; справа, слѣва и за нами будто двигалось что-то. Моментально она собрала насъ всѣхъ и велѣла готовиться къ защищѣ, такъ какъ грозитъ опасность, но откуда, мать не знала; мы пошли по тому направленію, гдѣ, какъ намъ казалось, было тихо; все время чувствовали мы съ трехъ сторонъ подозрительный шорохъ, который все больше увеличивался, по мѣрѣ того, какъ мы подвигались.

Одна ночь была какъ-то тише другихъ, мы ужъ думали, что избѣгли опасности; вдругъ лѣсь освѣтился сильнымъ огнемъ, нѣсколько сотъ человѣкъ съ зажженными факелами, трубами, барабанами и ружьями окружили насъ, производя страшный шумъ; не зная,

что это значитъ, мы, какъ обезумѣвшіе, бросились впередъ. Хотя было свѣтло, какъ днемъ, мы бѣжали, не видя ничего передъ собою, и вѣжали въ какое-то огороженное мѣсто. Кругомъ нась все еще раздавался ужасный гамъ и крикъ, огни отъ горящихъ факеловъ освѣщали мѣстность, тутъ и тамъ горѣли костры, люди стрѣляли на воздухъ, били въ барабаны и сковороды, трубили въ трубы.

— Мы, какъ потерянные, бѣгали по загону, ища выхода и не находя его. Загонъ представлялъ большой кругъ, очевидно приготовленный для нась; онъ весь былъ обведенъ толстыми бревнами, крѣпко вбитыми стоймѧ въ землю; между ними были узенькія разстоянія, черезъ которыя могъ проскользнуть только человѣкъ, слѣдовательно, черезъ нихъ бѣгство было немыслимо. Бросились мы къ входу, черезъ который вошли, но его ужъ заложили толстыми бревнами.

Я не могу передать вамъ нашъ страхъ, гнѣвъ и ужасъ! Мать и другіе, посильнѣе, бросились ломать бревна забора; но, какъ только они приближались, черезъ отверстія просовывались ружья, палки и другія орудія, отъ которыхъ имъ приходилось уходить назадъ.

— Дѣти мои,—сказала мать—нась, какъ зайцевъ, словили! Вы видите, какой хитростью нась заманили сюда: люди выслѣдили наше стадо, окружили его съ трехъ сторонъ и гнали незамѣтно для нась все впередъ до этой ловушки; когда мы были близки и они были увѣрены, что намъ нѣтъ спасенія, то стали пугать нась, чтобы вѣрнѣе погубить. Мнѣ не было другой дороги, какъ сюда, я пошла по ней и всѣхъ привела къ погибели...

Многіе изъ нась, обезумѣвъ, скакали вокругъ за-

бора, думая уничтожить его какъ-нибудь, но большая часть собралась въ тѣсный кругъ головами во внутрь и съ покорностью ожидала своей неизвѣстной участіи.

Черезъ нѣсколько времени балки, закрывающія ворота, осторожно открылись и къ намъ вошли два чужихъ слона съ проводниками. По всему было видно, что они не на помощь пришли къ намъ. Проводники сидѣли у нихъ на спинѣ; вокругъ толстой шеи каждого изъ слоновъ была обвязана крѣпкая петля, отъ которой спускалась длинная, изъ антилоповой кожи, веревка; другой ея конецъ, тоже связанный въ петлю, держалъ проводникъ. За слонами шелъ, крадучись, маленький, юркій человѣчекъ. Слоны подошли близко и стали за нами.

Мы поняли, что это дрессированные слоны, которые пришли помочь людямъ словить насъ, и потому мы еще больше заволновались; отецъ началъ подымать то одну, то другую заднюю ногу, что у него означало сильное волненіе.

Маленький человѣкъ подползъ подъ одного изъ двухъ пришедшихъ слоновъ и, выждавъ удобный моментъ, накинулъ на ногу отцу свободный конецъ петли; въ тотъ же мигъ ручной слонъ побѣжалъ, прикрывая человѣка и увлекая за собою отца, такъ какъ веревка была прикреплена къ его шеѣ. Второй ручной слонъ сейчасъ же стала между пойманнымъ и стадомъ, чтобы воспрепятствовать всякое вмѣшательство съ нашей стороны.

Первый слонъ, котораго звали Секиръ, добѣжалъ до самой толстой балки и, обѣживъ ее два раза, закрѣпилъ вокругъ нея арканъ; это было не легко сдѣлать: отецъ бился, трубилъ, билъ хоботомъ на всѣ

стороны. Оба ручные стали по сторонамъ отца и, когда онъ немного утихъ, то хозяинъ Секира опять подлѣзъ подъ него, накинулъ петлю на вторую ногу отца и также привязалъ ее къ дереву; точно также связали и переднія ноги.

Окончивъ это, мучители отошли, чтобы приняться за меня, и оставили свою первую жертву одну. Продѣлавъ со мною то же, что съ отцомъ, они привязали меня около него.

Никогда я не видалъ ничего подобнаго тому, что я увидѣлъ теперь: отецъ хоботомъ рвалъ веревки, ложился то на одинъ, то на другой бокъ, вскакивалъ на заднія ноги, опять бросался на землю, хоботомъ принимался ломать близъ стоявшія деревья; но ничего не помогало: веревки были толсты и крѣпки. Тогда онъ покорно легъ на землю, утихъ и сталъ хоботомъ рыть землю и обсыпать ею все свое тѣло. Когда оно было покрыто толстымъ чернымъ слоемъ, то отецъ кончикомъ хобота доставалъ изо рта слону и обливалъ ею себя; вскорѣ онъ покрылся густой корой липкой грязи, послѣ чего немного успокоился и началъ глядѣть на остальныхъ.

Въ это время ловили матушку; она дала закрѣпить одну ногу, но другую зорко оберегала отъ аркана; тогда тотъ же ненавистный мнѣ Секиръ подтолкнулъ ее и, когда она подняла ногу, чтобы шагнуть, быстро подставилъ подъ ея ступню свое лапище; послѣ этой продѣлки бѣдняжку не трудно было связать. Вообще Секиръ показалъ столько любви, ума и преданности своему вожаку, что я его возненавидѣлъ отъ всей души.

Вскорѣ онъ подошелъ ко мнѣ, вмѣстѣ со своимъ

товарищемъ Алифомъ, другимъ ручнымъ слономъ; я хоть и казался спокойнѣе отца, но отъ ужаса дрожалъ всѣми членами.

— Что они со мной еще сдѣлаютъ? думалъ я въ трепетѣ.

Секиръ и Алифъ встали плотно по обѣимъ моимъ сторонамъ. Мнѣ накинули вокругъ шеи ошейникъ изъ кокосовыхъ нитокъ; каждый разъ, какъ я хотѣлъ хоботомъ угостить своего мучителя, сидѣвшаго верхомъ на Алифѣ, оба ручныхъ били меня. Мой ошейникъ привязали къ ихъ ошейникамъ, такъ что я не могъ убѣжать, и они повели меня къ рѣкѣ купаться.

Холодная вода послѣ столькихъ мученій немногого освѣжила меня и я уже не такъ враждебно смотрѣлъ на своихъ товарищей.

Послѣ купанья нась отвели въ отдѣльный сарай, въ которомъ только начались мои страданія.

Каждый день въ сарай входило много людей, двое или трое приближались ко мнѣ и начинали гладить мою спину, отчего я каждый разъ приходилъ въ ярость; тогда другіе били меня калеными желѣзными прутьями. Ахъ какъ это было больно! Вскорѣ мой хоботъ и ноги покрылись ранами и я уже не могъ хоботомъ хватать кормъ.

Люди пугали меня побоями и огнемъ, морили голodomъ и жаждой, давая въ то же время Секиру лучшій кормъ.

Когда они меня чуть до смерти не измучили, то вдругъ перемѣнили обращеніе. Со мной заговорили ласково, нѣжно обходились съ моими ранами, давали сочную траву и водили купаться. Я хотѣлъ отблаго-

дарить своихъ сторожей и сталъ дѣлать все то, что и мой товарищъ Секиръ.

Не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ я уже работалъ безъ проводника въ лѣсу: таскалъ глину, ворочалъ камни, носилъ бревна, все это я дѣлалъ толково и аккуратно. Я полюбилъ своего хозяина, который купилъ меня у охотниковъ, но еще больше любилъ я его дѣтей.

Поработавъ въ лѣсу, я приходилъ домой и отправлялся прямо въ персиковыі садъ къ дѣтямъ; какъ только въ калиткѣ просовывалась моя громадная голова, малыши бросались ко мнѣ и по хоботу взбирались на мою спину; я каталъ ихъ по саду, по рощѣ, ходилъ даже съ ними въ лѣсъ. Никто не смѣлъ ихъ трогать на моей спинѣ. Весь городъ, гдѣ жилъ мой хозяинъ, зналъ меня: — „Вотъ идетъ Мухтаринъ Синдаба!“ — говорили про меня люди, при встрѣчѣ со мною.

Я не только работалъ въ дома, но исполнялъ и домашнія работы: качалъ ребенка, ходилъ за водой, носилъ дрова и т. п.

Я совсѣмъ помирился со своей долей, но, видно, не судьба мнѣ жить, какъ хочется: мой хозяинъ умеръ, дѣтей взялъ къ себѣ ихъ дядя, а меня продали содер-жателю зоологического сада.

Надо было видѣть, съ какими слезами прощались со мною Зерма, Магомедъ и крошка Сади! Какъ больно было намъ всѣмъ, когда они, припавъ курчавыми головками къ моимъ ногамъ, обняли ихъ!

И Синдаба горько вздохнулъ, вспоминая своихъ маленькихъ друзей...

III.

Левъ.

Ла, товарищъ, не легко намъ!.. — вздохнулъ громадный левъ Принцъ. — Послѣ лѣсной свободы трудно привыкать къ неволѣ и голоду.

— Я развѣ старъ? Мнѣ еще нѣтъ шестидесяти лѣтъ, но весь я сѣдъ, грива моя выльзла... Такъ-ли я выглядѣлъ, когда былъ грозой нашей мѣстности, страхомъ людей и звѣрей!.. — и Принцъ принялъся такъ рычать, что робкія антилопы, не смотря на крѣпкіе прутья Принцевой клѣтки, съ ужасомъ жались другъ къ другу.

— Жизнь ведемъ мы ночную и охотимся преимущественно на крупныхъ звѣрей, мелкоту беремъ тогда, когда нужда къ тому принуждаетъ, что, впрочемъ, случается рѣдко, потому что мы всегда живемъ тамъ, гдѣ водятся буйволы, зебры, жирафы и антилопы. Когда въ нихъ чувствуется недостатокъ, тогда мы слѣдуемъ за людьми-кочевниками, которые со своими стадами переходятъ съ мѣста на мѣсто. На этихъ кочевниковъ мы смотримъ, какъ на своихъ подданныхъ, обязанныхъ намъ платить дань домашнимъ скотомъ. Конечно, добровольно они намъ не даютъ свое добро, но мы его и безъ спроса беремъ.

— О, какъ памятны мнѣ эти набѣги! Ночь темная, звѣздная. Выйдешь изъ логовища, поведешь носомъ по воздуху, не запахнетъ-ли гдѣ стадомъ? На счастье, оно тутъ какъ тутъ: неподалеку расположилась арабская деревня; люди разбили палатки, загородили вы-

сокой изгородью мѣсто загона скота, разставили сторожевыхъ собакъ и спокойно легли спать.

Тихонько крадучись, какъ кошка, подошелъ я къ стану, прилегъ и — однимъ прыжкомъ очутился за оградой. Собаки не бросились на меня, онѣ только жалобно выли, скотъ мчался и скакалъ по загону, какъ одурѣлый; люди не смѣли носа высунуть. Арабы суевѣрны: они боятся трогать царя пустыни и въ ужасѣ молились, чтобы Аллахъ унесъ меня скорѣе.

Мой зоркій глазъ въ мигъ намѣтилъ молодую, откормленную корову; однимъ скачкомъ я взобрался на ея спину, лапой сломалъ ей шейные позвонки, перегрызъ горло и, захвативъ свою жертву зубами, перепрыгнулъ съ нею черезъ высокую, въ ростъ человѣка, ограду.

Когда не было вблизи стадъ, я шелъ къ водопою, куда приходятъ пить зебры, олени, антилопы и другія животныя. Не случалось, чтобы я оставался безъ ужина — всегда его бывало вдоволь. Не даромъ же меня величаютъ „царемъ звѣрей“.

— Хорошъ разбойникъ, нечего сказать! — запищала мартышка. — Выйдетъ на охоту, весь лѣсь дрожитъ, гривой трясетъ, хвостомъ бьетъ, глазища, какъ уголья, горятъ, голосъ, какъ громъ, гремитъ... Не больно, я думаю, у насъ плачутъ, что ты, дяденька, сидишь здѣсь, за тридевять земель!..

— Молчи, трещетка, и радуйся, что меня удерживаютъ крѣпkie прутья, а то я бы показалъ тебѣ!

— Я-то трещетка? Ахъ ты неблагодарный! Кто спасъ тебѣ три раза жизнь, какъ не я? Небось, тогда не ругалъ трещеткой!

— Спасла жизнь?.. — протянулъ презрительно Принцъ. — Поохотившись ночью, я днемъ любилъ от-

дыхать: лежу себѣ гдѣ-нибудь въ чащѣ, подальше отъ всѣхъ. Этихъ бездѣльницъ обезьянъ у насъ много — покою отъ нихъ нѣтъ: то кокосовымъ орѣхомъ въ тебя бросятъ, то вѣткой или птичимъ гнѣздомъ; но дорого онѣ платились за эти дерзости, когда попадались мнѣ въ лапы.

Люди, не смотря на смертельную опасность, устраиваютъ на насъ охоту и не только по нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ, но, что удивительнѣе, находятся такие смѣльчаки, которые не боятся разыскивать наши темные логовища и идти на насъ одинъ-на-одинъ. Вотъ этихъ-то мы и боимся больше всего. Они не менѣе насъ храбры, хитры и осторожны.

Конечно, въ ночное время, когда я бывалъ голо-денъ, со мной никому не совладать! Днемъ совсѣмъ другое: я не выношу солнца, мнѣ жарко и я съ удовольствиемъ отдыхаю и неохотно вступаю въ бой.

Какъ только опасность бывала близка, эти болтушки-мартышки ее подмѣчали; онѣ подымали гвалтъ и крикъ, толкались, суетились безъ толку и передразнивали движения охотника, чѣмъ выдавали его присутствие и давали мнѣ возможность защищаться.

— Знала-бы, что этими знаками оказываю тебѣ услугу, то всѣ-бы, кажется, лапки себѣ откусила, чтобы тебѣ не услужить! — гrimасничала мартышка.

— Лучшимъ временемъ моей жизни — продолжалъ левъ, не обращая вниманія на ея замѣчаніе, — было, когда я жилъ подъ скалою, со своею семьёю.

Какъ любили мы со львицею своихъ малютокъ-дѣтокъ! Какъ милы были они маленькими, беспомощными крошками, когда имъ надо было класть въ ротъ кусочки мяса. Потомъ они подросли, мы начали имъ носить живыхъ звѣрьковъ, заставляя ихъ самихъ охо-

титься за ними. Когда они достаточно окрѣпли, то мы повели ихъ на первую охоту на стадо. Сынъ славно зарѣзalъ теленка, дочь—козу.

Съ этихъ поръ мы каждую ночь отправлялись со-обща на охоту. Нечего таить, славно мы тогда опусто-шали стада! Противъ насъ выслали цѣлый отрядъ сол-датъ; выслѣдивъ наше логовище, они окружили его и плотной стѣной, съ ружьями на готовъ, двинулись прямо на насъ.

— Прилягьте и готовьтесь къ отчаянному прыж-ку!—скомандовалъ я львицѣ и дѣтямъ.

Въ это самое время раздался оглушительный залпъ. Жена и дочь остались на мѣстѣ, сынъ счастливо про-рвался черезъ живую стѣну, я же, хотя тяжело раненый, здорово помялъ человѣкъ пять и, только что я хотѣлъ прыгнуть, какъ увидѣлъ передъ собою блѣднаго человѣка, съ горящими и въ упоръ смотрѣвшими на меня глазами; я немного смутился. Этимъ моментомъ восполь-зовался непріятель—градъ пуль осыпалъ меня... весь израненый, истекая кровью, растянулся я, не въ силахъ больше подняться. Меня, еле живаго, взяли, заперли въ клѣтку и привезли сюда.

Съ тѣхъ поръ я не видалъ свободы!..

IV.

Тигрица.

Топалась бы мнѣ эта кривляка въ лапы, отомстила бы я ей за свою неволю,—сказала тигрица Томми и бросила яростный взглядъ на клѣтку, въ которой сидѣла обезьяна хульманъ.

— Какъ, неужели она виновница твоей неволи?—посыпалось со всѣхъ сторонъ.

— Нѣтъ, не она, но одна изъ ея отвратительныхъ сестеръ. Всѣмъ хорошо у насть, да только этой гадости много,—и какихъ-какихъ только породъ не водится въ нашихъ лѣсахъ! Своими кривляньями эти несносные животныя выдаютъ насть охотникамъ. Какъ только я выходила изъ своего логовища, обезьяны на близь стоящихъ скалахъ и деревьяхъ принимались кричать, визжать и бѣгать. Какъ я ихъ за это ненавидѣла...

— Очень намъ нужна твоя любовь. Насть и безъ тебя любятъ. Индусы насть почитаютъ, какъ священныхъ животныхъ, кормятъ и оберегаютъ, позволяютъ опустошать свои сады и всячески угождаются намъ, перебилъ хульманъ.

— Мало ли что суевѣрные индусы почитаютъ; они и насть, тигровъ, почитаютъ, воображая, что души ихъ умершихъ предковъ переселяются въ насть. Благодаря этому повѣрю, насть во многихъ мѣстностяхъ не убиваютъ, а позволяютъ безнаказанно грабить стада. Впрочемъ, теперь намъ стало плохое житѣе; съ тѣхъ поръ, какъ въ Индію прїѣхали европейцы, тигровъ съ ожесточенiemъ истребляютъ. А вѣдь мы, право, совсѣмъ не такие вредные звѣри, какъ про насть рассказываютъ. Если бы не мы, то въ лѣсахъ и на поляхъ развелось бы множество всякаго звѣрья, которое уничтожило бы деревья и посѣвы. Кромѣ того мы изъ стада хватаемъ большою частью больной и старый скотъ, который людямъ все равно пользы не приноситъ...

— Что и говорить, благодѣтели вы, да и только!—перебила обезьяна.—Я сама разъ видѣла, какъ такой благодѣтель таскалъ въ пасти ребенка, а когда я жила въ одномъ индійскомъ городѣ, въ саду у раджи, то не-

однократно слышала, какъ люди разсказывали, будто есть тигры-людоѣды, питающіеся только человѣческимъ мясомъ. Тигры-людоѣды нагоняютъ такой ужасъ на жителей деревень своими набѣгами, что тѣ бросаютъ свои хижины и переходятъ въ другую мѣстность. А одинъ тигръ людоѣдъ даже прекратилъ всякое движеніе по нѣкоторымъ дорогамъ.

— Такихъ тигровъ теперь почти нѣтъ, вздохнула грустно Томми.—На нихъ европейцы устраиваютъ облавы и немилосердно убиваютъ виновныхъ и невинныхъ. Я говорю невинныхъ потому, что далеко не всѣ тигры людоѣды.

— Какъ-же ты попала въ неволю? — промяукала дикая кошка.

— Выслѣдилъ разъ охотникъ мое логовище и пошелъ на меня. Дѣло было днемъ, жара стояла страшная, я была сыта и потому совсѣмъ не расположена вступать въ бой.

Я тихонько вышла изъ логовища и, неслышно кра-дучись, стала пробираться черезъ густую заросль, но на деревьяхъ, къ моему несчастью, сидѣло стадо хульмановъ, самыхъ противныхъ обезьянъ.

При моемъ приближеніи они подняли крикъ и визгъ, по которому охотникъ легко догадался, гдѣ я; онъ даже могъ слѣдить за моими движеніями, такъ какъ обезьяны передразнивали меня. Надо отдать ему справедливость, онъ мѣтко стрѣлялъ. Благодаря только густой заросли, онъ не убилъ меня на повалъ, а тяжело ранилъ, прострѣливъ мнѣ переднія лапы такимъ образомъ, что я не могла ни ходить, ни прыгать.

Я осталась жива, но за то поплатилась свободой...

V.

Буйволъ.

Я все слышу! Вы говорите про непроходимые лѣса, про чащи... я никогда не видалъ ихъ,—сказалъ американскій буйволъ—Бизонъ.

Какъ, не видалъ лѣса? Гдѣ же ты выросъ?—спросили звѣри.

— Гдѣ я выросъ?.. Знаете-ли вы, гдѣ лежать не-объятныя, какъ океанъ, степи, гдѣ растетъ высокая, сочная, въ ростъ человѣка, трава, гдѣ тысячи жизней кишатъ въ густой зелени, гдѣ пасутся сотни бизоновъ, гдѣ текутъ быстрыя и широкія рѣки? Гдѣ красноко-

жій индѣецъ накидываетъ арканъ на дикую лошадь, гдѣ всего вдоволь: и корма, и воздуха, и теплоты, и солнца!

— Какъ не знать? Это наша любимая страна, наши американскія степи—наши преріи!—заржала дикая лошадка.

— Вотъ тамъ, на берегахъ быстрой рѣки Миссисипи, я родился и выросъ! Нѣтъ у насъ ни пальмъ, ни дубовъ, за то степь безгранична, безпредѣльна: кочуешь день и ночь... никто у насъ не коситъ, никто не жнетъ. Индѣйцу незачѣмъ запасаться хлѣбомъ: онъ такой же сынъ степи, какъ и мы, постоянно переходитъ съ мѣста на мѣсто, сытъ охотой и ведетъ войны съ другими племенами. Пестрые вигвамы его тутъ и тамъ раскинуты въ степи, около нихъ раздаются боевые крики краснокожихъ, слышится свистъ ядовитыхъ стрѣлъ и развѣваются яркія перья на головахъ воиновъ... Передъ тѣмъ, какъ отправиться въ походъ, краснокожіе садятся въ кружокъ посреди своего стана и курятъ поочередно, молча, трубку; ихъ строгія серые зны лица точно отлиты изъ бронзы.

Когда трубка обходитъ кругъ, старшій воинъ начинаетъ говорить на своемъ живописномъ, гортанномъ языке; за минуту передъ тѣмъ спокойныя лица ожилаются, всѣ заговариваютъ разомъ, трясутъ въ воздухѣ топорами и начинаютъ свою диковинную, боевую пляску...

— И какіе только звѣри у насъ не водятся! То встрѣтишь хищнаго ягуара, то стадо оленей, то робкихъ ланей, то громадные табуны дикихъ лошадей!

— А видѣлъ-ли кто-нибудь чудное и опасное зрѣлище—степной пожаръ?

— Нѣтъ, нѣтъ! Будь добръ, рассказалъ, рассказалъ!

— Откуда это бѣдствіе берется, я и самъ не знаю; вѣроятно человѣкъ нечаянно роняетъ въ высохшую траву огонь, который моментально охватываетъ громадное пространство. Необозримое море огня со всѣхъ сторонъ, съ быстротою молніи, катить свои горящія волны, гоняя передъ собою обезумѣвшихъ отъ ужаса животныхъ. Страхъ сближаетъ всѣхъ — никто не думаетъ о преслѣдованіи: ягуаръ скакетъ рядомъ съ ланью, волкъ съ козой, стада буйволовъ спѣшатъ бокъ-о-бокъ съ мчащимися на быстрыхъ коняхъ индѣйцами, змеи кольцами вются подъ ногами...

Дымъ густыми клубами высоко поднимается къ небу, захватываетъ летающихъ птицъ, которыя, задыхаясь, падаютъ въ бездну огня. Животные толкаютъ другъ друга, сильная тѣснятъ слабыхъ, кто не въ силахъ бѣжать, гибнетъ.

Люди умѣютъ спасаться отъ этого бѣдствія: стоять только вокругъ себя вырвать траву или вырыть канаву, пламя не находитъ себѣ пищи и, обходя это мѣсто, спѣшитъ дальше, пока на пути не встрѣтится рѣка или озеро.

Избѣжавъ смертельной опасности, звѣри, измученные, падаютъ на землю и долго, долго отдыхаютъ отъ бѣшенной скачки.

— Но какое зрѣлище представляетъ степь! Она вся черная, покрытая сожженной травой и трупами сгорѣвшихъ животныхъ. Помню, съ какою завистью я тогда смотрѣлъ на тѣхъ, кто питался мясомъ или насытко-мыми... послѣ отдыха я сильно проголодался, а кругомъ ни одной травки; въ одну недѣлю наше стадо такъ отощало, что еле было въ силахъ держаться на ногахъ. Между тѣмъ пепель удобрить землю, а обиль-

ная ночная роса смочила ее; на восьмой день преря опять покрылась густою, яркою, сочною зеленью, еще лучшей, чѣмъ прежде. Тутъ-то мы отъѣлись за всю голодовку!

Лѣтомъ, когда корму много, наши стада лоснятся отъ жири; мы тогда такъ сильны, что ни ягуару, ни другому звѣрю не подъ силу бороться съ нами. Одинъ только человѣкъ намъ тогда страшенъ.

Зимою же, когда все покрыто густымъ снѣгомъ, мы перекочевываемъ съ мѣста на мѣсто, поѣдаемъ кору низко растущихъ деревьевъ, которыхъ изрѣдка попадаются по направленію къ югу; но ихъ такъ мало, что они не могутъ прокормить насть, притомъ снѣгъ утомляетъ насть, и мы падаемъ голодные и обезсиленные; тогда-то мы становимся жертвами не только человѣка, но и волковъ, стаями преслѣдующихъ наши измученные стада...

VI.

Вобръ.

Спасибо, дяденька, за сочную травку и за невольную скачку! Минъ ихъ даромъ не надо—закартавилъ Попка.—Вотъ тоже страна: изжарятъ тебя, ни за-что, ни про-что, какъ курицу...

— Ахъ, не говори! Въ нашихъ степяхъ живется право лучше, чѣмъ въ вашихъ дѣственныхыхъ лѣсахъ,— заржала дикая лошадка.

— Отчего же, какъ курицу, глупый Попка?—обидѣлась кохинхинка на попугая, и слово за слово—они поссорились.

Скокъ-скокъ-скокъ!—заскакала бѣлочка въ своемъ домикѣ:

— Что вы опять ссоритесь? Не можете мирно жить? И все забіяка-Попка виновать — всѣхъ задѣваетъ! А по мнѣ, лучше жить въ мирѣ и согласіи... Не правда-ли, братъ бобръ?

— Какой я тебѣ братъ, бездѣльница рыжая? — отрызнулся бобръ, живущій въ небольшомъ бассейнѣ, въ углу теплого сарайчика.— Никакого нѣтъ родства между нами! Какъ есть никакого!

— Самъ ты бездѣльникъ! Вотъ невѣжа сѣдой! Родство свое скрываетъ: развѣ мы съ тобой не изъ одной семьи грызуновъ? Развѣ наши зубы не требуютъ, чтобы мы ихъ постоянно подпиливали?

— Ну, такъ что изъ того, что изъ одной семьи? Все же я тебѣ не братъ!

— Не родной, а двоюродный! — настаивала бѣлочка.

— И не четвероюродный! Отстань ты со своимъ родствомъ, не навязывайся, — ворчалъ бобръ.— Я не понимаю, что ты нашла родственаго между нами: я живу въ водѣ, ты на деревѣ, у меня на лапкахъ плавательныя перепонки, у тебя нѣтъ; у меня, какъ шафранъ, желтые зубы, у тебя бѣлые, у меня круглый чешуйчатый хвостъ, у тебя пушистый. Что же общаго между нами?

— Нѣтъ, ты мнѣ родня; мнѣ это матушка еще тогда сказала, когда мы жили въ сосновомъ лѣсу, недалеко отъ той рѣки, на которой ты строилъ плотины и дома.

— Какъ! Ты развѣ умѣешь строить? — обратились всѣ къ бобру; — какъ же ты это дѣлаешь?

— У, болтушка пучеглазая! Все разнесеть!

— Оставь ее въ покоѣ, вѣдь она въ самомъ дѣлѣ приходится тебѣ дальней родней,—вмѣшились многіе.—Разскажи лучше про свое житѣе-бытье на родинѣ.

— Да что разсказывать! Я изъ далека, изъ Канады въ Сѣверной Америкѣ... тамъ я родился и выросъ. Когда я былъ совсѣмъ маленький, то родители мои жили у быстрой, широкой рѣки, но имъ показалось не совсѣмъ спокойно на ней, и мы перебралисъ за нѣсколько верстъ къ другой рѣчкѣ. Эта была мелководна и мала, за то берега были глинистые, покрыты иломъ. Кругомъ росли ивы, ольхи и березы,—все, что намъ нужно было для ъды и постройки.

— Здѣсь, кажется, можно будетъ спокойно прожить!—сказалъ отецъ.—Не станемъ, старуха, откладывать долго, примемся за работу!

Матушка согласилась, и работа закипѣла! Родители вырыли на берегу рѣки яму со множествомъ подземныхъ ходовъ отъ рѣки къ лѣсу, черезъ которые можно было бѣжать въ случаѣ нужды. Когда это было готово, то отецъ отправился со мной въ лѣсъ за материаломъ для постройки дома. Онъ выбиралъ довольно толстыя деревца и отмѣчалъ зубами каждое отобранное. Поработавъ часа три, онъ сказалъ мнѣ, что на сегодня довольно, а завтра чуть свѣтѣ надо будетъ приняться за пилку стволовъ.

Я не спалъ всю ночь и все мечталъ о завтрашнемъ днѣ: я недавно началъ ъсть твердую пищу, которую мнѣ всегда носила мать, самъ я никогда еще не доставалъ коры съ дерева и не помогалъ въ работахъ.

Чуть только занялась заря, мы втроемъ пошли къ знакомому лѣсу: родители зубами, точно ножомъ, ловко срѣзывали намѣченныя деревья. Отецъ показалъ мнѣ,

какъ это надо дѣлать, и я сталъ пробовать свои силы на менѣе толстыхъ сучьяхъ; сначала выходило не совсѣмъ ладно, но вскорѣ мою работу нельзя было отличить отъ отцовской.

— Молодецъ, молодецъ! — похвалила меня мать. — Славный бобръ выйдетъ изъ тебя! Гляди-ка, Толстоногъ, (такъ звали моего отца) какъ Круглохвостикъ гладко подпиливаетъ, точно срѣзываетъ.— Отецъ одобрительно кивнулъ головой и ушипнулъ меня за ухо.

Работа эта была для моихъ зубовъ полезна, они уже начали очень быстро рости, но матушка боялась, что мнѣ трудно, и потому велѣла мнѣ сдирать съ сучьевъ и стволовъ кору съ листьями; я принялся съ большимъ удовольствіемъ за дѣло, лакомясь до отвалу вкусной ивовой и березовой корой.

Тѣ вѣтки, которыя я очищалъ, матушка уносила къ рѣкѣ; когда кусокъ былъ слишкомъ тяжелъ для нея, отецъ помогалъ ей нести: одинъ конецъ онъ бралъ въ ротъ, другой держала она; но между деревьями были такія большія, что мы втроемъ не могли ихъ унести съ мѣста: тогда отецъ ихъ распиливалъ на нѣсколько частей.

Натасавъ достаточно материала, родители мои принялись за постройку, въ которой я по малолѣтству не принималъ участія. Работа быстро подвигалась и черезъ нѣсколько времени домъ былъ совсѣмъ готовъ. Стѣны его состояли изъ крѣпкихъ балокъ, скрѣпленныхъ глиной и рѣчной травой, полъ мы хорошо утрамбовали и посыпали мелкими щепками, крышу сдѣлали изъ прутьевъ и обмазали пескомъ съ глиной. Весь домъ состоялъ изъ большой комнаты, въ которой помѣстились родители и я, и кладовой для провизіи.

Покончивъ съ домомъ, матушка, какъ хорошая хозяйка, принялась заготовлять припасы на зиму. Мы цѣлые дни таскали въ чуланъ кору, коренья и моло-денькия вѣточки; провизію эту аккуратно складывали, чтобы лучше сохранить для зимы. Рѣка, какъ я уже вамъ сказалъ, была мелководна, и уровень ея находился гораздо ниже пола, а надо было, чтобы вода подходила къ самому полу нижняго этажа. Чтобы сдѣлать это, отецъ принялъ мастерить плотину.

Я между тѣмъ подросталъ и могъ уже быть помощникомъ въ трудныхъ работахъ. Я таскалъ бревна, которыя самъ спиливалъ, а отецъ вбивалъ ихъ рядами, стоймя, въ дно рѣки, одно возлѣ другого; промежутки онъ наполнялъ щебнемъ, пескомъ, иломъ и глиной, и плотина вышла на славу. Вода поднялась достаточно высоко, но мы не ограничились одной плотиной, а выстроили ихъ нѣсколько въ разныхъ мѣстахъ рѣки.

Днемъ мы большею частью сидѣли дома, вечеромъ же, съ закатомъ солнца, выходили за кормомъ; запасовъ мы не трогали, пока не наступили холода. Сидя на заднихъ лапкахъ, лицомъ къ водѣ, чтобы, въ случаѣ опасности, прыгнуть въ воду, мы быстро обгладывали ивовую кору съ большой ивы.

Ночью мы предпринимали далекія прогулки внизъ и вверхъ по рѣкѣ, стараясь перегнать другъ друга. Но больше, чѣмъ прогулки, любилъ я осматривать плотины, не нужна ли гдѣ починка, которую я теперь дѣлалъ не хуже отца; почти вся ночь и часть дня проходили у меня въ хлопотахъ.

Когда мнѣ минуло три года, родители подарили мнѣ домъ и плотину, сами же пріискали себѣ другое мѣсто не далеко и принялись тамъ строиться. Это

ужъ у насъ, бобровъ, такъ заведено, что родители дарятъ дѣтямъ, когда они выростаютъ, домъ съ пріпасами, а сами переселяются въ другое мѣсто. Прощаясь со мною, родители научили меня, какъ надо давать знать своимъ о приближающейся опасности, а именно, надо хвостомъ хлопать по водѣ.

— Подумаешь, какъ вы добры къ своимъ, и какъ злы къ чужимъ! — сказала лягавая собака Фингаль, — у меня до сихъ поръ ноютъ кости ноги отъ вашихъ зубовъ.

— Да, плохо тому, кто насъ вздумаетъ преслѣдовывать! Мы прокусываемъ ноги не только собакамъ, но и звѣрю посильнѣе; съ однимъ только человѣкомъ мы не въ силахъ бороться, противъ другихъ умѣемъ защищаться! — отвѣтилъ самодовольно бобръ.

VII.

Вѣлка.

Во все время рассказа бобра бѣлочка сидѣла, грустно опустивъ головку.

— На что ей этотъ нарядный домикъ съ готовыми орѣхами, что ей въ обществѣ заморскихъ товарищей? Развѣ они замѣняютъ ей отца, мать, волю, родную сосну и душистый лѣсъ, гдѣ каждый кустикъ былъ ей дорогъ и милъ?

Вспомнила она всю свою жизнь до неволи: вотъ она, маленькая рѣзвушка, живетъ съ отцомъ и съ матерью въ дуплѣ старого дуба. Сколько на немъ вкусныхъ, жирныхъ желудей! Цѣлый день прыгаетъ она

съ вѣтки на вѣтку, тутъ пощелкаетъ орѣшекъ, тамъ съѣсть желудокъ или пошелушить еловую шишку, а то сядеть на заднихъ лапкахъ, вскинетъ вѣромъ пушистый хвостъ и слушаетъ, что творится кругомъ; ниже, въ вѣткахъ, пріютилось маленькое гнѣздышко, въ немъ рядомъ лежать четыре синенькихъ яичка.

Ахъ, какое это лакомство для шалуны бѣлки! Прыгъ-скокъ! и она уже тамъ, достала ихъ лапкой, остренькимъ зубочкомъ пробила дырочку и выпила ихъ всѣхъ, одно за другимъ.

Что ей, рѣзвушкѣ, за дѣло до горя хозяевъ разоренного гнѣзда! Ей весело, а о другихъ — что ей заботиться? Вчера она не то еще сдѣлала: на полянкѣ, въ кустахъ, нашла она крошечныхъ, прекрошечныхъ конопляночекъ, онѣ ждали мать и съ голоду пищали. Она захотѣла пошутить надъ отсутствующей птичкой и лапками сбросила гнѣздо въ густую траву.

Такими проказами бѣлочка Быструшка часто тѣшила себя. Но ей надоѣли просторъ родного лѣса, ласки родителей и ихъ старый домъ; ей захотѣлось жить одной, выстроить свой домикъ, имѣть свои припасы! И какъ всегда, не думая о другихъ, она безъ спроса, не сказавъ ничего своимъ старикамъ, ушла въ то время, когда они отправились за орѣхами въ близь лежащую рощу.

Въ первый день путешествіе было очень веселое, мѣста всѣ были знакомыя, корму вдоволь и наша бѣлочка радостно скакала съ вершины на вершину, сбѣгала по стволамъ внизъ, пробѣжитъ немножко по землѣ и опять скокъ на дерево.

Наступила ночь. Бѣлочка пріютилась въ густой зелени развѣсистой липы и сладко задремала. Вдругъ

она съ ужасомъ открыла глаза: надъ нею, съ горящими, какъ уголья, глазами, стояла большая сова, готовясь схватить бѣглянку. Сердечко у Быструшки сжалось отъ страха, лапки безсильно повисли и она къ своему счастью упала съ дерева.

Боясь пошевельнуться, лежала она въ мокрой отъ росы травѣ, содрагаясь отъ малѣйшаго шума. Прошло нѣсколько времени, бѣлочка ужъ думала, что ей ничто не угрожаетъ больше, какъ она услышала осторожные шаги кумушки лисицы; собравъ всѣ силы, Быструшка въ одинъ мигъ вскарабкалась по гладкому стволу на высокое дерево, и было какъ разъ пора: лисица, не смотря на темноту, увидѣла красную шубку бѣлочки и бросилась къ ней. Слюнки потекли у Патрикѣевны, когда добыча ушла изъ-подъ носа; она даже попробовала взлѣзть за бѣлкой, но ея лапки не годились для лазанья по деревьямъ, и она должна была, не солено хлебавши, отправиться во свояси.

Какъ только брызнулъ первый солнечный лучъ, Быструшка поскорѣе ушла отъ страшнаго мѣста, гдѣ она чуть не погибла. Лѣсъ уже давно кончился, она скакала теперь по большой рощѣ, примыкающей къ фруктовому саду, въ которомъ заманчиво краснѣли и желтѣли яблоки, груши и сливы.

Бѣлочка не могла себѣ отказать въ удовольствіи скушать хоть одно яблочко. Усѣвшиесь поудобнѣе между вѣтками, она выбрала себѣ спѣлое яблоко, взяла его въ переднія лапки и принялась отбрасывать мякоть, чтобы добраться до косточекъ.

Наѣвшись до сыта, она отправилась дальше и до захода солнца пришла къ рѣкѣ, на другомъ берегу виднѣлся большой орѣшникъ; не долго думая, Бы-

струшка бросилась въ воду, стала лапками гресть, какъ веслами, хвостъ вскинула парусомъ и понеслась впередъ, какъ маленькой корабликъ. Противоположный берегъ оказался не крутымъ и бѣлочка легко взобратилась на твердую почву.

— Какъ здѣсь славно! — подумала она; гораздо, гораздо лучше, чѣмъ у насъ. Орѣховъ-то, орѣховъ сколько! И желуди есть! Вотъ прелесть, я здѣсь непремѣнно поселиюсь!

На ея счастье вблизи нашлось пустое воронье гнѣздо, которое Быструшка присвоила себѣ, оно лежало въ дуплѣ, скрытое отъ любопытныхъ глазъ.

Не отдохая отъ дороги, бѣлочка принялась таскать въ свою новую квартиру траву и листья, починила стѣны и полъ, заложила всѣ щели и передѣлала входъ.

Черезъ два дня домикъ былъ готовъ; теперь надо было заняться внутреннимъ устройствомъ его: Быструшка раздѣлила свое помѣщеніе на двѣ половины: въ одной устроила изъ листьевъ и мха мягкую постельку для себя, другую назначила для кладовой.

Какъ сладко спалось ей въ собственномъ домикѣ, послѣ столькихъ дней скитанія! Она видѣла во снѣ плачущихъ по ней отца и мать, но была такъ счастлива своей свободой, что, проснувшись, не подумала даже о нихъ.

Стояла чудная, сухая осень. Орѣховъ, желудей, ягодъ и грибовъ было въ томъ лѣсу столько, что нашей бѣлочкѣ не стоило никакого труда запастись хоть на двѣ зимы; она съ утра до вечера скакала по лѣсу, выбирала самые тяжелые орѣхи и самыя спѣлые ягоды, грибы она нанизывала на сухія сосновыя вѣтки, чтобы они высохли. Вскорѣ все гнѣздо наполнилось провизію.

На дворѣ еще было тепло, какъ лѣтомъ. Запасливая Быструшка отыскала еще дупло и два оставленныхъ гнѣзда, починила ихъ и обратила въ свои кладовые; туда она тоже нанесла всякихъ запасовъ.

— Это на всякий случай, — думала она, — зима можетъ быть долгая и суровая; гдѣ я тогда найду кормъ, когда мой выйдетъ? Лучше имѣть запасецъ въ нѣсколькихъ вѣрныхъ мѣстахъ.

Не жалѣя силъ, работала бѣлочка, пока у нея въ четырехъ мѣстахъ амбары не стали ломиться отъ добра.

Въ одинъ ясный, свѣтлый вечеръ, который осо-
бенно памятенъ Быструшкѣ, сидѣла она, качаясь на
вѣткѣ, у входа въ свое гнѣздышко. Солнце еще не
сѣло и золотило прощальнымъ поцѣлуемъ верхушки
деревъ, рыженький кончикъ хвостика и острую, хоро-
шенькую мордочку бѣлочки. По небу плыли розоватыя,
легкія тучки. Длинныя паутины носились внизъ и
вверхъ, желтые и красные листья выглядывали изъ
темной зелени.

Вдругъ бѣлочка насторожилась; подъ тѣмъ деревомъ,
на которомъ она сидѣла, раздались шипѣнья и шорохъ,
кто-то лазилъ по сухой землѣ. Бѣлочка взглянула внизъ
и обомлѣла: по стволу быстро подымалась большая змѣя,
очевидно замѣтившая сидящую на вѣткѣ Быструшку.

— Я пропала! — мелькнуло въ головѣ бѣдняжки, и,
собравшись съ силами, она сдѣлала отчаянныій пры-
жокъ и скорѣе перелетѣла, чѣмъ перепрыгнула, на
сосѣднее дерево.

Этимъ прыжкомъ она спаслась отъ смерти, иначе
змѣя навѣрное сѣла бы ее, но въ то же время она
потеряла свой домикъ и все, что въ немъ было, такъ
какъ ни за что на свѣтѣ не рѣшалась вернуться туда,
гдѣ она видѣла отвратительную голову змѣи, которая,
быть можетъ, ждала ее тамъ... отъ одной этой мысли
Быструшка вся дрожала и холодѣла.

Понуря головку, прыгала она все дальше и дальше,
и сама не замѣтила, какъ очутилась на полянкѣ, гдѣ
много дѣтей собирали бруснику.

— Гляди-ка, гляди, бѣлочка! Да какая шустрая! —
Достать бы ее, вотъ бы славно было! — закричало нѣ-
сколько голосовъ и вслѣдъ за этимъ въ Быструшку
полетѣли камни, сучья, даже кузовки.

Одинъ камень попалъ бѣдняжкѣ въ голову, у ушка показалась кровь, и бѣлочка, какъ подкошенная, свалилась на лужокъ. Дѣти обступили ее, но, какъ только ее взяли на руки, она пребольно укусила одному мальчику палецъ, а другому оцарапала щеку. Дѣтвора, однако, этимъ не смущилась; они обвязали ей головку мокрой тряпочкой и уложили въ пустой кузовъ, который съ гордостью понесли въ деревню.

Съ этихъ поръ Быструшка переходила изъ рукъ въ руки, пока не попала въ Зоологической садъ.

VIII.

Верблюдъ.

Все это вспомнилось бѣлочкѣ во время разсказа бобра... Она увлеклась воспоминаніями и не замѣтила, что бобръ давно уже окончилъ, а теперь раздавался непріятный голосъ верблюда, котораго Быструшка сильно не долюбливала за уродливую наружность, за ужасный голосъ, въ сравненіи съ которымъ ослиный крикъ казался ей пріятнымъ.

— Да, вы не смотрите, что я кажусь такимъ неловкимъ, некрасивымъ существомъ,—говорилъ верблюдъ,—за то я одно изъ самыхъ полезныхъ и выносливыхъ животныхъ,—не даромъ же меня зовутъ „кораблемъ пустыни“.

Тамъ, гдѣ простирается безгранична равнина жгучаго песку, не пройти никому безъ меня.

Сколько разъ ходилъ я въ караванѣ черезъ величайшую въ свѣтѣ пустыню Сахару! Не разъ грозили

ея пески на вѣки засыпать меня, не разъ шелъ я по ней, измученный голодомъ и жаждой...

Изъ всѣхъ путешествій по пустынѣ одно мнѣ осталось въ особенности памятнымъ.

Собрался большой караванъ съ товарами и путешественниками черезъ пустыню въ Алжиръ. Верблюдовъ раздѣлили на вьючныхъ съ поклажей и верховыхъ, на которыхъ ъехали путешественники.

На мой горбъ одѣли сѣдло, подъ него положили четыре подушки для того, чтобы оно не жало меня, и привязали сѣдло тремя ремнями. Къ сѣдлу прикрѣпили съ обѣихъ сторонъ корзины для сидѣнья, украсили все это коврами, шалями и яркими матеріями. Съ боковъ еще привѣсили два мѣха съ прѣсной водой и мѣшокъ съ финиками.

Ко мнѣ въ корзины сѣла цѣла семья: старая аравитянка бабушка, мать и двое прелестныхъ, черноглазыхъ, кудрявыхъ дѣтей—два мальчика Серибеди и Али.

Одинъ за другимъ выстроились верблюды съ ихъ проводниками и тихо зашагали, медленно колыхаясь. Солнце еще только взошло, но было такъ жарко, что, казалось, оно не только съ неба, но и съ земли льетъ жгучіе потоки лучей.

Съ каждымъ часомъ дышать становилось труднѣе, все, будто, свѣтилось и горѣло: небо, воздухъ, песокъ и несносная песчаная пыль, наполняющая всю атмосферу. Дѣти ъехали только въ первый разъ и потому ихъ не страшили всѣ опасности этого пути; они безпечно сидѣли въ корзинахъ, съ аппетитомъ поѣдая финики, и удивлялись множеству бѣлыхъ костей, которыми была усыпана пустыня; они не знали, что это остатки каравановъ, засыпанныхъ

летучимъ пескомъ или застигнутыхъ страшнымъ саму-
момъ!

— Али! Али! Смотри скорѣе сюда! — закричалъ Се-
рибеди и глаза его заблестѣли восторгомъ.

— Ахъ! — вырвалось у Али; поднятая съ финикомъ
смуглая ручка такъ и осталась у рта.

Вдали, на желтомъ фонѣ пустыни, показалось синее,
какъ небо, озеро, вокругъ него расположились замки,
дома и минареты.

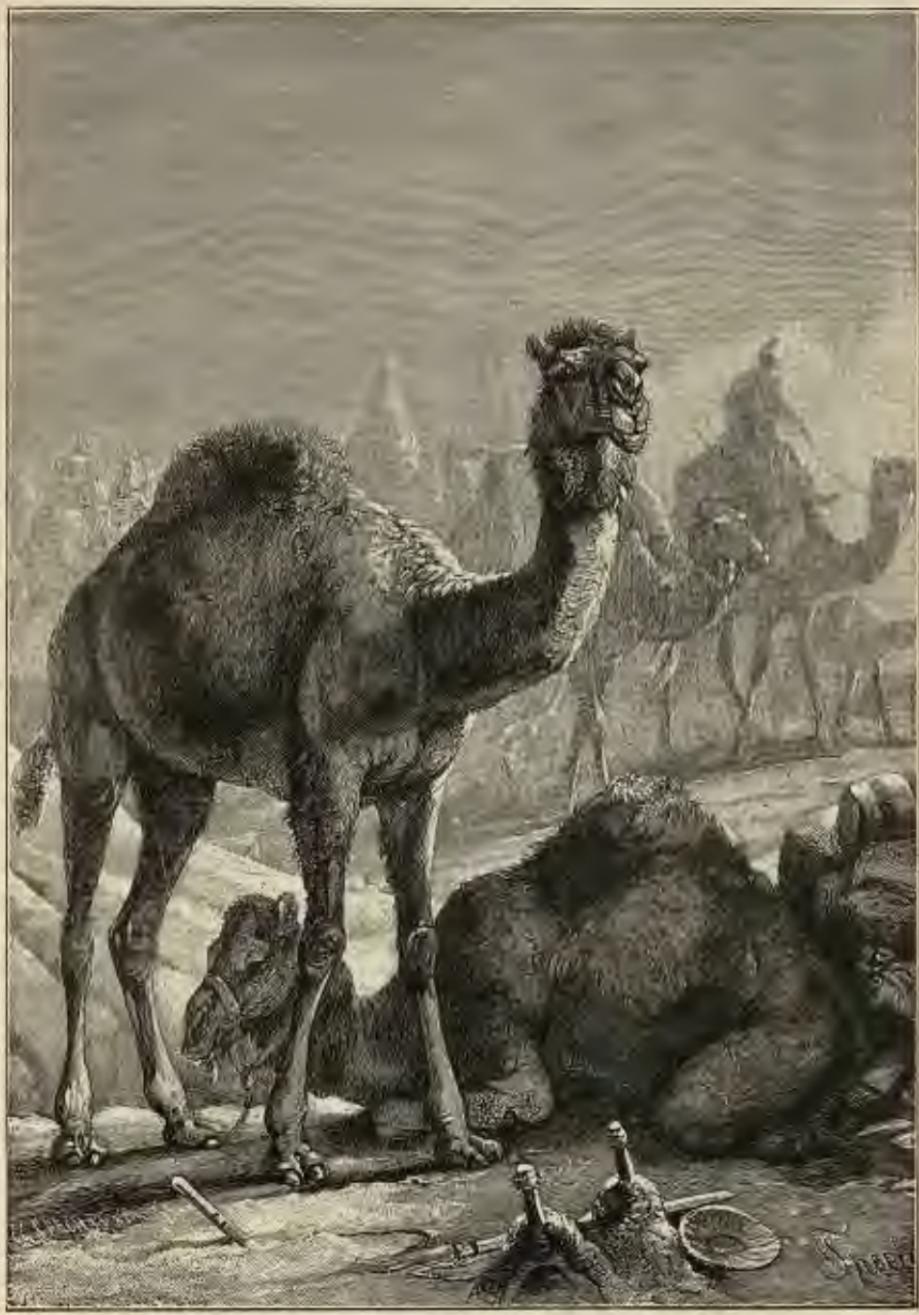
— Мама, что это за городъ? — обратились дѣти къ
матери; та улыбнулась:

— Я не могу вамъ сказать... Въ этомъ мѣстѣ, гдѣ
вы его видите, его совсѣмъ нѣтъ, — сказала она и, какъ
будто въ доказательство ея словъ, городъ исчезъ, а на
мѣстѣ его теперь высились громадныя горы съ снѣго-
выми вершинами; въ долинахъ виднѣлись пастушки хи-
жины.

— Что же это такое? — воскликнули очарованныя
дѣти.

— Это явленіе часто показывается въ пустынѣ, —
отвѣтила мать, — и называется оно миражемъ. Усталому
путнику является одна картина заманчивѣе другой:
то онъ видѣтъ домъ, гдѣ бы могъ отдохнуть, то рѣку,
гдѣ бы могъ напиться, то прохладный лѣсь; но, когда
онъ достигаетъ ихъ, то заманчивая картина быстро
исчезаетъ и путникъ съ ужасомъ видитъ опять вокругъ
себя пустыню.

Мы подвигались довольно скоро, караванъ давно
прошелъ то мѣсто, гдѣ показались намъ волшебныя
картины миража; солнце пекло немилосердно, идти
дальше не было возможности — рѣшили сдѣлать привалъ.
Слуги-арабы раскинули палатки и шатры, съ насъ сняли

поклажу и пустили вольно; тутъ и тамъ росъ терновникъ, до котораго мы большіе охотники, его толстыя, острыя иглы не причиняютъ намъ ни малѣйшей боли; переходя отъ одного дерева къ другому, я довольно далеко удалился отъ своихъ и только хотѣлъ повернуть назадъ, какъ увидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя распостертаго на горячемъ пескѣ мертваго верблюда; надъ нимъ сидѣла стая хищныхъ птицъ и, злобно посматривая другъ на друга, не рѣшалась еще начать свой обѣдъ.

Очевидно, здѣсь сегодня проходилъ караванъ; бѣдняга, вѣрно измученный голодомъ и жаждой, не могъ больше носить тяжести и упалъ среди пустыни, которая и сдѣлалась его могилой. Я съ ужасомъ прибѣжалъ къ своимъ—и была пора.

Проводники снова навьючили насъ и мы опять зашагали по желтому песку.

Прошло пять дней, сѣѣстные запасы значительно уменьшились, вода выдавалась только одинъ разъ въ день, но этого было мало при такой жарѣ. Серибеди и Али больше не восхищались путешествіемъ, губки у нихъ потрескались, глаза не свѣтились, какъ прежде, восторгомъ. Они жалобно просили пить; мать не могла имъ давать больше, чѣмъ всѣ получали: если бы она осмѣлилась безъ спроса взять въ дорогѣ, во время недостатка воды, хоть одинъ глотокъ, ее за это убили бы. Она грустно успокаивала дѣтей, сгорая сама отъ жажды. Ихъ старая бабушка Фатима съ тревогой посматривала на небо, скоро ли настанетъ ночь.

Ночь настала, безъ росы и тумана, сухая, съ крупными, яркими звѣздами. Луна лила свой синеватый свѣтъ, но почва и воздухъ не охлаждались; песокъ от-

давалъ весь жаръ, который онъ въ продолженіе дня получалъ отъ солнца.

Вдали, подобно блуждающимъ огонькамъ, горѣли глаза шакаловъ и раздавался ихъ угрюмый, ужасающей вой. Гіены рыли песокъ, отыскивая остатки павшихъ верблюдовъ или людей.

Дѣти не спали, они боязливо жались другъ къ другу и вздрагивали при каждомъ тоскливомъ воѣ хищниковъ. Съ радостью дождались мы восхода солнца, хотя знали, что день намъ едва ли дастъ отдыхъ.

Дневное свѣтило встало во всей своей красѣ и величіи, на горизонтѣ показались опять чудныя картины миража. Фатима, желая развлечь дѣтей, указывала на нихъ, но дѣти уже привыкли къ нимъ, а голодъ и жажда мучили ихъ, такъ что имъ было совершенно безразлично, куда глядѣть—на высохшія бѣлые кости павшихъ верблюдовъ или на миражъ.

Верблюды шли молча гуськомъ, грустно позванивая бубенчиками; насъ еще больше, чѣмъ людей, мучила жажда. Четыре дня мы ничего не пили, бока и горбы наши ввалились, мы тоскливо оглядывались, нѣтъ ли гдѣ хоть терновника или другой жесткой колючей травы; мы были такъ измучены, что съ трудомъ волокли ноги. Люди это замѣтили и съ тревогой посматривали на насъ. Упади мы, и ихъ ждетъ неминуемая гибель. Куда они пойдутъ по раскаленному песку! Воду всю выпили; оставалась одна надежда на наши силы, хватитъ ли ихъ, чтобы дойти до оазиса, лежащаго въ полѣ дня пути.

Это зеленый островъ среди песчанаго моря; на немъ растетъ богатая зелень, протекаютъ ручейки и водится живность. Такихъ оазисовъ нѣсколько въ пустынѣ, они сущій рай для несчастныхъ путниковъ.

Я шелъ, понуря голову, прислушиваясь, что дѣлается въ корзинѣ, гдѣ сидѣли дѣти. Али лежалъ съ закрытыми глазками и блѣднымъ, осунувшимся лицомъ на рукахъ своей бабушки, а Серибеди поминутно стоналъ и просилъ пить. Жалко было бѣдныхъ дѣтей; вдругъ передовой верблюдъ заревѣлъ, началъ быстро вращать глазами, насторожилъ уши и пустился рысью впередъ.

— Оазисъ! оазисъ! — закричали путешественники и съ благодарностью взглянули на небо. Этотъ крикъ всѣмъ придалъ новыя силы и менѣе, чѣмъ въ два часа мы вступили подъ густую тѣнь деревьевъ.

Какъ безумные, бросились люди и животныя къ водѣ, полумертвый Али ожиль отъ одного глотка. Я былъ счастливъ, глядя на его блѣдное, оживленное лицо.

Отдохнувъ, запасшись пищей и водой, мы, сытые и веселые, вступили опять въ безграничную пустыню. Едва прошли сотню верстъ, какъ почувствовали въ воздухѣ скорое наступленіе самаго страшнаго врага каравановъ — знойнаго вѣтра самума.

Нѣть ничего ужаснѣе и страшнѣе его въ пустынѣ. Мы его всегда чувствуемъ за нѣсколько часовъ и стараемся своимъ беспокойствомъ дать знать объ этомъ проводникамъ.

Такъ мы сдѣлали и теперь. Люди живо собрали насъ въ тѣсный кружокъ, головами во внутрь, завязали намъ уши, рты и глаза, что сдѣлали и себѣ (безъ этой предосторожности можно ослѣпнуть отъ жгучей, песчаной пыли) и, закрывшись въ свои длинныя тальмы, стали подъ нами, также лицами во внутрь кружка; Али и Серибеди подставили подъ меня.

Какъ только успѣли окончить эти приготовленія,

солнце потускнѣло, воздухъ сдѣлался жгучимъ, какъ раскаленное желѣзо, дышать было нечѣмъ, и закрутила песчаная буря, пронося черезъ наши головы облака песку и пыли. Каждую минуту казалось намъ, что вотъ, вотъ она насъ засыплютъ живьемъ. Дѣти задыхались, взрослые молились, мы тряслись всѣмъ тѣломъ. Въ горлѣ у всѣхъ пересохло; рука, которую мой проводникъ не успѣлъ засунуть подъ тальму, вся потрескалась и болѣла отъ засѣвшаго въ трещинахъ песку.

Намъ показалось, что самумъ свирѣпствуетъ цѣлую вѣчность, хотя прошло еще немного времени, но, стоя лицомъ къ лицу со смертью, поневолѣ считаешь мимуты за годы.

Когда самумъ пронесся и намъ развязали глаза, то мы не узнали мѣстности: прежде гладкая пустыня представляла теперь горы и холмы сыпучаго песку. На одномъ мѣстѣ лежала громадная куча бѣлыхъ костей; очевидно, самумъ когда-то засыпалъ большой караванъ, а теперь сдулъ съ него песчаный покровъ.

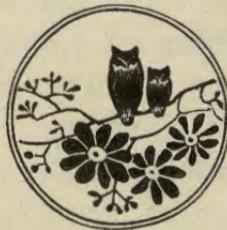
Всѣ съ ужасомъ отвернулись отъ этого зрѣлища, благодаря въ душѣ Бога, что насы минула эта бѣда; но вдругъ раздался вопль отчаянья; злой вѣтеръ высушилъ всѣ наши мѣха, только на самомъ донышкѣ можно было еще найти нѣсколько капель воды для дѣтей. Пришлось бы умереть отъ жажды, еслибы мы совершенно неожиданно не наткнулись на источникъ воды.

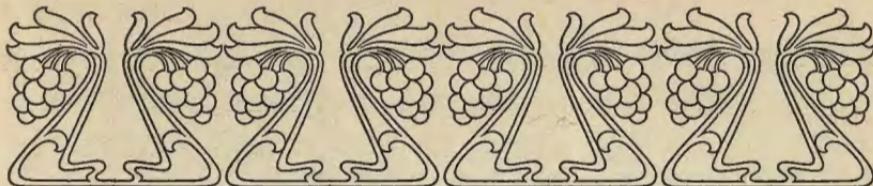
Черезъ два дня мы пришли въ Алжиръ, куда держали путь.

Здѣсь я долженъ былъ разстаться со своими маленькими друзьями, съ которыми вмѣстѣ перенесъ столько страданій и страховъ. Ихъ ожидалъ отецъ, кра-

сивый, статный арабъ съ бѣлой чалмой на головѣ, я-же пошелъ за своимъ хозяиномъ на базаръ.

Верблюдъ замолчалъ, молчали и другіе звѣри; каждый думалъ о своемъ дѣтствѣ, своей юности и о всей своей жизни, тамъ далеко, въ странѣ солнца и свѣта, среди нетронутыхъ лѣсовъ юга. Одинъ только Снѣжокъ, да лиса чернобурая громко ревѣли о вѣчныхъ льдахъ сѣвера.

ДѢВОЧКА СКАЗКА.

Давно, давно, тогда еще, когда по земль летали феи и ангелы, когда цветы и звезды разговаривали съ дѣтьми, когда на деревьяхъ росли волшебные плоды, жила въ далекомъ государствѣ маленькая бѣдная дѣвочка, по имени Сказка. Она была круглая сирота, никто не заботился о ней: у нея не было ни дома, гдѣ жить, ни постельки, гдѣ спать, и часто ее мучили голодъ и жажды.

Терпѣла, терпѣла малютка, наконецъ рѣшила уйти изъ родного города куда глаза глядятъ.

Долго шла она густыми лѣсами, широкими полями, пока не пришла въ царство Солнца. Ахъ, какъ тамъ было жарко! кругомъ только расплавленное золото и серебро. Солнце сидѣло въ такомъ блестящемъ замкѣ, что крошка чуть не ослѣпла, взглянувъ на него.

— Не ходи, не ходи сюда, я тебя расплавлю! — Уйди скорѣй отсюда, а то ты растаешь! закричало ей солнце.

Дѣвочка испугалась, пустилась бѣжать и пришла къ дремучему лѣсу.

— Куда ты идешь? — спросили у нея лѣсныя лани.

— Я и сама не знаю! — отвѣтила крошечка, — я жила съ людьми, они обижали меня; пришла къ Солнцу, оно

напугало меня! Куда мнѣ теперь дѣться?—Изъ чащи вышли другіе звѣри, всѣ они обступили Сказку и, не зная, какъ помочь горю, грустно глядѣли на маленькую пришельцу.

— Хочешь, я снесу тебя въ царство фантазіи: тамъ тебя никто не обидитъ. Добрыя феи обласкаютъ и полюбятъ тебя,—сказалъ малюткѣ рогатый олень.

— Будь такъ добръ!— обрадовалась дѣвочки и сѣла къ нему на спину, обхвативъ его шею бѣленькими ручками.

Быстро летить вѣтеръ, но быстрѣе бѣжитъ тонконогій олень со своею легкою ношью; рѣки ему ни почемъ переплыть, лѣса и поля ни почемъ пробѣжать.

Вотъ они домчались до волшебного лѣса, ни одинъ солнечный лучъ не проникалъ туда, все было покрыто блѣдно-синимъ, пріятнымъ для глаза, сіяніемъ.

Деревья и трава блестѣли яркими красками, птицы пѣли чудныя пѣсни, имъ вторили серебряные ручейки; на каждомъ шагу были дивные гроты и живописныя скалы.

— Пришли!—сказалъ олень;—мнѣ пора домой, но если я тебѣ понадоблюсь, кликни только: „Сади!“ и я тотчасъ явлюсь.

Сказка обняла и поцѣловала своего друга, простилась съ нимъ и, когда тотъ скрылся изъ глазъ, пошла бродить по незнакомому лѣсу.

Вездѣ попадались диковинные, невиданные предметы, одинъ краше другого. Вдругъ она остановилась, передъ ней глубоко, въ хрустальной скалѣ, находился серебряный гротъ, весь обросшій яркою зеленою и цвѣтами. Кругомъ раздавалась тихая музыка; когда Сказка ближе разглядѣла цвѣты и листья, то увидѣла, что въ каждой розѣ сидитъ чудная крошечная фея съ

голубыми и розовыми крылышками, а подъ каждымъ листочкомъ лежатъ въ зеленыхъ гнѣздашкахъ хорошенъкія птички.

Посреди грота билъ жемчужный фонтанъ, постоянно мѣняя цвѣта и оттѣнки: то онъ казался краснымъ, то синимъ, то розовымъ, то онъ распадался на мелкія брызги.

Сказка отъ восторга сложила рученки и прошептала: „Боже, какъ это прекрасно! какъ это прекрасно!“

Незашѣтно наступилъ вечеръ, стѣны грота раздались, уходя все больше и больше въ глубь. Передъ глазами очарованной дѣвочки открылось голубое, какъ эмаль, море съ плавающими по немъ нимфами, лебедями и воздушными лодками. Яркой лентой кружились и вились надъ поверхностью рѣзвыя русалочки, крупные звѣзды съ высоты глядѣлись въ прозрачную воду, а на горизонтѣ величаво и медленно всплывалъ мѣсяцъ.

Фонтанъ точно загорѣлся, брызги его засіяли и изъ середины его показалась царица этого царства, добрая фея Фантазія.

— Здравствуй, милая Сказка! Добро пожаловать къ намъ! — обратилась она къ оторопѣвшей крошкѣ и голосокъ ея прозвенѣлъ, какъ серебряный колокольчикъ.

Сказка хотѣла высказать доброй Фантазіи, какъ ей здѣсь нравится, но она постѣснялась и низко опустила головку.

— Что, малютка, хороша ли моя страна?

— Ахъ, какъ хороша,—точно волшебный сонъ! — отвѣтила дѣвочка.

— А хочешь ты оставаться здѣсь?

— Хочу! — сказала торопливо малютка.

Только успѣла она произнести это слово, какъ ее окружили крошечные нимфы и ввели въ замокъ царицы.

И стала жить Сказка среди нихъ.

Всѣ ее любили, но больше всѣхъ царица: она такъ полюбила сиротку, что не разлучалась съ ней ни днемъ, ни ночью.

Сказка спала въ золотой раковинкѣ, рядомъ съ перламутровой колыбелькой Фантазіи.

Она летала со своей подругой въ заоблачныя царства, къ ангеламъ и звѣздамъ, играла съ мѣсяцемъ, спускалась на дно морское къ рыбкамъ, заходила въ чашечки цвѣтовъ, въ гнѣздашки къ птичкамъ, рѣзвилась съ маленькими феями въ лучахъ солнца, отдыхала у блуждающихъ огоньковъ подъ широкими листьями папоротника.

Годы летѣли, какъ дни. Сказка жила въ чудной странѣ, гдѣ она научилась языку цвѣтовъ и травъ, звѣрей и птицъ.

— Ты, вѣрно, соскучилась у насъ? — сказала ей однажды Фантазія.—Не хочешь ли ты опять въ тотъ міръ, откуда ты пришла?

— Нѣтъ, нѣтъ!—вскричала испуганно дѣвочка.

— Ты такъ кротка и добра, мы такъ любимъ тебя, проси у насъ, чего желаешь! — сказали малютки феи. Не хочешь ли ты сдѣлаться красавицей розой или душистымъ ландышемъ?

— Нѣтъ!—покачала Сказка головкой.

— Ну, птичкой яркокрылой?

— Нѣтъ!

— Бабочкой пестрой или звѣздочкой блестящей?

— Нѣтъ! — прервала дѣвочка съ плачемъ, — я не хочу уйти отъ васъ, изъ любимаго лѣса, изъ милаго грота!

— Тогда останься съ нами, доброе дитя, но всетаки мы одаримъ тебя чѣмъ нибудь. Съ этими дарами ты, въ часы досуга, пойдешь въ міръ къ людямъ, куда привнесешь забвенье и счастье.

— Мы даримъ тебѣ вѣчную юность, беззаботность и веселость,—сказали нимфы морскія.

— Мы — башмачки-скороходы, которые въ одинъ мигъ перенесутъ тебя, куда вздумаешь,—сказали маленькие лѣсные человѣчки, эльфы.

— Отъ насъ прими красоту и любящее, доброе сердце, одинаково способное любить богатыхъ и бѣдныхъ, счастливыхъ и несчастныхъ, большихъ и малыхъ,—сказали малютки феи.

— Мы даримъ тебѣ пестрый плащъ; облекшись въ него, ты сумѣешь превращать все будничное, бѣдное и жалкое въ праздничное, роскошное,—прибавили рѣзья русалочки.

— Отъ насъ прими даръ разсказывать и забавлять,—сказали добрые сны.

— А я, моя любимица, никогда съ тобою не разста-

нусь! Куда пойдешь ты, туда пойду и я,— добавила Фантазія.

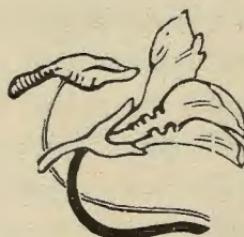
— О, эти дары я съ восторгомъ принимаю!— отвѣтила Сказка, цѣлуя подругъ.

Съ тѣхъ поръ двѣ чудныя дѣвочки, въ красныхъ сапожкахъ-скороходахъ, въ пестромъ плащѣ-самолетѣ, обходятъ всѣ дома, всѣ углы, гдѣ живутъ люди.

Особенно долго и съ любовью остаются онѣ у дѣтей. Во снѣ онѣ имъ нашептываютъ дивные сны, отъ которыхъ у крошекъ алѣютъ щечки и появляются улыбки на сонныхъ личикахъ.

На яву онѣ переносятъ ихъ въ міръ фантазіи и грезъ, гдѣ дѣти видятъ хрустальные замки, рыцарей, синія рѣки, волшебные лѣса и диковинныхъ звѣрей.

И стало всѣмъ житься лучше съ того времени, какъ малютки Сказка и Фантазія начали бывать у людей.

Долгъ платежомъ красенъ.

За деревней, на высокомъ берегу быстрой рѣчки, стояла полусгнившая, развалившаяся мельница. Люди почти не заглядывали туда, и потому тамъ пышно разрослись яркіе полевые цвѣты и густая зелень, въ которой водилось множество звѣрушекъ и птицъ. Въ одинъ прекрасный день, подъ развалиной, въ уютной, выложенной травой, ямкѣ поселился хорекъ; маленький хищникъ вскорѣ сдѣлался грозой всей мѣстности: онъ нападалъ на все живое и умѣлъ отыскивать любого звѣрька. Его тоненькая гибкая фигурка со свѣтлыми глазками и бѣленькими зубками проскальзывала въ самыя узкія щели, острые когти ловко цѣплялись за стволы деревьевъ, онъ отлично плавалъ и бѣгалъ. Съ этими качествами нашему младцу жилось тепло и сытно.

По сосѣдству съ хорькомъ жилъ маленький ежикъ, предобродушнѣйшее существо; его привѣтливая, острая мордочка мило выглядывала изъ колючаго панцыря, и онъ часто говорилъ другимъ звѣрькамъ: „Братцы, не трогайте меня! Я всѣхъ люблю и никому зла не сдѣлаю: вы видите, какой я маленький и беспомощный!“

Правда съ мышами, насѣкомыми и змѣями ежикъ вѣль ожесточенную войну, за то со всѣми другими, даже съ хорькомъ, онъ жилъ въ ладахъ.

— Пойдемъ въ рощу гулять! — звалъ хорь ежа.

— Нѣтъ спасибо, днемъ мнѣ плохое гулянье, вечеромъ, если желаешь, съ удовольствиемъ: днемъ я люблю поспать!

Вечеромъ сосѣди пошли въ деревню: ежъ ловить мышей, хорь душить куръ. Дивится ежъ товарищу, ужъ очень смѣшно тотъ ходить: вѣется, какъ угорь, между кустарниковъ, то присядетъ на заднія лапки, то, какъ кошка, выгнетъ дугой спинку, то обнюхаетъ землю.

Пришли на дворъ къ крестьянину. Мышей тамъ водилось видимо-невидимо; ежъ сталъ охотиться за ними, а пріятель его шмыгнулъ въ курятникъ. Прошло довольно долгое время. Наѣвшись мышей, ежъ пошелъ за хоремъ; каково же было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ штукъ пятнадцать задушенныхъ куръ и корзинку высосанныхъ яицъ.

— Зачѣмъ ты всѣхъ передушилъ? Вѣдь ты и одною бы насытился.

— А ты развѣ не знаешь, что мое любимое занятіе — душить все живое!

Ежъ только поморщился отъ такого отвѣта.

— Не хочешь ли закусить жирной полевкой? — обратился съ самымъ невиннымъ видомъ хорь къ ежу.

— Пожалуй!

— Такъ вотъ влѣзь въ эту мышеловку и сиди смирно, черезъ двѣ — три минуты туда навѣрное вѣжитъ одна изъ нихъ.

Не успѣлъ довѣрчивый ежикъ дотронуться до кусочка сала въ мышеловкѣ, какъ дверцы прихлопнулись, и онъ очутился со всѣхъ сторонъ въ заперти.

— Выпусти меня, пожалуйста! — взмолился онъ.

— Ну нѣтъ, пріятель! Дуракъ я, что ли?— Завтра придетъ мужикъ, увидитъ тебя, подумаетъ, что ты задушилъ его куръ, убьетъ тебя и купить новыхъ птицъ, а мнѣ это и нужно.— Хитрецъ выскочилъ изъ курятника, радуясь злой шуткѣ, которую онъ сыгралъ съ ежомъ.

На зарѣ въ курятникѣ зашелъ хозяинъ: при видѣ задушенныхъ куръ, раздавленныхъ яицъ и мирно спящаго въ мышеловкѣ ежа, онъ такъ разсердился, что сейчасъ же хотѣлъ убить виновника своего несчастья.

— Погоди! Заплатишь ты мнѣ за свою кровожадность! А я еще подумалъ на хорька... ишь, смиренникъ, какъ сидитъ! Постой, позабудешь ты дорогу ко мнѣ.— И мужикъ, раскрывъ дверцы, схватилъ на смерть перепуганного звѣрька, но тотъ, свернувшись клубочкомъ, какъ-то нечаянно выскользнулъ изъ рукъ разсерженаго крестьянина и— давай Богъ ноги.

Не доходя до дому, ежъ увидѣлъ хорька, сидящаго, какъ ни въ чемъ не бывало, на берегу; хорь ловилъ въ стоячей водѣ большихъ раковъ и тутъ же съ аппетитомъ съѣдалъ ихъ. Ежъ молча прошелъ мимо, но хорекъ его замѣтилъ и закричалъ ему въ догонку:

— Что же ты, сосѣдъ, не разскажешь, какъ тебѣ спалось на новомъ мѣстѣ. Должно быть хорошо?

— Не твое дѣло!— огрызнулся ежъ.

* * *

Черезъ нѣсколько дней къ ежу опять забѣжалъ хорь.

— Пойдемъ въ лѣсъ, тамъ, говорятъ, большія змѣи завелись.

Ежъ былъ не злопамятенъ, притомъ закуска казалась заманчивой и онъ, не долго думая, пошелъ съ хорькомъ.

Пришли они къ большому, старому, обросшему пню; на влажномъ мху, грѣясь на солнцѣ, лежала змѣя гадюка. Какъ только пріятели ее увидѣли, хорекъ юркнулъ въ дупло, ежъ же, опустивъ голову и притопывая ногами, пошелъ на врага.

Гадюка развернулась и, грозно шипя, выставила ядовитые зубы. Съ раскрытой пастью бросилась она на своего врага, но тотъ свернулся колючимъ шарикомъ,— змѣя только уколола языкъ объ его иглы. Между ними завязалась отчаянная борьба: гадюка нѣсколько разъ жалила ежа въ губы и языкъ, ежъ, не обращая на укусы вниманія, продолжалъ нападать на нее и вдругъ съ ловкостью, которую трудно было ожидать отъ его неуклюжей ежевой фигурки, схватилъ голову змѣи и раздавилъ ее.

Только онъ успѣлъ это сдѣлать, изъ дупла выскочилъ хорь.

— Бѣдняжка, какъ она искусила тебя! — сказалъ онъ участливо.— Сядь сюда, отдохни немного, а я пока осмотрю ея гнѣзdo, нѣть ли тамъ дѣтенышей.

Ежъ принялъся старательно зализывать раны, а хорекъ принялъся за гадюку.

— Прощай, братъ; спасибо за вкусный обѣдъ. Въ другой разъ не откажи! — крикнулъ онъ уходя.

— Ахъ, разбойникъ! — захрюкалъ обиженный звѣрекъ,— даже хвостика мнѣ не оставилъ! Погоди, впередъ буду умнѣе.

Прошло немного времени; сидитъ хорекъ на заднихъ лапкахъ и дразнитъ товарища.

— А что, пріятель, вѣдь славно ты схватилъ гадюку зубами, такъ голова и захрустѣла, да и тебѣ здорово досталось...

Не успѣлъ хорекъ кончить свои насмѣшки, какъ на него стрѣлой опустился ястребъ. Вонзивъ свои острые когти ему въ мягкую спину, ястребъ поднялся съ нимъ высоко-высоко въ облака.

— Радуйтесь, радуйтесь! — за- пищали птички: — нѣтъ больше злодѣя-хорька!

Въ одинъ мигъ изъ травы выбѣжали зайцы, изъ дупель выглянули бѣлочки, явились и кролики, и курочки; однѣ мыши боязливо выглядывали изъ норокъ, гнѣвно косясь на ежа.

Вдругъ на землю шлепнулось что-то тяжелое, всѣ въ ужасѣ разбѣжались, только ежикъ, свернувшись, остался. Каково же было его изумленіе, когда онъ увидѣлъ хорька, теребившаго громаднаго ястреба!

— А вы уже обрадовались, думаете, пропалъ нашъ хорекъ. Нѣтъ, братъ, меня не скоро изведешь; онъ меня

за спину держитъ, а я зубами хвать его и жилу перекусилъ, голубчикъ сразу и пошелъ къ низу,—даже жалость взяла.

— Дай мнѣ кусочекъ, вѣдь онъ большой—обоимъ хватить, попросилъ ежъ.

— Не подходи, не подходи! Не смѣй трогать!—завизжалъ жадный хорь.

— Ладно, и ты ко мнѣ не приставай,—отвѣтилъ ежъ и пошелъ прочь.

— Ступай прямо на полянку подъ березкой, тамъ я видѣлъ много жуковъ и гусеницъ; смотри, не все съѣшь и мнѣ оставь!—закричалъ ему въ догонку хорекъ.

— Быть можетъ онъ правду говоритъ,—подумалъ ежъ. У него даже слюнки потекли отъ такихъ лакомствъ, и, не глядя подъ ноги, онъ побѣжалъ къ указанному мѣсту; но только онъ вступилъ подъ завѣтную березку, какъ съ ужасомъ почувствовалъ, что попалъ въ ловушку.

Сидитъ въ ней горемычный и оплакиваетъ свою погубленную жизнь, а тутъ еще насмѣшникъ-хорекъ юлитъ:

— Что куманекъ, какъ тебѣ нравится новая квартира? Неправда ли лучше, чѣмъ подъ развалинами? А червячки,—что за вкусъ! Отвѣдалъ ли ты хоть какъ слѣдуетъ ихъ?

— А это что?—перебилъ самъ себя хорекъ, замѣтивъ невиданный имъ прежде предметъ. Любопытство у него было сильное.—„Эй, что это такое? Вотъ такъ мудреная штука, надо ее непремѣнно обнюхать! Толкнуть развѣ лапкой?”—Едва онъ это сдѣлалъ, какъ завизжалъ не своимъ голосомъ.

— Я не могу вытащить свою правую лапку, ахъ!
Я погибъ, погибъ!

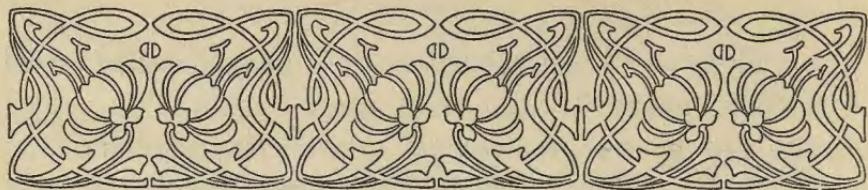
Въ это время къ капкану подошелъ охотникъ.

— Вотъ тебя-то, дружище, я давно ищу! Не мало ты у меня передушилъ куръ и утокъ, посмотримъ, нѣть ли и въ другой ловушкѣ такого же разбойника?—сказалъ охотникъ и подошелъ къ ловушкѣ.

— Хе, да никакъ ежъ! Ну, ты, пріятель, мнѣ не нуженъ, пойди, гуляй себѣ на волѣ.—Съ этими словами охотникъ выпустилъ ежа, а хорьку связалъ крѣпко лапки, положилъ его въ мѣшокъ и отправился домой.

Съ исчезновенiemъ общаго врага ожилъ берегъ: въ густой травѣ поселились зайцы и забѣгали ящерички; рыбкамъ не откуда было ждать нападенія, и онѣ цѣлыми днями играли на поверхности воды; на вѣткахъ запѣли птицы, запрыгали бѣлочки, а подъ старой мельницей, въ хорьковой норѣ, поселился кротъ.

ВОЛШЕБНИЦА ОЛЯ.

I.

Оля! Оля! — звала Варя свою сестру, и, не найдя ее въ дѣтской, побѣжала черезъ коридоръ въ нянину комнату.

Тамъ на красномъ, окованномъ желѣзными полосами, сундукъ сидѣла Оля и Марфуша, нянинा внучка, сиротка, жившая у бабушки.

Оля читала про Робинзона Крузо; Марфуша и няня внимательно слушали и дѣлали свои замѣчанія.

— Виши ты, прыткій какой! И платье самъ себѣ шьетъ, и козъ доитъ, и домъ себѣ выстроилъ,—шептала одобрительно старушка.

— И я бы сумѣла,—сказала бойкая Марфуша,—что за хитрость такая!

— Ну, ну, коза, полно хвастать! Лучше зашила бы передникъ,—дыра больше твоей головы, а зашить не умѣешь,—сказала бабушка.

— То зашить надо, а то строиться въ пустынѣ! Совсѣмъ это, бабенька, другое. Кабы я была этотъ самый Робинзонъ, не то бы еще сдѣлала!—не унималась внучка.

— Напримѣръ, что? Ходила бы внизъ головой, вверхъ ногами, какъ давеча,—улыбнулась няня.

Всѣмъ было весело, дѣвочки громко смѣялись и не замѣтили стоящей въ дверяхъ Вари.

— Ты зачѣмъ взяла безъ спросу моего Робинзона? Кто тебѣ позволилъ?—накинулась она на сестру.—Всю книжку измазала!

— Книга не твоя, а общая,—отвѣтила Оля,—бабушка намъ ее обѣимъ подарила...

— Такъ что-жъ изъ этого? Ты все-таки не смѣешь брать ее безъ позволенія—вотъ что!

— Полно, касатки,—вмѣшалась няня,—что вамъ дѣлить между собой! Кто первый взялъ, тотъ и читай... не разорвать же книжку пополамъ: вотъ эта половина моя, эта твоя,—читайте вмѣстѣ...

— Ты всегда, няня, за Олю заступаешься,—прервала ее обидчиво Варя.

— И, и, пташка, Христосъ съ тобою! Обѣ вы равны у меня, обѣихъ вынянчила, что одна, то другая... только ужъ всегда заступлюсь за правую, будь это ты или Оля...

— Ну ужъ ладно, ладно!—прервала опять няню Варя.—Отгадайте, что у меня за секретъ въ карманѣ?

Дѣвочки съ любопытствомъ подошли къ Варѣ.

— Не знаемъ, Варя,—сказали онѣ заискивающимъ голосомъ.

— Письмо отъ бабушки! Къ себѣ на елку зоветъ!—не вытерпѣвъ, воскликнула она, вертясь съ письмомъ по комнатѣ; Оля съ Марфушей бѣгали за ней, дѣляя отъ восторга такие прыжки, какіе дѣлалъ теленокъ Бѣлячекъ, когда за нимъ гнались по лугу.

И какъ было не восторгаться поѣздкой къ бабушкѣ,

когда тамъ ихъ ждали лакомства, игрушки, прогулки, масса дѣтей и чудная елка!

Бабушкина деревня Немиловка лежала въ шестидесяти верстахъ отъ ихъ имѣнія. Лѣтомъ дѣти часто навѣщали Немиловку, но зимою только одинъ разъ на Рождество.

Каждый годъ бабушка устраивала елку для внучекъ и, чтобы имъ было веселѣе, она задолго еще до праздниковъ разсыпала приглашенія ко всѣмъ окрестнымъ сосѣдямъ, у кого были дѣти. Всѣ любили добрую старушку и охотно привозили къ ней ребятъ, которымъ было очень весело у Людмилы Петровны (у бабушки).

За внучками она всегда присыпала камердинера дѣдушки Трифона, который долженъ быть за ними смотрѣть въ дорогѣ. Варя первая увидѣла въѣзжавшаго на дворъ Трифона и стремглавъ бросилась ему на встрѣчу. Едва мама прочла бабушкино письмо, какъ Варя полетѣла сообщить сестрѣ радостную вѣсть.

Она была нетерпѣливая, вспыльчивая дѣвочка; не найдя Оли въ дѣтской, она уже разсердилась и рада была придраться къ ней изъ за книжки.

Варя частоссорилась съ младшей сестрой иногда за какой-нибудь пустякъ и всегда воображала, что она права; Оля большею частью уступала, но случалось, и она выходила изъ себя.

Въ этотъ разъ, благодаря письму, все обошлось благополучно, и Варя была въ отличномъ расположеніи духа.

Дѣти сутились, хлопотали, упаковывали свои вещи и всячески мѣшали большимъ. Варенька все приставала къ мамѣ, какія платья ей взять съ собою? Оля заботилась о другомъ; съ ними въ первый разъ ѻхала

Марфуша, сильно робѣвшая отъ одной мысли попасть въ большое собраніе.

Оля брала ее подъ свое покровительство и потому сама была не совсѣмъ спокойна за свою подругу; она знала, что между дѣтьми найдутся и такія, которыя не захотятъ играть съ Марфушей, въ особенности, если у бабушки опять будутъ братъ и сестра Меньшовы. Оля ихъ не любила: когда Меньшовы пріѣзжали къ нимъ въ гости, то постоянно насмѣхались надъ ея дружбой къ Марфѣ.

— И что имъ за дѣло до этого! — волновалась теперь Оля.

II.

Варя и Оля Горленко жили въ Малороссіи, на своемъ хуторѣ, среди полей пшеницы и ржи.

Лѣтомъ дѣтямъ было раздолье, но зато зимой приходилось сидѣть дома, и потому-то поездки къ бабушкѣ имѣли еще особенную прелестъ: одна поѣздка на тройкѣ, чего стоила! Летиша, какъ птица небесная, даже духъ замираетъ отъ быстрой Ѣзы!..

За сборами незамѣтно приблизился день отъѣзда. У крыльца давно стояли три тройки; лошади нетерпѣливо били копытами снѣгъ, кучера хлопали руками, чтобы согрѣться.

Вечерѣло: крѣпкій съ утра морозъ немного ослабѣ, на ясномъ вечернемъ небѣ вырисовывался серпъ мѣсяца, находящее солнце окрасило пурпуромъ горизонтъ.

Съ крикомъ и смѣхомъ выскочили на дворъ три за-

кутанныя, шарообразные фигуры, въ которыхъ съ большимъ трудомъ можно было узнать дѣтей.

— Ха-ха-ха! — заливалась Оля. — Варя, ты похожа на боченокъ съ огурцами, право! А Марфуша точно арбузъ на бахчѣ, ха-ха-ха...

— А ты-то! Ни дать — ни взять кочанъ капусты! — смеялись въ отвѣтъ дѣвочки, оглядывая другъ друга.

Ихъ громкій смѣхъ далеко разносился въ морозномъ воздухѣ; съ деревни прибѣжали въ мамкиныхъ кацавейкахъ ребятишки поглазѣть на отѣзжающихъ господъ.

Шумно размѣстились по тройкамъ: папа, мама и трое дѣтей въ первой, няня съ двумя горничными во второй, а въ третьей, крытой повозкѣ, Трифонъ везъ багажъ.

Лошади тронули, и тройки, взбивая снѣгъ, полетѣли по необъятной степи.

Не проѣхали они и девяти верстъ, какъ подулъ легкій вѣтерокъ и сталъ падать мелкій, густой снѣгъ. Небо заволокло, съ каждой минутой вѣтеръ крѣпчалъ, подхватывалъ снѣгъ и крутилъ его съ необыкновенной скоростью.

Быстро разыгралась ужасная мятель, которая такъ страшна въ степи. Лошади вязли въ рыхломъ снѣгѣ, кибитки поминутно проваливались. Небо, земля, даль — все покрылось пеленою, настала такая темень, что нельзя было различить дороги въ десяти шагахъ передъ собою. Вѣтеръ вылъ, какъ стая голодныхъ волковъ, яростно несясь по безграничному простору. Ни вернуться назадъ, ни ѿхать впередъ не было возможности!..

Всю ночь пробуждали они, боясь замерзнуть, по-минутно проваливаясь въ глубокій снѣгъ. Лошади и люди выбились совсѣмъ изъ силъ.

Къ утру буря улеглась, стало разсвѣтать, но мятель такъ измѣнила знакомую дорогу, что кучера не знали даже, гдѣ они. Все занесло, вездѣ лежала гладкая равнина. Къ ихъ радости, скоро имъ попались мужики, ѿхавшіе отыскивать товарищей, ушедшихъ съ вечера въсосѣднее село. Къ удивленію всѣхъ оказалось, что Горленко забрели верстъ 40 въ сторону. Разспросивъ про дорогу, они къ вечеру подъѣхали къ Немиловкѣ.

Можно себѣ представить испугъ старушки, когда она услышала про всѣ бѣдствія, какихъ путники на-терпѣлись.

Къ счастью, никто не отморозилъ себѣ ни рукъ, ни пальцевъ, какъ это въ подобныхъ случаяхъ бываетъ, а только отдѣлялись однимъ страхомъ.

Вечеромъ вся семья собралась къ чаю: ярко блестѣлъ кипящій самоваръ на чайномъ столѣ, сплошь уставленномъ вареньемъ, печеньемъ и всякими закусками; въ большой освѣщенной столовой было тепло и весело. Теперь всѣ чувствовали себя отлично и добродушно подтрунивали другъ надъ другомъ.

— Изъ Вари вѣрно отличная пѣвица выйдетъ,—смѣялся Илья Ивановичъ, отецъ Вари и Оли,—какъ она звонко кричала! Урокъ отвѣтить, такъ голоса не хватаетъ, а тутъ такъ пошла ревѣть, куда тебѣ!

— А няня все крестилась,—сказала Оля,—и насть крестила.—Марфенька даже насть за волковъ приняла;—улыбнулась Варя,—когда я плакала, она пряталась за маму и спрашивала, много ли ихъ?

Довольно поздно разошлись гости по своимъ комнатамъ всѣ. Послѣ безсонной, тревожной ночи уснули крѣпкимъ, спокойнымъ сномъ.

III.

Мало по малу начали съѣзжаться гости. Одна за другой подъѣзжали кибитки, кареты, сани; изъ нихъ вылѣзали закутанные съ ногъ до головы дѣти и взрослые.

Пустой, безмолвный въ обыкновенное время, домъ оживился, его наполнила масса дѣтей. Смѣхъ, говоръ, пѣніе раздавались въ каждой комнатѣ. Людмила Петровна, улыбаясь, расхаживала среди своего войска, какъ она называла дѣтей, и находила для каждого какое-нибудь ласковое слово.

Время быстро летѣло, до елки осталось только три дня. Дѣтей уже не пускали въ залу, куда съ вечера внесли высокую елку. Трифонъ и ключница Ганна то и дѣло носили туда ящики и пакеты, при видѣ которыхъ у дѣтей замирало сердце.

— Не правда ли, Трифонъ, въ этомъ ящикѣ лежать сабли и кивера? — приставали къ старику мальчики.

— А въ этомъ пакетѣ что? Вотъ, который перевязанъ голубой лентой? — спрашивали дѣвочки.

Но камердинеръ дѣлалъ видъ, будто не слышитъ и не видитъ умилъно устремленныхъ на него глазъ, и молча, съ важнымъ видомъ, проходилъ дальше.

Даже дѣдушка, закадычный другъ дѣтей, и тотъ точно воды въ ротъ набралъ, когда его спрашивали о таинственныхъ сверткахъ.

Въ домѣ завелись секреты: бабушка съ Олиной мамой, Александрой Михайловной, озабочено о чёмъ то шептались, поглядывая то на того, то на другого изъ маленькихъ гостей.

Дѣтвора волновалась, притихла и стала загадывать, какіе будутъ кому подарки. Варя и Липочка Меньшова,—та самая, которую не любила Оля, пробовали даже подглядѣть въ замочную дырочку, но кто-то за-

лѣпилъ ее съ той стороны, такъ что онъ ничего не увидѣли.

Въ сочельникъ утромъ Оля сидѣла въ бабушкиной спальнѣ на полу и торопливо дошивала для бабушки кисейный чепецъ, съ которымъ, по мнѣнію Оли, ничто не могло сравниться по красотѣ и изяществу.

Только она успѣла окончить свою работу, какъ въ комнату вошла бабушка, ведя за руку хорошенькую, черноглазую дѣвочку.

— Вотъ, Оля, Вѣрочка Нилина, — моя крестница; я ее очень люблю, прошу и тебя любить и жаловать ее. Она здѣсь одна, безъ мамы, никого не знаетъ, такъ ужъ не давай ее въ обиду и смотри, Оленька, чтобы ей не было здѣсь скучно! — сказала старушка и вышла изъ комнаты, оставивъ дѣвочекъ однѣхъ.

Дѣти скоро сошлись, и между ними завязался дружескій разговоръ: Оля разсказала Вѣрѣ, что они зиму и лѣто живутъ въ деревнѣ, на своемъ хуторѣ, и учатся дома, но родители хотятъ съ будущей осени переѣхать въ городъ, чтобы отдать ее и Варю въ гимназію.

— А ты гдѣ живѣшь? — спросила она Вѣру.

— Раньше мы жили въ Москвѣ, но недавно моего папу назначили по службѣ сюда, и мы теперь живемъ въ Полтавѣ. У меня есть маленькой братъ Миша, онъ остался дома съ мамой; я съ папой пріѣхала къ мамѣ крестной на елку. Я боялась, что мнѣ будетъ скучно, и неохотно поѣхала.

— Не дадимъ тебѣ скучать! — сказала Оля, — скоро обѣдъ, а тамъ и елку зажгутъ... ахъ, я не могу дождаться ея! Что-то мнѣ бабушка подаритъ? Я знаю, и для тебя навѣрное есть подарокъ. Что бы ты хотѣла?

— Кукольный комодикъ и шкафикъ для платья; у меня есть шкафъ, да очень маленькой...

— Обѣдать, обѣдать! — закричала вѣтая въ комнату, Марфенька.

Обѣдъ казался дѣтямъ нескончаемо долгимъ, почти никто не дотронулся до него. Дѣдушка подтрунивалъ надъ особенно любопытными, дразня ихъ, что имъ ничего не дадутъ. Послѣ обѣда дѣтей пріодѣли и заперли въ большую, полутемную гостиную.

Часы пробили семь. Съ послѣднимъ ударомъ, запертыя двери залы открылись, и глазамъ восхищенныхъ дѣтей предстала ослѣпительная, снизу до верху залитая огнями и увѣшанная сластями, елка. Шумно ворвались въ залу дѣти и въ мигъ окружили большіе столы съ подарками. На каждой игрушкѣ, на каждой книжкѣ, было написано, кому она назначена. Никого не забыли, здѣсь также были подарки для дворовыхъ и деревенскихъ дѣтей.

И удивительно! Каждый получилъ именно то, что онъ желалъ: Оля, къ своему большому удовольствію, получила три комнаты съ мебелью для своихъ куколъ; Марфа—умывальникъ и рыжую собаку; Варя большую, нарядную куклу, а Вѣра—комодъ и шкафъ.

Обобразвъ столы и елку, дѣти принялись плясать и затѣживать игры. Въ девять часовъ ихъ, какъ большихъ, угощали конфектами, фруктами и чаемъ. Дѣти веселились отъ души, даже робкая Марфуша чувствовала себя хорошо и болтала безъ умолку.

Вѣра и Оля къ концу вечера окончательно подружились, онъ больше сидѣли у окна и рассказывали другъ другу про себя и своихъ, и имъ казалось, что онъ всегда были знакомы и дружны, Варенька съ Липочкой Меньшовой посмѣивались надъ Олиной дружбой къ Вѣрѣ, но Оля не обращала на нихъ никакого вниманія.

Двѣ недѣли, проведенныхыхъ у бабушки, промелькнули, какъ сонъ. Горленко собрались обратно домой, собрался и Нилинъ съ дочкой. Мать Оли пригласила Вѣрочку на лѣто къ себѣ на хуторъ, и отецъ обѣщалъ отпустить ее. Это немножко утѣшило дѣвочекъ, хотя обѣ при прощаніи проливали горькія слезы.

IV.

Послѣ Рождества время какъ то скорѣе идетъ; не успѣли оглянуться, какъ насталъ Великій посты.

Въ Малороссіи тепло, снѣгъ тамъ быстро таетъ и, когда у насъ поля еще покрыты толстымъ покровомъ, тамъ уже зеленѣетъ травка, распускаются почки и поютъ птицы.

Послѣ Пасхи Оля стала дожидаться подруги, которая и не замедлила прїѣхать. Родители Вѣрочки были небогатые люди и не могли ъѣхать на дачу съ дѣтьми; тѣмъ охотнѣе прислали они дочку пользоваться чистымъ, деревенскимъ воздухомъ.

Вѣра и Оля были неразлучны. Вѣра никогда еще не жила въ деревнѣ и восхищалась всѣмъ видѣннымъ. Оля повсюду брала ее съ собою, знакомя ёе съ деревенской жизнью.

Подруги вставали рано и отправлялись въ деревню, которая лежала въ двухъ верстахъ отъ хутора.

Дорога шла черезъ бахчу; вся она была уже покрыта широкими листьями дынь и зубчатыми, темно зелеными листьями арбузовъ. Въ концѣ ея лежала разбросанно живописная малороссійская деревня. Бѣлыя хаты щеголевато глядѣли изъ вишневыхъ садиковъ, куда густая зелень привѣтливо манила отдохнуть подъ прохладную тѣнь; яблони стояли, какъ пухомъ покрытыя, и сыпали на землю розовый и бѣлый дождь лепестковъ.

— Какъ здѣсь хорошо! — восторгалась Вѣра, — не то, что у насъ въ городѣ!

— Будетъ еще лучше, когда фрукты поспѣютъ,—

вотъ сама увидишь! А когда пойдутъ жать хлѣбъ и ко-
сить сѣно, тогда на полѣ такъ хорошо, что не хочется
идти въ комнаты!—сказала Оля.

Въ деревнѣ давно уже встали, взрослые были въ
полѣ, дома остались дѣти и старухи. Всѣ знали Олю
и знали, что она не даромъ пришла.

Изъ крайней хаты выбѣжала смуглая Оксанка, съ
крохотнымъ спелененнымъ братишкой на рукахъ.

— Принесла?—спросила она у Оли, жадно глядя
на нее.

— Конечно, а ты думаешь, забыла!—отвѣтила ве-
село Оля,—на, читай только!—И дѣвочка вынула изъ
кармана старенькую книжку съ картинками.

У другой хаты Олю остановила бабушка Хивря;
Оля ей принесла сладкую булочку и немного завер-
нутаго въ бумажку чая.

Въ другомъ мѣстѣ Оля собрала кучку нечесанныхъ,
грязныхъ ребятъ, пошла съ ними на рѣчку, всѣхъ вы-
мыла и причесала своимъ гребнемъ.

— Ты не повѣришь, какъ много дѣла у меня бы-
ваетъ! Я въ длинный, лѣтній день не все успѣваю
сдѣлать,—сказала Оля.

И Вѣра дѣйствительно видѣла, какъ занята ея по-
друга.

Каждый день ходили онѣ въ деревню, гдѣ у Оли
постоянно были дѣла, а послѣ завтрака она занималась
съ Марфушей, которую учила всему тому, что сама
знала.

Кромѣ того она много сама училась, такъ какъ къ
осени готовилась поступить въ гимназію, но не смотря
на это, у дѣтей оставалось достаточно свободного вре-
мени на игры и прогулки.

Варя рѣдко ходила съ ними, къ ней прѣхала Липочка, и онѣ цѣлыми днями гуляли однѣ.

— Сегодня я поѣду въ степь ночевать, чтобы быть на первомъ сѣнокосѣ,—сказалъ однажды за обѣдомъ Илья Ивановичъ.

— Папочка, возьми насы!—пристали къ нему дѣти.

— Ну что вы будете тамъ дѣлать? Соскучитесь! Вѣдь я раньше завтрашняго вечера назадъ не вернусь. Да гдѣ вы тамъ спать будете?

— Ахъ, папочка, возьми только, мы отлично устроимся и право не соскучимся,—просили дѣвочки.

— Возьми ихъ въ самомъ дѣлѣ,—сказала мать,— я вамъ дамъ съ собою пледы, платки, подушки, даже двухъ дѣвушекъ пошлю съ вами.

— Пожалуй, отвѣтилъ отецъ,—только смотрите, не мѣшайте ни мнѣ, ни людямъ.

Для дѣтей эта поѣздка была такой неожиданной радостью, что имъ даже не вѣрилось, что ихъ возьмутъ.

Оля съ Вѣрой влѣзли въ тарантасъ, когда еще лошадей не впряжены, и ни на какія увѣщанія не соглашались вылѣзть оттуда, пока не убѣдились, что поѣдетъ еще одна линейка и всѣмъ хватитъ мѣста.

Послѣ чаю дѣти, забравъ провизію по крайней мѣрѣ на недѣлю, поѣхали на сѣнокосъ.

Только они выѣхали изъ деревни и миновали поля, какъ глазамъ ихъ открылась безграницная, колыхающаяся, какъ море, степь, съ безконечнымъ ковромъ цветовъ. Цѣлыми семьями размѣстились въ яркой зелени: полевой горошекъ, медовая кашка, бѣлѣли одуванчики, пестрѣла гвоздика, кое-гдѣ нѣжно выглядывалъ голубой глазокъ незабудки, желтѣлъ подмареникъ, синѣла вероника и красовалась „Иванъ-да-Марья“.

Насѣкомыя, треща и свистя на всѣ лады, перелетали съ мѣста на мѣсто.

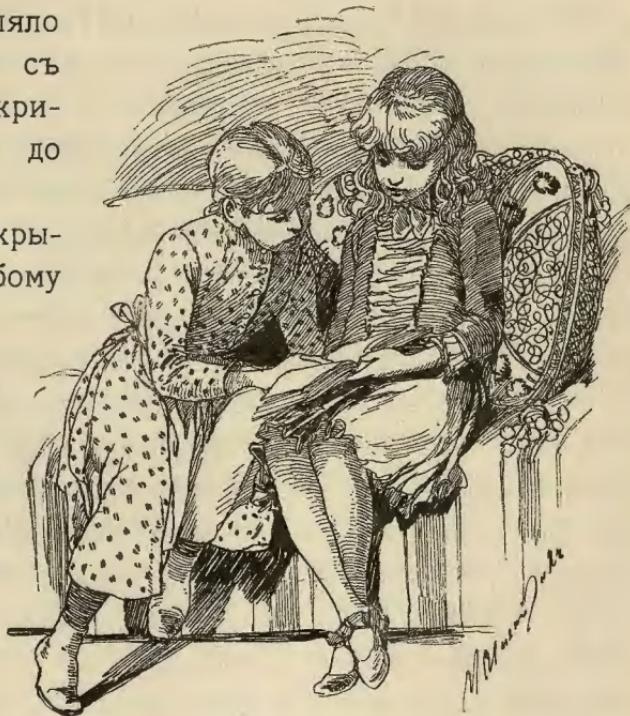
Вереницы птицъ торопливо подымались изъ травы и длинными линіями тянулись домой на ночлегъ.

Дѣти вышли изъ тарантаса и побѣжали въ запуски. Высокая трава, сплетаясь подъ ногами, мѣшала бѣгу, спугнутые перепела боязливо, съ пискомъ, выбѣгали изъ-подъ корней. Все это забавляло дѣвочекъ; онѣ съ хохотомъ и крикомъ бѣгали до усталости.

Солнце скрылось. По голубому небу растянулись розово-бѣлые, легкія облака; ласточки летали зигзагами и на лету ловили мошекъ. Осторожно обнюхивая воздухъ, прискакалъ косой зайка на ночлегъ подъ душистый коверъ. Крадучись по его слѣдамъ, забралась туда и рыженькая кума-лиса.

Начало темнѣть, когда тарантасъ подѣхалъ къ сборному пункту косарей.

Вѣра даже въ ладоши захлопала, такъ поразилъ ее

видъ окружающаго. Человѣкъ полтораста хохловъ, въ бѣлыхъ рубахъ, размѣстились на большомъ пространствѣ. Кто варилъ себѣ ужинъ, кто пѣлъ пѣсню, кто, уже поужинавши, разлегся во всю длину, лицемъ къ верху.

Илья Ивановичъ пошелъ къ рабочимъ. Дѣвочки съ помощью горничной, принялись раскладывать платки и пледы, устраиваясь на ночлегъ.

Вскорѣ вся степь потемнѣла, на горизонтѣ, за рѣчкой, показался громадный красный мѣсяцъ; онъ быстро подымался, блѣднѣлъ, уменьшался, остановился надъ степью и точно зачаровалъ ее: вся даль, рѣдкія деревья, трава—все приняло какія то фантастическія очертанія, воздухъ казался наполненнымъ таинственной, серебристой мглой, прозрачныя тѣни расположились и легли по степи, рѣчка переливала и искрилась серебромъ. Люди уснули, чтобы съ восходомъ солнца приняться за работы.

Вѣрѣ и Оль не спалось: онѣ смотрѣли на то, что творилось кругомъ. Другая жизнь, другое движеніе закипѣли вокругъ нихъ. Тысячи свѣтляковъ, какъ блуждающіе огни, разсыпались по травѣ; мыши, суслики и ночные птицы зашевелились и вышли на охоту. Цвѣты и трава благоухали, насѣкомыя жужжали и трубили, точно сзываю весь міръ на веселье. Откуда-то издали доносилась отрывистая, звучная пѣснь соловья...

Черезъ нѣсколько часовъ повѣяло прохладой, трава покрылась обильной росой, небо стало свѣтлѣть, звѣздочки медленно гасли; на востокѣ показались первые проблески зари. Издали поднялся бѣлый туманъ, разстиляясь по мокрой травѣ. Заря все больше разгоралась, вотъ исчезла послѣдняя звѣздочка, брызнули веселые солнечные лучи, мокрая зелень заискрилась...

Косари встали, перекрестились на востокъ и, отточивъ безъ того острыя, блестящія на солнцѣ, косы, съ молитвою принялись косить.

Правильными рядами ложилась влажная трава, испуская нѣжный ароматъ.

Дѣти вскочили и побѣжали къ сосѣдней рѣчкѣ купаться. Весело брызгались они студеной водой, бросали другъ въ друга комья рѣчного, желтаго песку и придумывали другія забавы.

Послѣ купанья они валялись въ свѣже-скошенномъ сѣнѣ, сами варили себѣ завтракъ и не замѣтили, какъ приблизился вечеръ и нужно былоѣхать домой.

Вскорѣ послѣ сѣнокоса принялись за жатву. Поле начиналось сейчасъ за хуторомъ, и дѣти могли туда бѣгать, сколько имъ хотѣлось. Вѣра съ наслажденiemъ смотрѣла, какъ подъ сильными взмахами серпа падали золотые колосья, какъ ловко жницы связывали ихъ въ тяжелые снопы, которые складывали въ ровныя скирды.

Однажды утромъ дѣвочки были разбужены необыкновеннымъ шумомъ; Вѣра съ Олей проснулись первыя и, быстро одѣвшись, выскочили на улицу. Народъ, кто со сковородой, кто съ ведромъ, кто съ кочергой, бѣжалъ въ поле, производя своими инструментами невобразимый шумъ и гамъ. Нѣкоторые наскоро раскладывали костры.

Дѣвочки бѣжали за толпой; дойдя до околицы, онѣ въ испугѣ остановились; надъ большимъ, еще не сжатымъ, полемъ колыхалась густая, какъ ночь, черная туча. Народъ махалъ платками, кричалъ, раздувалъ костры, но туча не улетала, а, волнуясь, стояла надъ желтой нивой.

— Боже мой! да вѣдь это саранча! — сказала дрог-

нувшимъ голосомъ Оля подругъ. Знаешь, если ее не испугаютъ и она опустится надъ рожью, то черезъ десять минутъ отъ цвѣтущей нивы не останется и слѣда. Эти ужасныя наскѣкомыя все пожрутъ; да этого мало: они положать въ землю яички, изъ которыхъ выйдетъ несмѣтное количество личинокъ, а тѣ полчищами отправятся въ сады и огороды! Господи, пронеси эту бѣду!—прибавила Оля, набожно крестясь.

Къ счастью саранча, испугалась ли шума и огня, или по другой причинѣ, темной тучей понеслась дальше.

Мужики вернулись въ деревню, радуясь, что этотъ бичъ сельского хозяйства миновалъ ихъ.

* * *

Наступилъ и Августъ; дѣтямъ теперь приходилось больше учиться, и потому прогулки уменьшились.

Оля и Вѣра очень много занимались, онѣ обѣ готовились поступить въ первый классъ гимназіи и, хотя были отлично подготовлены, всетаки не довѣряли своимъ познаніямъ.

Варя была старше Оли на годъ, ей уже минуло десять лѣтъ, но она тоже поступала въ одинъ классъ съ сестрой.

Варя была очень способная дѣвочка, все сразу могла запоминать и потому не очень много занималась; она знала гораздо меньше сестры, хотя увѣряла всѣхъ и себя, что ей ничего не стоитъ выдержать экзаменъ, что она знаетъ гораздо больше, чѣмъ требуется по программѣ.

— Ты бы, Варенька, посмотрѣла, какъ слѣдуетъ, нѣмецкіе переводы!—говорила гувернантка.

— Ну вотъ! Не знаю я, что мнѣ надо! Вѣдь я не

Оля, чтобы зубрить съ утра до вечера!—отвѣчала она самоувѣренно.

— Охота тебѣ, Оля, торчать надѣ книжками! Неужели ты сразу не можешь всего запомнить?—спрашивала она насмѣшливо у сестры.

— Нѣтъ, Варя, я многаго еще не знаю и не могу сразу всего запомнить, какъ ты,—отвѣчала Оля.

— Удивляюсь, какъ вамъ не надоѣсть сидѣть въ комнатѣ, когда на дворѣ такъ прелестно!—подзадарила она сидящихъ за книжками подругъ.

— Скоро, Варя, экзамены. Хорошо, ты все помнишь, а намъ страшно,—сказала Вѣра.

На дворѣ, дѣйствительно, было прелестно. Погода стояла такая роскошная, какая только возможна въ томъ благодатномъ краѣ. Деревья гнулись подъ тяжестью грушъ, яблоковъ и другихъ фруктовъ. Ягоды кистями нагибались къ землѣ, на бахчѣ темнѣпи громадные арбузы и ароматныя дыни.

Подруги тоже иногда оставляли книжки раньше времени и отправлялись въ садъ отвѣдать того или другого.

Въ одно воскресеніе дѣвочки пошли въ деревню; Оля по дорогѣ зашла къ старику, караулившему бахчу, Вѣра съ корзиночкой провизіи пошла прямо въ деревню, куда Оля обѣщала придти черезъ часъ.

Вѣра привыкла къ деревенской свободѣ, ее больше не страшило идти одной полемъ. Она храбро шла впередъ, думая о своей дѣятельной подругѣ Олѣ, которую всѣ называли „волшебница Оля“.

Вскорѣ показались бѣлыя хатки деревни, Вѣра ускорила шаги.. вотъ прошла она уютный, деревенскій погостъ, съ покривившимися, деревянными кре-

стами, минула церковь и очутилась передъ крайней Оксаниной избой.

Вѣра открыла дверь, чтобы войти туда, но вдругъ въ ужасѣ отскочила: то, что она увидѣла, могло устрашить хоть кого. Трое маленькихъ ребятъ сидѣли на глиняномъ полу и ложками хлебали изъ деревянной миски какое-то варево. Около дѣтей ползала довольно большая сѣрая змѣя; она подымала голову и жадно смотрѣла на обѣдающую компанію. Петко, младшій мальчикъ, отъ поры до времени ударялъ ее ложкою.

При видѣ этого Вѣра вся задрожала и безсильно опустилась на землю, не будучи въ состояніи ни звать на помощь, ни войти туда самой.

— Барышня, что вы тутъ сидите, зайдите къ намъ,— услышала она голосъ Оксаны, вышедшей изъ огорода съ ведромъ, наполненнымъ овощами.

— Ахъ, бѣги скорѣе! скорѣе! — закричала Вѣра,— у васъ страшно... дѣти тамъ одни...

Оксана кинула ведро и стремглавъ бросилась къ хатѣ, Вѣра поплелась со страхомъ за нею.

— Ха-ха-ха! — раздался серебристый смѣхъ Оксаны.— Я думала, Богъ вѣсть что, а это ужъ; развѣ вы боитесь ужей? Вѣдь это самый ласковый гадъ, онъ добрый. Плохой тотъ домъ, куда ужъ не заползаетъ. Да зайдите, барышня, онъ вамъ ничего не сдѣлаетъ,—сказала дѣвочка.

— Нѣтъ—закричала Вѣра,— я не зайду, пока эта гадкая змѣя тамъ!

— Ничего она вамъ не сдѣлаетъ, но, коли боитесь, такъ я ее выброшу; — и Оксана схватила ужа руками и выбросила изъ окна въ огородъ.

Тогда только Вѣра, и то съ опаской, вошла въ хату.

— И много тутъ у васъ этой гадости? — спросила она.

— Совсѣмъ ужи не гадость, они водятся у насъ на лугахъ, гдѣ низко и топко, и любятъ заползать въ хаты: иной даже въ люльку къ малышу залѣзть и то не тронетъ; — отвѣтила Оксана. Вотъ гадюка — это дѣло другое; та ядовита и опасна, а ужъ нѣтъ.

Какъ Оля ни увѣряла потомъ подругу, что ужи въ Малороссіи такъ обыкновенны и безвредны, что даже дѣти ихъ не боятся, но Вѣра не могла преодолѣть своего отвращенія къ нимъ и ни за что не рѣшалась глядѣть на нихъ.

V.

Ну, дѣточки, на будущей недѣлѣ въ городъ, — сказала разъ мама за чаемъ.

— Очень рада, — отвѣтила Варя.

— А я боюсь, — сказала Оля; Вѣра сочувственно покачала головой.

— Бойся, бойся, дочка, — засмѣялся папа, — тамъ всѣмъ вамъ зададутъ за лѣнъ, начнутъ съ Вари и кончатъ Вѣрой.

— Я-то, положимъ не боюсь, — обидѣлась Варя, — я все знаю, что нужно!

— Увидимъ, — сказалъ папа.

Прошла недѣля; съ деревьевъ сняли фрукты, бахчи желтѣли одними листьями, арбузы были давно увезены въ городъ, опустѣлъ и хуторъ.

Горленко перебрались въ городъ, гдѣ находилась гимназія и гдѣ они устроились на всю зиму.

Вѣра жила теперь дома у своихъ родителей. Квар-

тиры Нилиныхъ и Горленко находились близко другъ отъ друга, и дѣти ежедневно видѣлись.

Насталъ наконецъ и давно ожидаемый день экзамена. Оля ходила серьезная, она боялась за себя. Варя же беспечно, какъ всегда, посмѣивалась надъ сестрой и обѣщала подсказать ей въ случаѣ нужды.

— Подсказывай сама себѣ,—проворчала няня, сердито взглянувъ на нее; старушка всегда сердилась, когда Варя начинала хвастать своими преимуществами надъ Олей.

Съ трепетомъ вошли обѣ дѣвочки въ большую, наполненную дѣтьми, залу: тутъ были дѣвочки всѣхъ возрастовъ, начиная съ семи до восемнадцати лѣтъ, на стульяхъ сидѣло много дамъ, пришедшихъ съ дѣтьми. Учителя во фракахъ и учительницы въ синихъ платьяхъ проходили черезъ залу.

Къ Олѣ и Варѣ подошла молоденькая классная дама и, спросивъ, въ какой классъ онѣ хотятъ поступить, повела ихъ по лѣстницѣ наверхъ, гдѣ экзаменовались первоклассницы.

Когда Оля вошла въ классную, то увидала у большой, черной доски красную, какъ піонъ, Вѣрочку; она рѣшала задачу и говорила вслухъ, какъ она ее дѣлаетъ, учительница одобрительно кивала головой.

Послѣ Вѣры вызвали еще двухъ — трехъ дѣвочекъ и очередь дошла до Вари съ Олей.

Страхъ Оли оказался совершенно напраснымъ: она безъ запинки отвѣчала на всѣ вопросы и блестательно выдержала экзаменъ. Варя оказалась подготовленной гораздо хуже, чѣмъ сестра, и была только съ тѣмъ условіемъ принята, что должна будетъ въ продолженіи года хорошо заниматься.

Занятія начинались со слѣдующей недѣли; въ эти

нѣсколько дней у дѣтей было много хлопотъ. Они ъздили покупать себѣ книги и тетради, примѣрять новыя коричневыя платья и т. п.

Въ тотъ классъ, куда поступили сестры и Вѣрочка, поступила также Липочка Меньшова. Съ первыхъ дней подруги раздѣлились: Оля ходила съ Вѣрой, Липочка съ Варей. Варя по прежнему не хорошо училась, была разсѣяна и очень высокаго мнѣнія о себѣ.

Оля же и въ гимназіи, какъ дома и въ деревнѣ, сдѣлалась, благодаря своему ласковому, милому обращенію, общей любимицей.

Маленькия часто обращались къ ней то съ тѣмъ, то съ другимъ, она охотно помогала имъ и показывала, какъ надо заучить или написать заданное.

Кромѣ Вѣры Оля особенно подружилась еще съ одной дѣвочкой-одноклассницей, Зиночкой Ивановой.

Зиночка осталась на второй годъ въ первомъ классѣ, и, не смотря на это, училась дурно.

Оль сразу понравилась скромная, тихенькая Иванова, и она мало по малу подружилась съ ней.

— Отчего ты, Зиночка, сегодня опять не знаешь урока? — спросила однажды Оля у подруги послѣ того, какъ ей поставили неудовлетворительную отмѣтку.

— Ахъ, Оля, мнѣ такъ трудно учиться, я не могу ничего запомнить, да и некогда — отвѣтила она со слезами.

— Отчего?

— Мама больна, папа приходитъ съ должности поздно, дѣти почти безъ присмотра... Когда я прихожу домой, то не знаю, за что раньше взяться: привести ли комнаты, помочь ли мамѣ, или играть съ дѣтьми. Какое ужъ тутъ ученье! Другой разъ я и книжки не открываю. Папа сказалъ, что если бы онъ

не заплатилъ за меня, то совсѣмъ не пустилъ бы въ гимназію.

— Развѣ у васъ нѣкому все это сдѣлать безъ тебя? Развѣ у васъ нѣтъ служанки? — спросила съ удивленіемъ Оля.

— Конечно, нѣтъ: у насъ нѣтъ на это денегъ, мой папа получаетъ небольшое жалованье, а у мамы немного работы.

— Милая Зиничка! — сказала Оля, обнявъ подругу. — Погоди, я скажу моей мамѣ, она что-нибудь придумаетъ хорошее. Ты не будешь больше такъ трудиться...

Звонокъ прервалъ бесѣду друзей. Вечеромъ Оля приласкалась къ матери и, гладя ея волосы, съ волненіемъ передала свой разговоръ съ Зиной.

— Не правда ли, мамочка-душечка, ты имъ поможешь, ты такая добрая и умная! — говорила она, заглядывая мамѣ въ глаза.

— Непремѣнно, дѣвочка, надо имъ помочь, — отвѣтила мать, — я сдѣлаю, что могу, мнѣ самой жаль твою маленькую подругу.

Черезъ нѣсколькоъ дней Александра Михайловна со сверткомъ матеріи отправилась на квартиру къ Ивановымъ. Ей открыла дверь мать Зины, молодая, но болѣзnenная дама.

— Я слышала отъ моей дочки, что вы портниха, у меня много работы и я рада отдать ее скорѣе.

— Да я шью, но скоро не могу окончить платья, я почти всегда нездорова, — отвѣтила госпожа Иванова.

— Это все равно; мнѣ не къ спѣху.

— Что же мы стоимъ въ передней! — спохватилась госпожа Иванова, — пожалуйста, войдите.

Гостья вошла въ чистенькую, свѣтлую, хотя бѣд-

ную комнатку; двое мальчиковъ играли на полу; при видѣ незнакомки они убѣжали въ другую комнату и робко выглядывали оттуда.

Съ этого дня Оля, то съ мамой, то съ Вѣрой часто ходила къ Зинѣ или звала ее къ себѣ. Александра Михайловна рекомендовала всѣмъ знакомымъ свою но-

вую портниху, и вскорѣ у Зининой мамы набралось столько работы, что она могла взять двухъ мастерицъ и была даже въ состояніи нанять служанку для домашнихъ работъ и присмотра за дѣтьми. Оля торжествовала, — ей было такъ пріятно видѣть Зину веселенько и слышать, какъ та бойко и твердо отвѣчаетъ уроки.

Когда наступило Рождество, дѣти были рады отдыку, а еще больше пріѣзду Трифона, который явился за ними.

Опять оживилась Немиловка. Гостей наѣхало видимо-невидимо, между ними виднѣлось и розовое лицо Зины, пріѣхавшей съ семействомъ Горленко.

Елка прошла также весело и шумно, какъ въ прошломъ году, но на другой день Людмила Петровна почувствовала себя не совсѣмъ здоровой и принуждена была лечь въ постель.

Оля, какъ и всегда, забыла о себѣ и цѣлый день ухаживала за больной старушкой; никто лучше ея не умѣлъ поправить подушки, подать лекарство и успокоить бабушку.

Когда бабушкѣ сдѣлалось легче, то Оля, сидя возлѣ постели, рассказывала ей про гимназію и подругъ, или что-нибудь изъ прочитанного.

Старушка не скучала въ обществѣ Оли и, когда поправилась, то всѣмъ говорила, что ее вылѣчила „маленькая, добрая волшебница“, какъ она звала внучку.

Послѣ праздниковъ бабушка съ Олей, Варей, Вѣрой и Зиной отправилась въ городъ, гдѣ дѣтей уже ждали занятія въ гимназіи; поѣхала съ ними и Марфуша, которая училась у Зининой мамы шитью.

* * *

Годы шли за годами, дѣти подростали, вмѣстѣ съ этимъ крѣпла и дружба ихъ.

Вѣра и Зина каждое лѣто гостили у Горленко на хуторѣ. Варя бросила свою манеру осмѣивать другихъ и стала хорошей, ласковой дѣвочкой, а за Олей такъ и осталось название „доброй волшебницы“, за ея любовь къ близкимъ и умѣнье быть всѣмъ полезной.

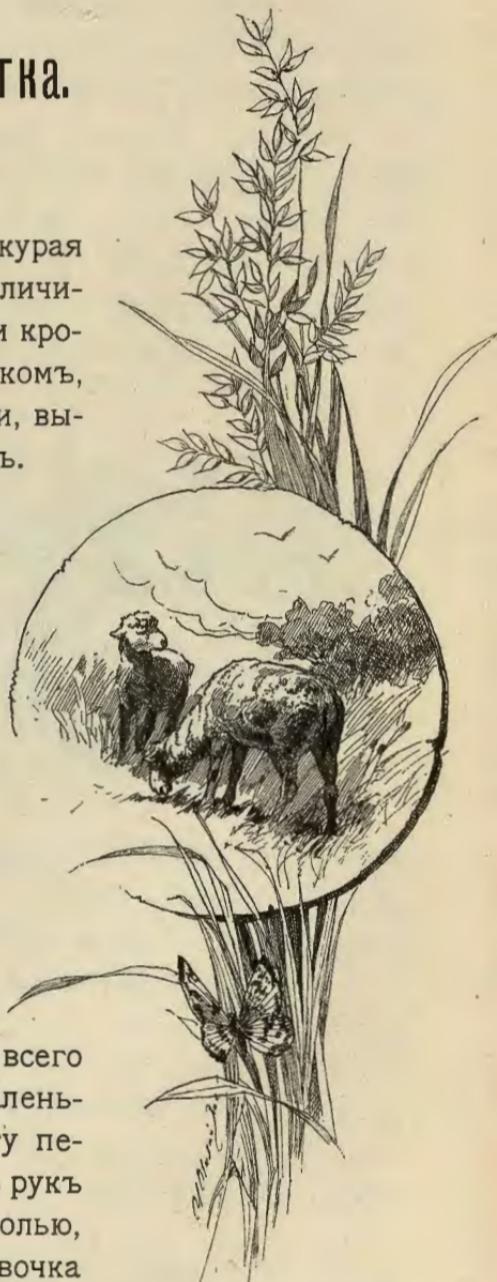
Родина носового платка.

I.

Лиля хорошенькая, бѣлокурая дѣвочка, съ румянымъ лицомъ, синими глазками и крошечнымъ пунцовыемъ ротикомъ, изъ котораго, какъ жемчужинки, выглядываютъ два ряда зубочковъ.

У Лили есть двѣ куклы Маруся и Рая, комодъ съ кукольными вещами, маленький столикъ, два стула и шкафъ съ двумя сервизами: однимъ чайнымъ, другимъ обѣденнымъ. Лиля заботится и ухаживаетъ за своими куклами-дѣтьми, какъ настоящая мать.

Однажды дѣвочка поѣхала къ своей тетѣ въ деревню. У тети было большое хозяйство: утки, куры, коровы, козы и лошади, но Лилѣ больше всего нравились три бѣленькихъ маленькихъ баражка, пасшихся на лугу передъ домомъ. Они ъли у нея изъ рукъ ломтики чернаго хлѣба съ солью, булку и даже травку. Разъ дѣвочка дала имъ сахару, но они не ъли его.

Лиля прожила въ деревнѣ цѣлое лѣто; барашки у нея на глазахъ выросли, ихъ мелкая шерсть отросла въ длинныя завитушки, копытца окрѣпли и на лобикѣ появились два рожка.

Въ одинъ осенний день, когда Лиля, по обыкновенію, вышла на лугъ кормить своихъ любимцевъ, она увидѣла, какъ работникъ загналъ ихъ въ сарай и, поваливъ одного на большой столъ, началъ громадными ножницами стричь курчавую, бѣлую шерсть, которая такъ шла къ овечкамъ. „Зачѣмъ обезображиваютъ ихъ?“

думала Лиля. „Къ чему людямъ нужна шерсть? Оставалась бы она на овцахъ! А тутъ еще къ зимѣ стригутъ, какъ разъ, когда имъ нужна пушистая шубка“.

Когда Лиля уѣхала обратно въ городъ, то просила тетю беречь ея питомцевъ и больше не позволять стричь бѣдняжекъ. Она не знала, что раньше чѣмъ настанутъ морозы, у овечекъ выростетъ другая, шерсть, болѣе теплая, чѣмъ была лѣтомъ.

— На что годится шерсть? Что сдѣлаютъ изъ нея? — задавала она себѣ вопросъ...

А съ шерстью вотъ что случилось: послѣ стрижки ее вымыли въ теплой водѣ съ мыломъ и щелокомъ, высушили, руками растрепали, чтобы не оставалось спутанныхъ комочковъ, гребнемъ расчесали всѣ волокна и стали прядь изъ нихъ длинную, тонкую нитку. Нитку отдали на фабрику, тамъ ее на ткацкомъ станкѣ со-

ткали въ тонкую, нѣжную шерстяную матерію, которую окрасили въ голубую краску и продали въ магазинъ, а изъ оставшихся нитокъ связали пару красивыхъ дѣтскихъ чулочекъ и также выставили въ магазинномъ окнѣ на продажу.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ наступило Лилино рожденіе.

Мама купила ей въ подарокъ голубой материі на платье, той самой, которую сдѣлали изъ овечьей шерсти, пару бѣленъкихъ шерстяныхъ чулочковъ и преображеній носовой платочекъ. Ко дню рожденія портниха сшила изъ материі платье для Лили, съ кружевами и лентами.

Поздно вечеромъ, когда Лиленька уже спала, мама накрыла ночной столикъ бѣлой скатертью, положила на него платьице, чулочки и цвѣтной, съ каемочкой носовой платокъ, подвинула столикъ къ постели, чтобы дочка, какъ только откроетъ глазки, увидѣла сейчасъ свои подарки.

Рядомъ съ Лилиной кроваткой стояла кроватка маленькаго братца ея, Жоржика; онъ былъ большой шалунъ и неряха: никого не слушался и не убиралъ своихъ вещей, а разбрасывалъ ихъ, какъ попало, чтобы другіе убирали. Такъ было и теперь; прия днемъ съ прогулки, онъ бросилъ на диванъ въ дѣтской свой новенький овчинный тулупчикъ, няня забыла убрать его, и онъ остался лежать.

Тихо въ дѣтской, лампадка бросаетъ слабый свѣтъ на спящихъ дѣтей и на окружающіе предметы.

— Мэ-мэ-мэ, здравствуйте, друзья мои,—раздалось совсѣмъ тихо съ того мѣста, гдѣ лежалъ тулупъ Жоржика.

— Здравствуйте, здравствуйте!—отвѣтило платьице,

шелестя ленточками, — скажите, пожалуйста, откуда вы нась знаете! Я что-то васъ совсѣмъ не могу припомнить.

— Не мудрено, сударыня! Трудненько узнать меня въ этомъ дурацкомъ тулупѣ, хотя гораздо легче, чѣмъ васъ.

— Кто же вы такой? — спросили чулочки.

— Развѣ не узнаете барашка Бижо, который пасся на деревенскомъ лугу?

— Ахъ, неужели это ты, черненький, кудрявый Бижо, любимая овечка всего стада? Какъ же ты превратился изъ веселаго скакунчика въ тулупъ? — спросили Лилины подарки.

— Долго рассказывать... Я собственно не Бижо, а только его шкурка, все равно, какъ вы не овечки, а только ихъ шерсть.

— Однажды Бижо ушибся и, недолго прохворавъ, умеръ; съ него сняли шкуру, т. е. меня, просушили ее, вымочили, вымыли, опять просушили, растинали, всячески обработали, сшили меня съ другими шкурками и наконецъ я сдѣлалась годной для платья. Тогда изъ меня скроили дѣтскій тулупчикъ и выставили въ магазинѣ, гдѣ и купила меня Жоржина мама.

— По правдѣ говоря, я очень недоволенъ своимъ хозяиномъ: онъ бросаетъ меня, какъ тряпку, благодаря чему я старѣюсь не по днямъ, а по часамъ.

— Такъ вотъ гдѣ намъ пришлось увидѣться! — сказали изъ-подъ постели Лилины сапожки, — кто изъ нась думалъ принять такой видъ? И какимъ только перемѣнамъ не подвергали нась, пока не сдѣлались тѣмъ, чѣмъ мы теперь! Я думаю, въ нась нельзя узнать козла Ваську, того самаго, надъ которымъ вы всѣ смѣялись!

— Ты Васька!! тотъ самый, который жилъ въ ко-
нюшнѣ?

— А то, кто же? Убила лошадь Ваську, сняли съ
него шкуру и сдѣлали изъ нея сапоги.

— Вы правду говорите, что растете на живыхъ
овцахъ?—прокартавилъ носовой платочекъ,—я думаю,
вы шутите.

— Какія тутъ, милый, шутки! На чёмъ же намъ
расти? Не на деревѣ, я полагаю.

— Отчего не на деревѣ? Я вотъ выросъ на хлоп-
чатомъ кустикѣ.

— Гдѣ же это такія чудеса происходятъ?—спро-
сило платье.

— Я выросъ въ Америкѣ. Насъ было такъ много
на полѣ или, какъ тамъ называютъ, на плантаціи, что
все оно казалось покрытымъ снѣжными хлопьями.

Солнце тамъ жгетъ сильно, зимы совсѣмъ нѣтъ, и
мы почти круглый годъ даемъ бѣлый цвѣтъ, въ родѣ
хлопьевъ ваты. Насъ собираютъ въ корзины черные
люди, моютъ, треплютъ, чешутъ, прядутъ и ткутъ,
послѣ чего мы гуляемъ по свѣту платками, каленкорами
и ситцами.

— Что ты тамъ сказалъ про черныхъ людей? Не
мели глупостей! Такихъ нѣтъ,—пробасилъ пустой гра-
финъ.

— Какъ же нѣтъ, когда я въ дѣтствѣ никогда не
видаль другого лица, кромѣ чернаго лица негра! Трудно
живется негру, очень трудно,—простональ платокъ;—
повѣрьте, другой разъ и заплакалъ бы, еслибы у
цвѣтка были слезы.

На плантаціи работали человѣкъ триста мужчинъ и
женщинъ, всѣ они принадлежали одному жестокому хо-

зяину, мистеру Джонсону. Онъ самъ жилъ въ чудномъ домѣ, среди апельсиновыхъ и пальмовыхъ деревьевъ, ълъ и пиль хорошо, негры же, его жили въ ветхихъ лачужкахъ, полунаагіе и голодные.

Съ утра до вечера работали они; не разгибая спины, подъ палящими лучами южнаго солнца и жестокими ударами кнута злого плантатора. Непосильная работа и побои губили ихъ массами, но хозяинъ этимъ не смущался: въ крайнемъ случаѣ онъ покупалъ новыхъ рабовъ.

На нашей плантациі, какъ разъ на краю деревни, гдѣ я росъ, жила въ полуразвалившейся мазанкѣ цѣлая семья: Квимбо, его жена Менди и шестилѣтняя дочурка ихъ, Дина. Она, правда, была черна, какъ вакса, но у ней были дивные глаза, красныя губки и бѣлые, какъ слоновая кость, зубы; она, точно птичка небесная, распѣвала съ утра до вечера и была истиннымъ ангеломъ для всей деревни. Даже угрюмое лицо хозяина озарялось улыбкой, когда взглядъ его встрѣчался съ добрымъ взглядомъ крошки Дины.

Дина умѣла пѣть и танцевать, притомъ она была добрая, хорошенъкая и веселая дѣвочка; отецъ и мать души въ ней не чаяли.

Однажды къ плантатору прїѣхали гости. Дина, по обыкновенію, должна была пойти въ господскій домъ пѣть и плясать передъ гостями. Милая дѣвочка понравилась одной барынѣ, которая, во что бы то ни стало, хотѣла ее пріобрѣсти. Она предложила мистеру Джонсону большія деньги за ребенка, но тотъ и слышать не хотѣлъ. Его отказъ еще больше раздразнилъ барыню, она стала набавлять цѣну и дошла до такой цифры, что жадный человѣкъ не устоялъ

и продалъ ребенка за нѣсколько сотъ верстъ отъ родины.

Динѣ не дали проститься съ родителями и въ тотъ же вечеръ новая ея госпожа уѣхала съ ней къ себѣ въ помѣстье. Я не могу описать вамъ ужаса и отчаянія Квимбо и Менди, когда они узнали о безчеловѣчномъ поступкѣ плантатора. Квимбо въ одинъ день состарился, сгорбился и ходилъ, какъ въ бреду. Менди же наоборотъ: казалось, горе придало новыя силы, новую энергию, у ней даже хватило присутствія духа весь день работать на плантаціи, но негры, знавшіе ее, видѣли по ея дико блуждающимъ глазамъ, сжатымъ губамъ и дрожанію рукъ, что она задумала что-то страшное.

Въ этотъ день удары кнута сыпались обильнѣе, такъ какъ всѣ, отъ мала до велика, ходили, какъ въ туманѣ. Случалось и раньше, хозяинъ продавалъ своихъ рабовъ, но никогда жестокость его не принимала такихъ размѣровъ. Не сказать родителямъ, не дать имъ проститься со своимъ единственнымъ дѣтищемъ! Это казалось даже этимъ несчастнымъ, привыкшимъ ко всякаго рода бѣдствіямъ, чѣмъ то до того чудовищнымъ, что они, не остерегаясь кнута, подходили къ осиротѣвшимъ родителямъ и утѣшали ихъ, какъ могли.

Едва наступила темная, южная ночь, Менди подошла къ мужу, крѣпко поцѣловала его курчавую, черную голову и сказала ему: — „Квимбо, я иду отыскивать нашу dochь!“

Крадучись, шла она по улицѣ деревни, замирая отъ малѣйшаго шороха, пугаясь собственного біенія сердца. Вотъ минула она послѣднюю мазанку, какъ тѣнь прошмыгнула въ поле и пустилась, что есть духу, къ темнѣющей вдали рощѣ.

Ея босыя ноги едва касались почвы. Нельзя было себѣ представить, чтобы эта тщедушная, слабая на видъ, женщина могла такъ бѣжать. Видно горе, какъ и радость, придаются силы...

Всю ночь бѣжала она, какъ спугнутая серна, и только съ первыми солнечными лучами добралась она до густой, переплетенной ліанами, рощи; тутъ силы оставили ее, и она, почти безъ чувствъ, упала подъ развѣсистымъ деревомъ.

Въ то самое время, когда Менди достигла рощи, по деревнѣ раздался звукъ рога, созывающій негровъ къ работѣ. Едва выспавшись, голодные, спѣшили они изъ своихъ хижинъ съ пустыми корзинами и мѣшками. Быстро замѣтилъ хозяйскій глазъ отсутствіе Менди.

— Гдѣ лѣнтяйка запропала?—крикнулъ плантаторъ, грозно наступая на Квимбо.

— Не знаю, масса (господинъ)!—отвѣтилъ, дрожа, негръ.

— Не знаешь, негодный!—крикнуль еще громче мистеръ Джонсонъ, хватая Квимбо за шиворотъ,— не знаешь! Погоди, я развязжу тебѣ языкъ и всѣмъ вамъ, чтобы въ другой разъ лучше смотрѣли за хозяйственнымъ добромъ. Эй, отвязать собакъ и отрядить десять человѣкъ въ погоню! Смотрите же, бездѣльники, если вы вернетесь безъ Менди, то запомните, какъ ослушаться меня!

Марсъ и Квинто, два огромныхъ сильныхъ пса, специальнно обученныхъ для ловли сбѣжавшихъ негровъ, скоро были отвязаны и приведены къ Квимбиной хижинѣ. Собакамъ дали понюхать старый платокъ бѣглянки, послѣ чего они направились напрямикъ черезъ плантaciю; люди едва поспѣвали за ними. Самъ план-

таторъ шелъ во главѣ и зорко слѣдилъ за каждымъ кустикомъ.

Къ полдню они достигли рощи; собаки, заливаясь, бросились въ чащу, но лишь только чуткое ухо Менди разслышало знакомый лай, какъ она, съ быстротою кошки, вскарабкалась по сучковатому дереву и укрылась въ вѣтвяхъ. По сплетеннымъ ліанамъ и другимъ растеніямъ перебиралась она съ одного дерева на другое. Страхъ придалъ ей силы, и она, цѣпляясь, какъ бѣлка, подвигалась все дальнѣе и дальнѣе.

Попавъ въ лѣсъ, плантаторъ боялся углубляться, чтобы и другие люди не разбѣжались, лающія же у каждого дерева собаки совсѣмъ спутали его.—Мерзкія—ворчалъ онъ на нихъ; — видно вы не лучше людей, когда безъ толку лаете! Даже не умѣете находить слѣдъ; кто же, глупыя, на дерево полѣзетъ? Птицу что ли вы ищете?

Недовольный и злой на весь міръ, вернулся мистеръ Джонсонъ на плантацию; весь день онъ привязывался къ Квимбо, который дѣйствительно отъ горя не могъ работать. Про Дину онъ хоть зналъ, что она невредима и находится въ новомъ мѣстѣ, но про Менди онъ ничего не зналъ.., Гдѣ она? Что съ ней, жива ли? Плантаторъ выходилъ изъ себя, кричалъ и ругался.

Бѣдный же Квимбо отъ боязни и неизвѣстности тяжко заболѣлъ.

II.

Менди, какъ только гроза пронеслась, спустилась внизъ и, горячо поблагодаривъ Бога, пошла впередъ. Дороги она не знала, а шла наугадъ, питаюсь ягодами и кореньями. Она потеряла

счѣть днѧмъ, медленно блуждая по лѣсу. Къ счастью, это былъ не настоящій тропической лѣсъ, населенный звѣрями, изъ котораго не выберешься, а большая роща.

Проблуждавъ въ ней нѣсколько дній, Менди наконецъ выбралась на проѣзжую дорогу. Тутъ только она почувствовала всю опасность, грозящую ей. Она знала, что каждый плантаторъ охотно вернетъ ее обратно хозяину, и тогда ее забьютъ до смерти,—но не это страшило бѣдную женщину: она боялась, что тогда ей не удастся повидать свою дорогую дѣвочку, быть можетъ, уже перепроданную въ другія руки. Отъ этой мысли она вся холодѣла и, сама того не замѣчая, ускоряла шаги.

Дорога шла между табачными плантациями, на которыхъ работа еще не началась; это то и спасало бѣглянку. Раза два, три ее обгоняли негры, и когда они съ нею заговаривали, то она, стараясь принять беспечный, спокойный видъ, говорила, что идетъ домой отъ своей замужней сестры, куда хозяинъ отпустилъ ее погостить.

Спросить у кого-нибудь дорогу въ то имѣніе, гдѣ находилась Дина и куда, безъ сомнѣнія, уже дали знать обѣ ея бѣгствѣ, она не рѣшалась.

Въ одно утро Менди набрела на большую усадьбу. „А ну, какъ это та самая, гдѣ теперь находится мое сокровище, дитя мое, моя любимая дѣвочка?“ думала она, прячась за кустами, окружавшими господскій домъ. На балконѣ играли бѣлые дѣти: два старшихъ мальчика съ трудомъ продыравливали большой кокосовый орѣхъ, три маленькия дѣвочки сидѣли на коврѣ и что-то шили, недалеко отъ нихъ помѣстилась красивая, молодая женщина съ вязаньемъ въ рукахъ. „Нѣтъ,

эти не купятъ чужого ребенка, не отнимутъ безъ спросу, да и не выдадутъ меня!" проговорила почти громко Менди и шагнула прямо къ балкону.

— О, госпожа! Не прогоните несчастную мать, у которой отняли единственное дитя! — Ахъ, вѣдь моя дѣвочка тоже любить меня! Развѣ вы бы отдали хоть одного изъ вашихъ дѣтей чужимъ, злымъ людямъ? Не выдавайте меня!.. — говорила она прерывающимся голосомъ, рыдая и судорожно ломая руки.

Дама сначала сильно испугалась неожиданного появленія негритянки, но скоро оправилась и поняла, чего хочетъ эта несчастная. Дѣти придвинулись къ матери и съ жалостью смотрѣли на исхудавшую незнакомку.

— Помогите мнѣ! Посовѣтуйте, что мнѣ дѣлать, какъ отыскать дочь! — рыдала Менди.

Дама подняла Менди, посадила ее возлѣ себя и стала участливо разспрашивать обо всемъ. Не разъ плакала она во время рассказа бѣглянки, стараясь по возможности успокоить ее.

— Отдохни у меня, подкрѣпи свои силы, потомъ рѣшимъ, что дѣлать! Не бойся у насъ тебя никто не тронетъ, живи себѣ спокойно, пока что-нибудь не придумаемъ.

Измученная Менди рада была отдохнуть у добрыхъ людей и охотно согласилась на просьбу миссис Райтъ, хозяйки имѣнія, остаться у нихъ. На третій день ее позвали изъ кухни, гдѣ она помѣстилась, въ комнаты. Съ подгибающимися отъ волненія ногами вошла она къ барынѣ въ спальню.

— Я могу тебѣ сообщить добрыя вѣсти, — сказала барыня вошедшей. — Мой мужъ знаетъ, гдѣ находится

твоя Дина; ему надо быть по дѣламъ у плантаторши, гдѣ живетъ твоя дѣвочка, онъ хочетъ купить твою дочку у нея, если это будетъ возможно...

Менди не дала ей договорить, она припала къ ногамъ госпожи, покрывая ихъ поцѣлуями и слезами.

— Слушай же дальше; ну, полно, встань! Вотъ такъ, садись и слушай,—сказала госпожа Райтъ. — По нашимъ законамъ мы не вправѣ тебя держать у себя, какъ бѣглянку, но живи у насъ, пока мы не узнаемъ что-нибудь про Дину, а тамъ увидимъ, можетъ быть и тебя удастся какъ-нибудь пристроить. Теперь успокойся и жди.

Легко сказать, жди! Менди минуты казались днями, дни — недѣлями; она то тоскливо ходила по дому, то вдругъ принималась дѣятельно помогать прислугѣ убирать или стряпать.

Прошла долгая, долгая безъ конца недѣля. Ночью, когда всѣ въ домѣ спали, мистеръ Чарльзъ Райтъ вернулся изъ своей поѣздки; никто, кроме Менди, не слышалъ звука копытъ вѣзжавшей на дворъ лошади. Менди все время не спала, подкарауливая его возвращеніе, но она не смѣла ночью тревожить господина и, не смыкая глазъ, стала дожидаться дня.

Рано утромъ къ ней зашелъ баринъ. — Менди, — сказалъ онъ ей ласково, — твоей Дины нѣтъ больше на той плантациѣ, куда яѣздила, ее продали въ городъ одному английскому семейству...

— Какъ продали! — простонала несчастная, и мертвая блѣдность покрыла ея лицо, она, какъ подкошенная, опустилась на полъ, умоляя глазами, чтобы онъ продолжалъ разсказывать.

— Да, бѣдная мать, твою дочку продали за то, что она скучала, постоянно плакала и чуть не захвопала. Барынъ надоѣло возиться съ ней, и она ее продала другому семейству. Мнѣ это сама плантаторша сказала, когда я хотѣлъ купить у нея Дину. Я навель справки и узналъ, что твоей дѣвочкѣ живется сносно

и, если Богъ поможетъ, ее можно будетъ выкупить со временемъ.

Менди жадно слушала мистера Райта; когда онъ окончилъ, она съ трудомъ поднялась съ пола и, шатаясь, направилась къ воротамъ.

— Не уходи отъ насъ, женщина,—остановилъ ее

плантаторъ.—Вездѣ уже дано знать о твоемъ бѣгствѣ и на дорогахъ ищутъ тебя! Оставайся, здѣсь тебя никто не возьметъ, а я похлопочу, сдѣлаю, что можно, для тебя.

Не откладывая долго, мистеръ Райтъ поѣхалъ къ Мендиному хозяину, будто за покупкой прошлогодняго хлопка, въ самомъ же дѣлѣ только для того, чтобы купить у него бѣдную женщину.

III.

Яріїздъ новаго лица на плантацію возбудилъ всесобщій интересъ негровъ; одни боялись, что ихъ перепродадутъ въ худшія руки, другіе, наоборотъ, желали какой-нибудь перемѣны.

Узнавъ о пріїздѣ покупателя, негры заволновались. Одинъ Квимбо ничего не зналъ, лежа больной на полусгнившей соломѣ. Мистеръ Джонсонъ между тѣмъ выгодно продалъ мистеру Райту хлопокъ и потому былъ въ отличнѣйшемъ расположениіи духа. Мистеръ Райтъ воспользовался этимъ и осторожно началъ наводить разговоръ на негровъ.

— Охъ ужъ эти негодные! Не повѣрите, сколько горя причиняютъ! Недавно продалъ одну дѣвченку, — такъ что-бы вы думали? Вѣдь мать вслѣдъ за ней сбѣжала и до сихъ поръ не найдена, а отецъ вздумалъ расхвораться! Подумаешь, нѣжности какія...

— Живъ еще у васъ этотъ негръ? — спросилъ, дрожа отъ негодованія, мистеръ Райтъ, хотя наружно старался казаться спокойнымъ.

— Живъ, что ему сдѣляется! Не хотите ли, я его

уступлю вамъ за безцѣнокъ,—подхватилъ плантаторъ, желая избавиться отъ больного раба.

Прѣзжій охотно согласился; черезъ четверть часа торгъ былъ заключенъ, и Квимбо перешелъ во владѣніе новаго господина.

— Не продадите ли за одно и жену его?

— Какъ жену! Развѣ вы знаете, гдѣ она находится? О, найти бы только мнѣ ее!

— Ну и что тогда, перебилъ его мистеръ Райтъ,— на что она вамъ? Вѣдь она съ горя такъ состарилась и ослабла, что ни къ какой работѣ негодна, а я ей найду какую-нибудь работу по дому... Право, продайте, вамъ же лучше, она все равно къ вамъ не вернется! Если вы употребите силу, она убьетъ себя.

Долго Джонсонъ ломался, но разсчитавъ, что ему выгоднѣе продать ее, согласился наконецъ.

Квимбо совершенно безучастно отнесся къ своей продажѣ, онъ даже не спросилъ, куда его везутъ, когда товарищи бережно уложили его на телѣгу; но когда въ дорогѣ мистеръ Райтъ сказалъ ему, что онъ черезъ день увидитъ жену, что они будутъ жить вмѣстѣ у него, гдѣ они оба будутъ вѣнчаны и никто не обидитъ ихъ, то въ потухшихъ глазахъ больного блеснулъ такой свѣтъ радости и благодарности, что новый господинъ отвернулся, чтобы не заплакать самому.

Какъ рыдала отъ счастья и благодарности Менди, какъ много благословеній послала она своимъ господамъ, когда Квимбо рассказалъ ей о томъ, что они теперь больше не принадлежать злому плантатору!

Квимбо быстро поправлялся. Менди, глядя на него, тоже немного успокоилась.

Квимбо былъ отличный ткачъ; его помѣстили въ ткацкой мастерской, гдѣ онъ пріобрѣлъ любовь всей дворни. Тихій, скромный, онъ раньше всѣхъ вставалъ, позже ложился, охотно помогалъ слабымъ и старымъ. Его матери выходили такими прочными и гладкими, что вскорѣ пріобрѣли далеко въ окрестностяхъ славу и всѣ большіе магазины начали закупать у мистера Чарльза Райта хлопчато-бумажныя ткани. Квимбо назначили старшимъ мастеромъ, а черезъ полгода смотрителемъ и положили ему хорошее жалованье. Менди тоже не отставала отъ мужа; она съ нимъ вмѣстѣ работала, откладывая каждую заработанную копѣйку, которая должна была идти на освобожденіе Дины.

У Райтовъ, въ день рожденія ихъ старшаго сына, издавна былъ заведенъ обычай одаривать слугъ.

Съ утра на балконѣ и дворѣ толпились негры, кто съ цветами, кто съ фруктами, кто съ другой бездѣлицей; самъ Томъ, двѣнадцатилѣтній, бѣлокурый мальчикъ, раздавалъ платки, жилетки, юбки и разныя мелочи. Негры радостно поздравляли молодого господина и подносили ему свои подарки.

Въ толпѣ стояли Квимбо и Менди; они улыбались общему веселью, но на душѣ у нихъ было грустно. Глядя на массу дѣтей, Менди потихоньку утирала глаза и думала о своей далекой дѣвочкѣ, отъ которой уже давно не имѣла вѣстей. Скоро очередь дошла и до нихъ.

— Мама! Папа! — раздался взволнованный дѣтскій крикъ, и не успѣли ошеломленные мужъ и жена опомниться, какъ изъ открытой двери выбѣжало и повисло у нихъ на шеѣ маленькое, черное существо — такъ давно ожидаемая Дина.

Въ первую минуту никто не спрашивалъ, откуда она, какъ попала сюда. Всѣ обступили радостную группу и глядѣли на родителей, встрѣтившихся послѣ долгой разлуки съ единственнымъ ребенкомъ, котораго наканунѣ выкупилъ мистеръ Райтъ и привезъ домой.

IV.

Врошло много лѣтъ. Квимбо и Менди по прежнему работали и своими трудами немало способствовали обогащенію мистера Чарльза; еготкани пріобрѣли такую извѣстность, что другіе плантаторы предлагали ему большія деньги, лишь бы онъ имъ продалъ Квимбо, но Райтъ и слышать не хотѣлъ обѣ этомъ. Вся семья его такъ полюбила трудолюбивое семейство нев

гровъ, что ни за какія блага міра не отдала бы ихъ никому. Дина, которую въ день рожденія Тома выкупилъ хозяинъ и вернулъ родителямъ, выросла, похорошѣла и заняла мѣсто первой горничной у госпожи.

Черезъ десять лѣтъ послѣ возвращенія Дины, всѣ негры въ Америкѣ получили свободу, въ томъ числѣ, конечно, и наши знакомые, но они не ушли отъ своихъ господъ, а остались жить съ ними...

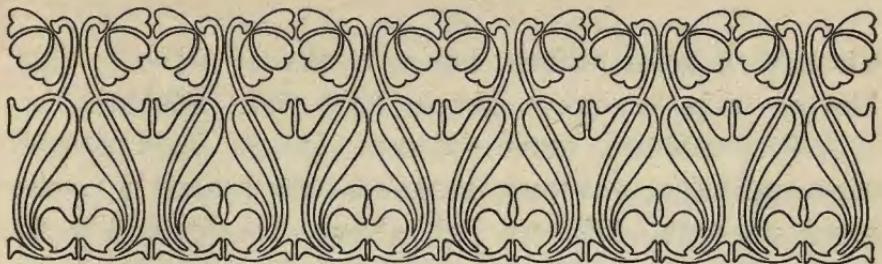
— Все это слышалъ я отъ самой Менди,—закончилъ свой разсказъ носовой платокъ. Она любила рассказывать свою исторію во время пряжи. Я долженъ вамъ еще добавить, что послѣ продажи Квимбо меня сняли съ Джонсоновой плантациіи и отправили вмѣстѣ съ другимъ хлопкомъ къ Райту, гдѣ мы долго пролежали въ амбарахъ. Въ дѣло пошли мы черезъ годъ послѣ возвращенія Дины. Я попалъ какъ разъ къ моей старой знакомой Менди, отъ которой я слышалъ эту исторію...

— Ахъ, какое платьице! Чулочки! Что за миленький платочекъ!—воскликнула проснувшаяся Лиля и въ мигъ вскочила съ постельки. Налюбовавшись вдоволь, она одѣла свои новыя вещи и, держа носовой платокъ въ рукахъ, пошла къ мамѣ благодарить ее.

Лиля берегла свои вещи, долго носила ихъ, но и онѣ отъ старости попортились. Носовой платокъ отъ Лили перешелъ къ нянѣ, отъ няни къ одной дѣвочкѣ, а отъ нея, старой тряпкой, къ тряпичнику.

И что-бы вы думали? Вѣдь не пропала тряпочка: послѣ цѣлаго ряда измѣненій изъ нея вышла гладкая, бѣлая бумага, на которой и написали исторію Квимбо, Менди и маленькой Дины.

Ося Лачанъ.

I.

Родина маленькаго Оси Лачана—Австро-Венгрия, сосѣднее съ нами государство. Бѣдная деревушка, въ которой жилъ Ося, лежитъ въ одной изъ южныхъ провинцій у подошвы известковыхъ горъ, въ глубокой песчаной долинѣ. Надо проѣхать крутыя горы, широкія рѣки, большиe и малые города, чтобы добраться до этой долины. Земля вокругъ нея не плодородная, не даетъ и половины того что, нужно для прокормленія жителей, и потому все мужское населеніе уходитъ на заработки въ чужія земли.

Отецъ Оси, Петръ Лачанъ, тоже ушелъ на заработка; онъ уже третій годъ живетъ въ Петербургѣ, гдѣ торгуетъ жестяной посудой, которую зимой и лѣтомъ носитъ по дворамъ. Плохо живется тамъ бѣдняку, не смотря на то, что онъ ежедневно, въ морозъ и жару, навьюченный ведрами, лоханками и кастрюлями, ходитъ по городу; выручка такъ мала, что едва, едва позволяетъ послать домой два, три рубля въ

мѣсяцъ. А дома деньги очень нужны: у матери Оси, Мотры, пять человѣкъ дѣтей, малъ-мала меньше.

Ося любилъ свою деревню съ ея бесплодными окрестностями, которые казались ему лучше и краше всего въ мірѣ. Лѣтомъ онъ цѣлые дни проводилъ въ горахъ: то онъ взбирался на ихъ плоскія вершины, то сбѣгалъ однимъ духомъ по покатымъ склонамъ, то отыскивалъ новый скатъ, то истокъ горнаго ручейка, то открывалъ неизвѣстный обрывъ. Онъ любилъ лежать на самомъ краю его и подолгу глядѣть въ бездонную пропасть.

Ося учился въ сельской школѣ, которая находилась въ пяти верстахъ отъ его деревни. Дорога шла горами, но мальчику была знакома каждая тропинка. Сколько разъ застигала его въ пути снѣжная мятель и холодный вѣтеръ; Ося поминутно вязъ въ снѣгу и падалъ, но не смущался этимъ. Ему были извѣстны углубленія и большія пещеры, гдѣ онъ всегда находилъ убѣжище, пока непогода бушевала.

Въ школѣ всѣ любили доброго, задумчиваго Осю, товарищи охотно дѣлили съ нимъ незатѣйливые завтраки и дарили ему, кто что могъ: кто гладкій камушекъ, кто отточенную палочку, а то просто бѣленъкій кусочекъ бумажки.

Ося все это принималъ съ удовольствиемъ, и съ своей стороны, отплачивалъ мальчикамъ тѣмъ, что водилъ ихъ во вновь имъ открытая мѣста.

Такъ жилъ онъ, учась зимою, а лѣтомъ помогая матери по хозяйству, нянѣча дѣтей и отдыхая въ своихъ любимыхъ горахъ. Дома жилось въ проголодъ, часто Мотря съ дѣтьми сидѣла безъ хлѣба, сосѣди не давали ни у кого не было лишняго, но Ося не чувствовалъ

недостатка, онъ къ лучшему не привыкъ, да и не желалъ.

Въ день рожденія Оси, когда ему минуло десять лѣтъ, Мотря откуда-то достала муки и овощей, спекла пирогъ, сварила теплую похлебку, и вся семья усѣлась за давно невиданный обѣдъ. Въ это время ъзившій на почту крестьянинъ привезъ письмо отъ Петра. Петръ прислалъ пять рублей и писалъ, что онъ здоровъ, живется ему сносно, и просилъ прислать сына на подмогу.

Хотя Ося давно ожидалъ этого, но просьба отца поразила его; онъ не могъ себѣ представить, какъ онъ оставитъ мать, сестеръ, школу, деревню... и бѣдная жизнь въ семье показалась ему раемъ!

Мотря расплакалась, дѣвочки обняли оторопѣвшаго брата, стараясь ласками ободрить его. Вѣсть обѣ Осиномъ отъѣздѣ съ быстротою молніи облетѣла всю деревню, собрались сосѣдки, каждая вздыхала и охала, что еще больше разстраивало бѣдную мать.

Такъ прошла недѣля. Мать и сестры, не осушая глазъ, снаряжали Осю въ дорогу;сосѣди тоже давали изъ своихъ скучныхъ средствъ кое-что отъѣзжающему.

Насталъ наконецъ и день отѣзда. Рано поднялись въ домѣ Лачана; Ося сидѣлъ насупившись на лавкѣ. Мотря укладывала въ небольшую котомку рисовыя лепешки и черный хлѣбъ, густо посыпанный солью. Окончивъ это, она подошла къ Осѣ, обняла его, крѣпко прижала къ себѣ и, осыпая его кудрявую голову поцѣлуями, сквозь слезы наказывала ему быть честнымъ, хорошимъ мальчикомъ, не льститься на чужое, никогда не лгать и не обманывать.

— Ты одинъ, маленький, безпріютный, идешь въ

далекій, незнакомый свѣтъ... тебѣ будетъ трудно, очень трудно, мой мальчикъ,— помни, я буду всегда благословлять и молиться за своего честнаго, доброго Осю! Если онъ сдѣлается злымъ и сквернымъ, тогда мнѣ будетъ больно и стыдно!..—закончила она и еще крѣпче сжала его въ своихъ объятіяхъ.

Сестры повисли у Оси на шеѣ, каждая что-то лепетала, но Ося все глядѣль на страдальческое лицо матери и самъ рыдалъ навзрыдъ. Казалось, объятіемъ и слезамъ конца не будетъ,— однако пора было кончить; Мотря благословила сына мѣднымъ крестикомъ и, еще разъ наказавъ ему не забывать Бога и мать, беречь зашитые въ карманѣ штановъ три гульдена (около трехъ рублей), адресъ отца и паспортъ, первая вышла изъ избы, заплаканныя дѣти пошли за нею. Проводивъ Осю за окопицу, онъ еще долго, долго стояли, пока виднѣлась то исчезающая въ долинѣ, то опять подымающаяся на гору маленькая фигурка съ котомкой за спиной.

Вернувшись домой, бѣдная женщина горько зарыдала, глядя съ тоской на опустѣвшее мѣсто сына.

II.

 ся между тѣмъ шелъ знакомыми тропинками, думая объ оставленномъ семействѣ, о своей длинной дороги изъ Крайны, южной провинціи Австріи, въ Петербургъ.

Къ вечеру Ося порядочно усталъ, а до какой-нибудь деревни было еще далеко. Вся окрестность представляла известковую возвышенность съ растущей на ней тощей, жесткой травкой. Ося поискать вокругъ

себя мѣсто, гдѣ бы можно было укрыться на ночь; недалеко отъ себя онъ увидѣлъ большую пещеру. Не долго думая, онъ вошелъ въ нее. Если бы Ося не бывалъ раньше въ подобныхъ сталактитовыхъ пещерахъ, находящихся около деревни, онъ бы подумалъ, что попалъ въ заколдованное царство: по всей пещерѣ шли колонны и пирамидки, съ потолка и стѣнъ красиво спускались рѣзные кружева, у входа стояло нѣсколько фигуръ, будто сдѣланныхъ изъ мрамора.

Фигуры эти или сталактиты образовались изъ известковыхъ массъ, черезъ которыхъ протекала когда-то вода. Ося зналъ это и потому безъ всякаго страха вошелъ туда и, выбравъ мѣстечко поуютнѣе, расположился на ночлегъ.

Наступила южная, душная ночь. Звѣзды одна за другой ярко выступили на темномъ, почти черномъ, небѣ.

Ося долго не могъ заснуть... ему было скучно и жутко! Онъ помолился, мысленно пожелалъ спокойной ночи своимъ, но не могъ уснуть; ему сдѣлалось страшно одному въ пещерѣ и онъ, не смотря на темноту, вышелъ и сѣлъ у дороги. Вскорѣ онъ заснулъ крѣпкимъ, дѣтскимъ сномъ и проснулся только тогда, когда солнце ударило ему прямо въ лицо.

Ося вскочилъ,—въ первую минуту онъ совсѣмъ забылъ, гдѣ онъ, отчего не дома? Вскорѣ однако онъ опомнился и пошелъ впередъ. За день онъ прошелъ верстъ двадцать и къ вечеру пришелъ въ незнакомую деревню. Крестьянки охотно предложили мальчику обѣдъ и ночлегъ; у нихъ у самихъ мужья и сыновья ушли въ чужія страны добывать для семьи пропитаніе, и потому онъ съ любовью и состраданіемъ отнеслись къ чужому ребенку.

Переночевавъ у нихъ, Ося поблагодарилъ хозяевъ и чуть свѣтъ отправился дальше. Отъ ходьбы онъ натеръ себѣ лѣвую ногу и подвигался медленнѣе впередъ. Для удобства и экономіи, онъ снялъ свои довольно поношенные сапоги и перевѣсилъ ихъ черезъ плечо.

— Такъ-то легче будетъ! — сказалъ онъ самъ себѣ, ступая босыми ногами по пыльной дорогѣ. Ося часто встрѣчалъ ъдущихъ ему на встрѣчу или перегоняющихъ его мужиковъ и бабъ, но дѣтей встрѣчалъ только въ деревняхъ, гдѣ дѣти принимали его дружелюбно, разспрашивали о томъ, о семъ и завидовали ему, какъ взрослому человѣку.

Если Осѣ приходилось проходить черезъ деревню вечеромъ, то ему постоянно предлагали ночлегъ и ужинъ; даже на дорогу давали, кто ломоть хлѣба, кто пирога. Днемъ же онъ рѣдко останавливался въ деревняхъ, развѣ только для того, чтобы напиться воды.

Одинъ день выдался особенно жаркій; солнце накалило известковую почву, кругомъ ни деревца, ни кустика, подъ тѣнью котораго можно было бы укрыться. Ося бродилъ уныло, опустивъ голову, по временамъ безнадежно вглядываясь въ даль; его клонило ко сну, и онъ съ трудомъ переставлялъ ноги. Вдругъ онъ увидѣлъ длинную двигающуюся тѣнь. Ося обернулся: за нимъ шелъ маленький, босой мальчикъ, съ котомкой за спиной и чѣмъ-то за пазухой. Ося остановился, мальчикъ прибавилъ шагу и вскорѣ поровнялся съ нимъ. Оба застѣнчиво взглянули другъ на друга.

Мальчикъ на видъ казался такихъ же лѣтъ, какъ и Ося, но былъ ниже его ростомъ и худощавѣе. Его блѣдное, красивое лицико смотрѣло смѣло и умно, а въ черныхъ, большихъ глазахъ свѣтилось столько доброты

и благородства, что Ося сразу почувствовалъ довѣріе къ нему.

— Куда ты идешь?—спросилъ онъ.

— Куда ноги несутъ!—отвѣтилъ тотъ на ломаномъ словакскомъ нарѣчіи.

— Какъ же такъ? Развѣ ты не знаешь, куда тебѣ надо?

— Конечно нѣтъ!—Я хожу съ ученымъ суркомъ (и онъ указалъ къ себѣ за пазуху, гдѣ все время что-то шевелилось); гдѣ днюю, тамъ не ночую, бываю въ деревняхъ и городахъ и кормлюсь тѣмъ, что подадутъ.

— Пойдемъ тогда вмѣстѣ—веселѣе будетъ!—предложилъ Ося.

— Пожалуй!—Только мнѣ вѣдь надо держаться больше населенныхъ мѣстъ, гдѣ кое что перепадаетъ.

— Отлично, и я съ тобою! Я теперь иду въ Вѣну, оттуда въ Россію...

— Въ Россію!—воскликнулъ мальчикъ съ испугомъ.—Ты туда никогда не дойдешь, а если и дойдешь, то замерзнешь сейчасъ, какъ перейдешь Австрійскую границу! Тамъ такие холода, что люди не выносятъ ихъ—одни звѣри въ состояніи тамъ жить...

— Какіе пустяки! Мой отецъ живетъ тамъ уже сколько лѣтъ и ничего про это не пишетъ!—перебилъ его Ося.—И кто тебѣ такихъ глупостей наговорилъ?

— Всѣ такъ говорятъ!—отвѣтилъ убѣдительно мальчикъ.—Однако, зачѣмъ мы стоимъ? Пойдемъ-ка, я еще сегодня ничего не ъль.

— У меня есть хлѣбъ съ солью, поѣдимъ,—предложилъ Ося.

— Спасибо! Съ удовольствіемъ, если дашь.

Мальчики, не смотря на зной, усѣлись въ сторонѣ

отъ проѣзжей дороги и принялись за свой, болѣе чѣмъ скромный, обѣдъ.

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ Ося у товарища, когда тотъ, съѣвши ломтикъ хлѣба, сталъ крошками кормить сурка.

— Джіовани. А тебя какъ?

— Ося. Гдѣ же ты живешь?—продолжалъ спрашивать Ося.

— Нигдѣ и вездѣ! Я самъ изъ сѣверной Италіи, я круглый сирота, у меня нѣтъ родителей,—они оба умерли въ одинъ годъ отъ холеры; меня взялъ изъ милости дядя. Онъ билъ меня, не давалъ єсть и называлъ лѣнтыемъ, а самъ не позволялъ ни поступить на мѣсто, ни работать для дома. Когда я словилъ сурка и началъ его обучать разнымъ фокусамъ, то дядя страшно разсердился на меня и выгналъ изъ дома; съ тѣхъ порь я хожу съ мѣста на мѣсто и показываю своего звѣрька, за что получаю, гдѣ хлѣба, гдѣ денегъ. Слава Богу, голодать мнѣ рѣдко приходится! Вотъ только зимою трудненько въ моихъ лохмотьяхъ, и босикомъ, а лѣтомъ—ничего, хорошо... Да еще мнѣ плохо было, когда я перешелъ нашу границу и пришелъ въ ваши земли; языка вашего я не понималъ, а моего здѣшніе жители не знали, и выходило—я прошу хлѣба, а мнѣ не даютъ... Ну и голодалъ! Теперь, какъ научился, стало лучше. А ты откуда?

Ося рассказалъ Джіовани про свою семью, деревню, друзей, куда онъ идетъ и высказалъ свою задушевную мысль вернуться на родину не иначе, какъ богатымъ человѣкомъ; тогда онъ выстроить матери новую избу, одѣнетъ сестеръ и обеспечить отца, чтобы онъ могъ жить съ семьею, не работая, какъ волъ, на чужбинѣ,

однимъ словомъ, устроить имъ всѣмъ тихую, покойную жизнь.

— Счастливецъ! — проговорилъ маленький итальянецъ. — Я никогда не зналъ любви ни къ отцу, ни къ матери; я любилъ дядю, но онъ побоями и бранью превратилъ мою любовь въ ненависть... съ тѣхъ поръ я никого не люблю, за исключениемъ моего сурка Пепо. Кстати, ты еще не знаешь, какіе онъ умѣетъ продѣлывать фокусы, — обратился онъ вдругъ весело къ товарищу.

Осѣ давнѣ уже хотѣлось посмотретьъ на ученаго звѣрька, но онъ не посмѣлъ обѣ этомъ просить.

На пыльной дорогѣ, подъ палящими лучами солнца, началось интересное зрѣлище: Пепо сидѣлъ на заднихъ лапкахъ, стоялъ на нихъ, танцевалъ, подавалъ лапку, снималъ у своего хозяина рваный картузъ и, уморительно кланяясь, просилъ у Оси, чтобы онъ что-нибудь положилъ туда.

Ося былъ въ восторгѣ отъ каждой шутки неуклюжаго актера; Джiovани съ гордостью смотрѣлъ на Пепо, который, кажется, и самъ былъ высокаго мнѣнія о себѣ.

Незамѣтно для нихъ прошли три часа; полуденный жаръ спалъ, подулъ свѣжій вѣтерокъ, и оба спутника пошли дальше, неся поперемѣнно общаго любимца Пепо. Дорога шла то горами, то долинами.

III.

Пройдя слишкомъ сто верстъ отъ своей родины, Ося съ удивленіемъ замѣтилъ, что природа измѣнилась: равнины были покрыты чудными садами и тучными нивами; на горахъ росли густые лѣса и сочныя пастбища. Попадалось много рудниковъ,

мѣдные, желѣзные, серебряные и золотые; въ нѣкоторыхъ даже находили драгоцѣнныя камни.

Мальчики часто останавливались у рудниковъ и смотрѣли на работу рудокоповъ. „Неужели“, думали они, глядя на куски земли, которые везли на тачкахъ рабочіе изъ глубины горъ, „неужели въ этихъ кускахъ земли лежать блестящіе гульдены и крейцеры?“

Они не разъ хотѣли спросить объ этомъ у рудокоповъ, но тѣ казались имъ строгими и суровыми; они едва отвѣчали на поклоны дѣтей и молчаливо проходили со своими телѣжками. По ихъ блѣднымъ изнуреннымъ лица мъ видно было, что тяжелый трудъ, въ нѣдрахъ земли, въ вѣчномъ мракѣ, безъ воздуха и солнца, губитъ ихъ раньше времени. Если случалось Осѧ и Джіовани проходить мимо рабочихъ во время ихъ скучного обѣда, гдѣ нибудь въ сторонкѣ отъ горы, то рудокопы молча указывали дѣтямъ мѣсто на землѣ и предлагали раздѣлить съ ними трапезу.

Однажды товарищи пришли къ золотому руднику; былъ обѣденный часъ. Рудокопы, какъ всегда, пригласили пришельцевъ къ своему незатѣйливому обѣду.

Дѣти давно уже не ъли ничего варенаго и съ жадностью набросились на теплую похлебку.

— Что, молодцы, вкусно? — обратился къ нимъ молодой парень.

— Очень! — отвѣтилъ за себя и за друга бойкій Джіовани; — всѣ улыбнулись. — Сегодня узнаю про гульдены! — шепнулъ Джіовани на ухо Осѣ.

Когда рабочіе разлеглись на голой землѣ, чтобы часокъ отдохнуть, маленький итальянецъ подсѣлъ къ парню, который заговорилъ съ нимъ за обѣдомъ, и заставилъ сурка продѣлывать всѣ свои шутки.

Съ блѣднаго лица рудокопа не сходила довольная улыбка во все время представлениія, когда же Пепо съ важнымъ видомъ сорвалъ у Джіовани шапку и протянулъ ее рабочему тотъ съ удовольствіемъ положилъ туда крейцеръ.

— Дяденька, ты вѣрно богатъ! — спросилъ Джіовани.

— Отчего ты такъ думаешь?

— Да какъ же! Стоитъ тебѣ разбить кусокъ руды, и оттуда посыплются монеты! — воскликнулъ мальчикъ.

— Ха-ха-ха! — разсмѣялся рудокопъ, — ха-ха-ха! — и все его тощее тѣло тряслось отъ неудержимаго смѣха, — вотъ чудакъ! Эко выдумалъ! Деньги лежать въ рудѣ, ха-ха-ха!..

— Да какъ же, дяденька? Вѣдь ты самъ сказалъ давеча, что вы добываете золото, — сказалъ оторопѣвшій Ося; Джіовани сконфуженно гладилъ Пепо.

— Нѣть, вы право чудаки! Такъ вотъ и думали, что въ горахъ лежать готовыя деньги. Нѣть, братъ, въ ней лежать только зернышки, рѣдко когда самородокъ (кусокъ золота) и то не въ чистомъ видѣ, а въ

соединеніи съ другими металлами. Надо много поработать надъ кускомъ руды, чтобы получить золото. Да вотъ коли хотите, оставайтесь у насъ денекъ, сами все увидите.

Мальчикамъ спѣшить было некуда, и они охотно остались.

Какъ только отдыхъ кончился, рудокопы, какъ муравьи, полѣзли къ руднику. Джiovани и Ося послѣдовали за знакомымъ парнемъ. Длинные проходы, пересѣкаясь по всѣмъ направленіямъ, вели въ глубину горъ, кругомъ стояла темень, какъ въ самую темную ночь. Рудольфъ, такъ звали парня, прикрѣпилъ къ кушаку небольшую зажженную лампочку, бросавшую слабый свѣтъ на недалекое разстояніе. Довольно долго всѣ шли молча; чѣмъ дальше они углублялись во внутрь, тѣмъ болѣе воздухъ становился спертымъ и удушливымъ, лампочка еле-еле мерцала.

— Осторожнѣе! — проговорилъ Рудольфъ, обернувшись къ нимъ, и голосъ его какъ то странно, глухо отдавался подъ низкими сводами горы.

Ося первый съ ужасомъ замѣтилъ черную, бездонную пропасть, въ которой бурлила и шумѣла вода; чрезъ пропасть велъ небольшой мостикъ; дѣти съ трепетомъ вступили на него. Всюду виднѣлись огоньки рабочихъ, всюду раздавался глухой стукъ молотовъ.

— Нѣтъ, я дальше не пойду! — сказалъ шепотомъ итальянецъ, — мой Пепо задохнется у меня за пазухой.

И онъ вернулся назадъ.

Любознательный Ося не хотѣлъ вернуться и, не оглядываясь, шелъ за Рудольфомъ.

— Стой! — крикнулъ ему тотъ.

Ося остановился и увидѣлъ, что они стоятъ на краю обрыва.

Откуда-то сверху спустилась къ нимъ корзина, въ которую сѣлъ Рудольфъ; Ося послѣдовалъ за нимъ, но онъ чуть было не выскочилъ изъ нея, такой вдругъ послѣдовалъ неожиданный толчокъ.

— Господи, спаси и помилуй! — прошепталъ его спутникъ, и бадья, качаясь и скрипя, поминутно ударяясь о стѣны, быстро стала спускаться внизъ.

У Оси закружилась голова, онъ, какъ въ бреду, держался за скрипучую веревку, твердя про себя молитву; наконецъ бадья стала, опять замелькали, какъ блуждающіе огоньки, лампочки, послышались удары молотовъ.

— Слава Богу, счастливо добрались! — сказалъ Рудольфъ и направился по темному ходу.

На каждомъ шагу попадались теперь обрывы, пропасти, небольшія озера; черезъ глыбы въ стѣнахъ просачивалась вода. Мѣстами своды были такъ низки, что спутники съ трудомъ, ползая на животѣ, пробирались впередъ; наконецъ они дошли до той *жили*, гдѣ работалъ Рудольфъ. Мѣсто было сырое; Ося насилиу отыскалъ сухой уголокъ и началъ осматриваться кругомъ; рядомъ съ нимъ валялись отломанные куски, которые накладывали въ тачки, лѣвѣе шелъ опять мостикъ чрезъ пропасть, правѣе спускались одна за другой корзины куда-то еще ниже; Осѣ казалось, что эти люди никогда уже больше не увидятъ свѣта Божьяго.

Сердце у него сжалось тоской, ему сдѣлалось грустно. Такъ вотъ оно, какъ дорого дается людямъ золото. Не даромъ они такие худые, эти несчастные добыватели его. И мысли, одна страшнѣе другой, пред-

ставились его воображенію. Какія опасности грозятъ имъ глубоко въ нѣдрахъ горы: вода можетъ прорваться и затопить коридоръ съ рабочими, можетъ обрушиться стѣна и засыпать всѣхъ работающихъ возлѣ нея, или могутъ столкнуться двѣ бадьи и тогда сидящіе въ нихъ неминуемо полетятъ въ пропасть...

— Нѣтъ, я больше не хочу здѣсь оставаться! Скорѣе наверхъ, на воздухъ, къ Джіовани!

— Рудольфъ!—позвалъ онъ,—скоро ли ты кончишь?

— Что? Аль усталъ сидѣть, сложа руки,—отозвался тотъ.

— Пожалуйста, скорѣе, скорѣе выведи меня отсюда!—плакалъ Ося.

Рудольфъ, ничего не отвѣчая, продолжалъ молотомъ бить въ стѣну. Ося умолкъ, хотя одна картина ужаснѣе другой представлялись его глазамъ.

„А ну, какъ лампочка потухнетъ, и Рудольфъ захочетъ зажечь ее, а здѣсь, онъ самъ это сказалъ, много газовъ; отъ зажженной спички произойдетъ взрывъ, и я погибну подъ землею, и мама даже не узнаетъ, гдѣ ея бѣдный мальчикъ!“ — думалъ Ося, дрожа отъ испуга.

— Готово, нюня! Можемъ идти,—сказалъ Рудольфъ.

Ося отъ радости чуть не бросился ему на шею. Тѣмъ же путемъ, какимъ они спустились, вернулись они опять наверхъ.

Какъ обрадовался бѣдняга Ося, когда онъ полною грудью вдохнулъ вечерній воздухъ, когда увидѣлъ чистое небо съ заходящимъ солнцемъ! Какъ обнималъ онъ Джіовани, какимъ прекраснымъ показался ему міръ Божій послѣ мрачнаго, чернаго, подземнаго царства!

Три часа, проведенныхъ въ рудникѣ, показались Ось цѣлою вѣчностью.

— Нѣтъ, ты не знаешьъ, что за ужасъ сидѣть тамъ безъ солнца, безъ свѣта, въ одиночествѣ и мракѣ,— говорилъ онъ Джіовани,— и какъ только могутъ это выдержать люди!— Я ни за что, ни за что не сдѣлался бы рудокопомъ.

— Что же ты со мной не вернулся? Мнѣ было гораздо веселѣе, я видѣлъ настоящіе куски золота. О, я теперь много видѣлъ: сначала вывезли куски руды изъ той горы, гдѣ ты сидѣлъ, повезли ихъ къ мельницѣ и вложили въ ящикъ, колеса мельницы заходили, и вся руда обратилась въ мелкіе, премелкіе кусочки, которые падали на большое сито, а на сито сверху лилась вода; она промывала размельченныя части, легкій песокъ уносился теченіемъ внизъ, а тяжелые пылинки, крупинки и кусочки золота осѣдали на дно.

— Но это еще не все!— продолжалъ, оживленно жестикулируя, итальянецъ,— кусочки промытаго золота были не чисты, ихъ надо было еще отдѣлить отъ другихъ металловъ, которые соединены съ золотомъ. Всѣ кусочки собрали и бросили въ громадный котелъ, подъ которымъ развели сильный огонь. Куски расплавились, и металлы разъединились. Работникъ позволилъ мнѣ смотрѣть, да еще все рассказывалъ: вотъ, говорить, это мѣдь, пусть выкипаетъ, а золото, видишь, осѣло;— и онъ черезъ какую-то машинку началъ лить въ котелъ теплую воду. Жидкая масса остыла, и я увидѣлъ въ котлѣ большой кусокъ золота, желтый, блестящій, какъ красное солнышко!— закончилъ восторженno Джіовани.

— Богъ съ нимъ, съ золотомъ! Я не хочу больше здѣсь оставаться, мнѣ страшно за себя и за этихъ людей, уйдемъ отсюда, Джіовани! — сказалъ Ося, одѣвая котомку за плечи.

— Пожалуй, только куда же мы пойдемъ, вѣдь скоро будетъ ночь!

— Ахъ, все равно, не впервые ночевать подъ открытымъ небомъ,—и Ося увлекъ за собой товарища.

IV.

 дна за другой замигали на темно-синемъ небѣ серебряныя звѣздочки, съ горъ потянулись длинныя тѣни, съ долинъ повѣяло запахомъ зелени и прохладой. Мальчики дружно шагали впередъ. Джіовани разговаривалъ съ Пепо, изрѣдка обращаясь къ Осѣ. Ося шелъ задумчиво: онъ думалъ о своихъ,—что-то они теперь дѣлаютъ, думаютъ ли о немъ? Онъ отыскалъ на небѣ яркую звѣздочку и, кивнувъ ей, тихо прошепталъ: „загляни къ намъ, въ нашу хижину, взгляни прямо въ глаза матери и сестрамъ и скажи имъ, что ихъ Ося часто думаетъ о нихъ! А если онъ уже спятъ, то поцѣлуй ихъ, милая звѣздочка, и пожелай покойнаго сна!“

— Огни, огни! Вѣрно деревня! — воскликнулъ вдругъ Джіовани; Ося встрепенулся.

— Пойдемъ скорѣе, авось дадутъ ночлегъ и чего нибудь поѣсть! — торопилъ Джіовани.

Они прибавили шагу и менѣе, чѣмъ черезъ часъ, пришли къ обширному лугу. Но то, что мальчикъ принялъ за деревню, былъ ничто иное, какъ цыганскій

таборъ. Таборъ расположился на большомъ лугу, примыкающимъ къ лѣсу. Множество телѣгъ стояли въ беспорядкѣ по всѣмъ направленіямъ, около каждой изъ нихъ лежало бѣдное имущество кочующаго хозяина ея. Старыя и молодыя женщины въ яркихъ платкахъ, переброшенныхъ черезъ плечо, и такихъ же яркихъ юбкахъ, со множествомъ монетъ и бусъ на шеѣ, сновали взадъ и впередъ, устраиваясь на ночь.

Почти голые ребятишки толкались подъ ногами, мѣшая старшимъ, за что получали не мало пинковъ. Мужчины, громко разговаривая на своемъ гортанномъ языкѣ, столпились вокругъ пасущихся въ сторонѣ лошадей. Всюду пылали ярkie костры, на которыхъ ста-рухи что-то стряпали.

— Цыгане! — шепнулъ Джіовани на ухо другу и глубже запряталъ за пазуху Пепо.

Пришельцевъ тоже замѣтили: въ одинъ мигъ обступила ихъ ватага черномазыхъ, грязныхъ, нечесанныхъ

ребятъ и съ гикомъ и свистомъ погнала къ серединѣ табора, гдѣ уже начали собираться большіе. Цыганята трогали и толкали мальчиковъ, одинъ сорвалъ съ Оси картузъ, другой, несмотря на удары Оси, рвалъ съ его плеча котомку, третій запустилъ уже руку за пазуху къ Джіовани, гдѣ дрожалъ испуганный шумомъ Пепо.

— Не смѣйте, пострѣлы, вотъ я васъ, постойте! — подскочила къ толпѣ ребятъ смуглая красавица-дѣвушка. — Тишкa, отдай сю минуту картузъ, слышишь, негодный, или я тебя такъ выпорю, что ты три дня не встанешь! — крикнула она косматому цыганенку, щеголявшему уже въ Осиной шапкѣ. Тотъ покорно вернулъ взятую вещь, но при этомъ пребольно, съ самымъ невиннымъ видомъ, ушипнулъ Осю за ухо. Ни Ося, ни Джіовани не могли понять, о чёмъ галдятъ цыгане, тыча на нихъ пальцами, и со страхомъ ждали, чѣмъ это кончится.

Наконецъ изъ толпы вышелъ старый цыганъ и подошелъ къ нимъ.

— Зачѣмъ вы пришли въ нашъ тaborъ? Что вамъ здѣсь надо? — спросилъ онъ ихъ мягко.

— Ничего! Мы не знали, что найдемъ здѣсь тaborъ. Мы думали, что это деревня, и зашли за кускомъ хлѣба и ночлегомъ. А идемъ мы въ Вѣну, мой товарищъ тамъ останется, я же пойду дальше, — отвѣтилъ откровенный Ося.

— Въ Вѣну! — улыбнулся стариkъ, — ты, вѣрно, мальчуганъ, дорогу-то не мѣрилъ, — туда, братъ, не скоро доѣдешь, не то, что дойдешь. Оставайтесь-ка лучше съ нами, благо вы оба смуглы и выглядите, какъ наши дѣти.

— Нѣть, дѣдушка, я не могу у тебя остаться, —

заговорилъ Ося,— я иду къ отцу, онъ становится слабъ и старъ, надо мнѣ ему помочь работать...

— И я не останусь, я иду въ Вѣну, зарабатывать деньги,— перебилъ товарища Джіовани.

Цыганъ отошелъ, толпа опять загудѣла, но вскорѣ разошлась. Семьи усѣлись кучками вокругъ котелковъ съ варевомъ.

Та же дѣвушка, которая заступилась за дѣтей, когда они пришли, пригласила ихъ къ своему ужину.

Теплый мясной супъ и кружка какой то бурды, вместо чая, показались нашимъ путешественникамъ невиданными явствами; послѣ ужина цыганята подбросили въ костры сухого хвороста, часть молодежи принялась за пляску, часть за игры. Яркое пламя освещало красивыя лица танцующихъ, ихъ пестрыя, живописныя лохмотья, ихъ движения, то плавныя, то быстрыя. Старухи усѣлись у телѣгъ, болтая и покуривая коротенькия трубки. Статный молодой цыганъ игралъ въ сторонкѣ на скрипкѣ, ребятишки собрались вокругъ костровъ.

— Марицусяда!— закричало нѣсколько голосовъ,— Марицу! Пусть она намъ споетъ что-нибудь!

На середину круга вышла смуглая красавица, знакомая дѣтей. Марица подняла свою прекрасную головку, оправила ожерелье и запѣла чуднымъ груднымъ голосомъ одну изъ дивныхъ венгерскихъ пѣсенъ, дышащихъ то нѣжной тоской, то безмятежнымъ, тихимъ счастьемъ. Не только люди, но, казалось, и лѣсь, и звѣзды, и луна заслушались пѣвицы, а она, не обращая ни на что вниманія, пѣла такъ, какъ только поютъ вольныя, ничѣмъ не стѣсненные, дѣти степей, да соловьи въ миртовой чащѣ.

Группы смуглыхъ людей, раскинутые шатры, красное пламя костровъ, прекрасная пѣвица, звѣздное высокое небо—все казалось чѣмъ то волшебнымъ, фантастичнымъ; а полная луна, бросавшая синеватый свѣтъ на всю окрестность, придавала еще больше прелести этой картинѣ.

Ося, утомленный впечатлѣніями дня, скоро уснулъ, поэтичный Джіовани долго ворочался съ боку на бокъ: ему грезилось дивное пѣніе Марицы, въ другой обстановкѣ, далеко отсюда, тамъ, за Альпами, на его родинѣ, среди апельсиновыхъ и мirtовыхъ рощъ, на берегу синяго, какъ эмаль, моря. Онъ вспомнилъ свое далѣкое дѣтство, когда онъ еще крошкой жилъ съ родителями въ Неаполѣ, на берегу Неаполитанскаго залива, на западѣ Италіи.

Вотъ онъ барахтается въ береговомъ пескѣ, ловить въ водѣ раковины, а кругомъ благоухаютъ розы, тихо киваютъ изъ темной листвы апельсины. У раскрытаго окна сидитъ съ шитьемъ его мать Беттина, такая же красавица, какъ и Марица, и поетъ она также дивно. У всегда веселаго Джіовани полились по смуглымъ щечкамъ горькія слезы. Ему не спалось и онъ пошелъ бродить по солному табору; вернувшись къ Осѣ, онъ замѣтилъ, что кто-то юркнулъ въ сторону, но онъ былъ такъ занятъ воспоминаніями, что не обратилъ на это вниманія. Вскорѣ и онъ уснулъ возлѣ крѣпко спавшаго товарища.

Еще не разсѣялся ночной туманъ, не успѣли еще проникнуть утренніе лучи въ долину, какъ въ тaborѣ уже зашевелились: кто чистилъ лошадей, кто ковалъ ихъ, кто бѣгалъ за водой. Опять закипѣла жизнь у кочующаго народа. Дѣти, позавтракавъ вмѣстѣ съ семьей

Марицы, распостились съ ней и пошли опять по большой дорогѣ.

Въ горныхъ домикахъ рудокоповъ тоже проснулись. Прозрачный утренній воздухъ далеко разносилъ благовѣстъ, призывающій горцевъ къ общей молитвѣ; изъ всѣхъ лачужекъ выходили люди, направляясь къ одиноко стоящей церкви.

Дѣти также набожно встали на молитву. Къ полудню они дошли до каменноугольныхъ копей. И здѣсь, какъ въ другихъ уже прежде попадавшихся имъ на пути рудникахъ, рабочіе были угрюмы и молчаливы, хотя привѣтливо благодарили мальчиковъ за добрая пожеланія.

Въ шахтахъ кипѣла жизнь, ввозили пустыя тачки, вывозили наполненные каменнымъ углемъ, входили и выходили рабочіе. Дѣти прошли дальше.

V.

Австро-Венгрія населена такой массой народностей, какъ ни одна другая страна въ Европѣ; почти каждая провинція имѣеть свой особенный языкъ. Дѣтямъ съ каждымъ днемъ становилось все труднѣе и труднѣе объясняться съ жителями, которые не понимали языка мальчиковъ, тѣ, въ свою очередь, не понимали жителей, и потому дѣтей часто принимали за маленькихъ бродягъ и гнали вонъ. Тяжело было бѣднякамъ; въ рѣдкій день перепадалъ кусочекъ хлѣба. Какъ ни жалко было Осѣ размѣнять свои гульдены, но пришлось это сдѣлать. Усѣвшиись съ Джювани подъ деревомъ, онъ принялъся выпарывать защи-

тыя въ карманѣ завѣтныя деньги. Но, о ужасъ! Вместо нихъ въ карманѣ лежали три мѣдныхъ, ничего не стоящихъ, кружечка. Кто могъ вынуть деньги и положить туда мѣдь? Кто и когда такъ незамѣтно распоръ и зашилъ карманъ? Ося въ отчаяніи совсѣмъ потерялъ голову.

— Боже мой!—воскликнулъ вдругъ Джіовани,— вѣдь это случилось тамъ въ тaborѣ, гдѣ мы ночевали недѣлю тому назадъ! Я самъ видѣлъ, какъ кто-то былъ возлѣ тебя въ то время, какъ я бродилъ по лугу, но я не сообразилъ тогда, что цыганенокъ дѣлалъ около тебя!

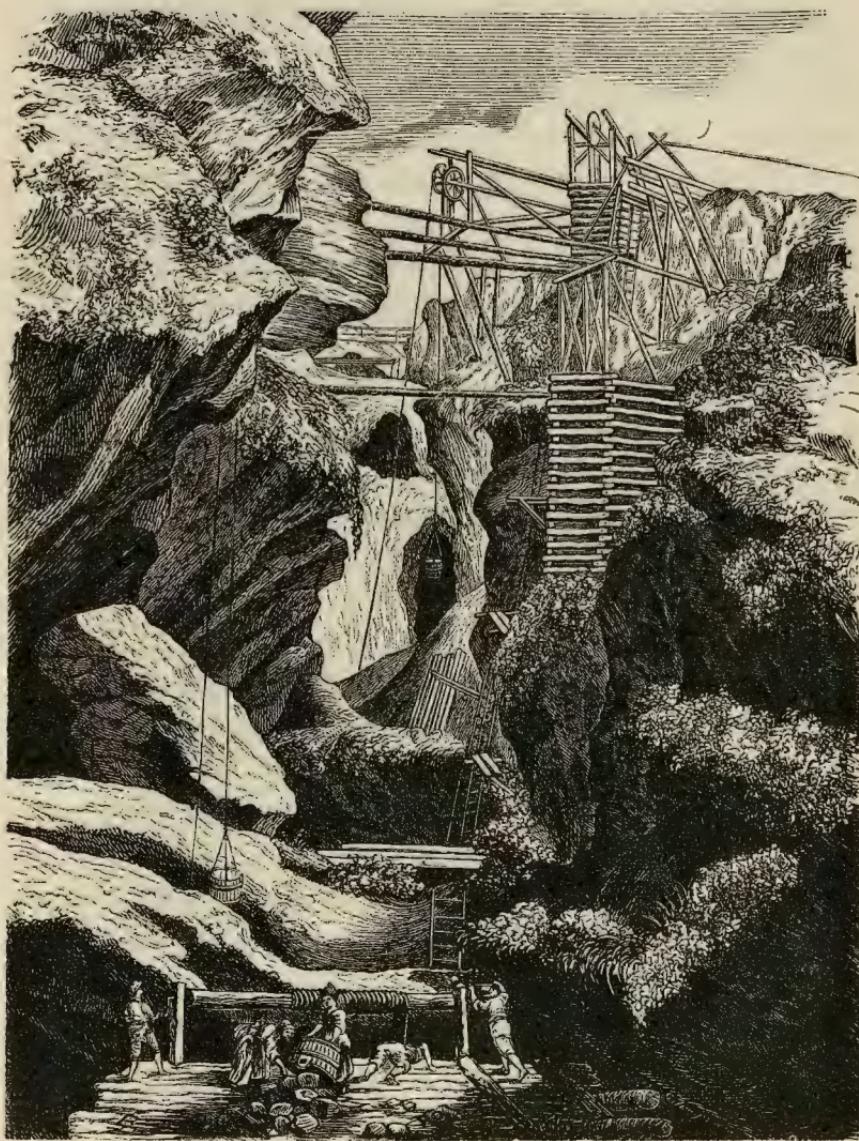
Однако, какъ ни горевали дѣти, несчастью нельзя было помочь,—вернуться назадъ? Но развѣ они знаютъ, кто взялъ? Да стоитъ ли еще тaborъ на томъ мѣстѣ? Онъ, можетъ быть, давно уже перекочевалъ куда нибудь.

Побрели голодные бѣдняжки дальше; отъ ходьбы у нихъ ноги давно отекли, покрылись мозолями и трещинами, кожа мѣстами стерлась и причиняла невыносимую боль, хотя ходить теперь имъ было легче, такъ какъ каменистые горы давно остались за ними. Они шли по плодородной обширной низменности, сплошь покрытой фруктовыми садами и виноградниками. На дворѣ стояла поздняя осень, вездѣ шла дѣятельная работа, въ садахъ снимали спѣлые фрукты, на гумнахъ молотили, въ виноградникахъ срѣзали тяжелыя кисти сладкаго винограда.

— Ахъ, еслибы намъ здѣсь можно было отдохнуть недѣльки двѣ—три!—воскликнулъ Ося.

— Можетъ быть и можно будетъ, видишь, какой тутъ богатый народъ, всего вдоволь! Имъ все равно если мы останемся,—сказалъ Джіовани.

Къ счастью при входѣ въ деревню съ ними встрѣтился пожилой крестьянинъ, который говорилъ на сло-

вакскомъ языкѣ; онъ разговорился съ дѣтьми и, узнавъ, куда они идутъ, пригласилъ ихъ къ себѣ на ночлегъ.

За ужиномъ онъ сказалъ дѣтямъ:

— Если вы не боитесь работы, то пособите мнѣ въ моемъ виноградникѣ, я не обижу васъ при расчетѣ; пора у насъ теперь горячая, работниковъ не хватаетъ; коли лѣниться не будете, такъ и мною довольны останетесь.

Мальчики не знали, какъ выразить свою радость, и охотно согласились. На другое утро они встали раньше всѣхъ и весь день, не отдохная, проработали. Ося срѣзывалъ ножницами виноградъ, Джіовани въ корзинахъ носилъ его въ кладовую. Какъ ни манили спѣлые ягоды отвѣдать ихъ, ни Ося, ни Джіовани не тронули ни одной. За то вечеромъ хозяйка дала каждому по громадной кисти.

Прошли три недѣли, садовыя работы окончились, крестьяне принялись за заготовку винъ и сушку фруктовъ. Мальчики все еще жили у Карла Майера, у того крестьянина, который взялъ ихъ къ себѣ; теперь они изъ садовниковъ превратились въ винодѣловъ.

На дворѣ поставили большіе сосуды, на нихъ сверху деревянные чаны съ отверстіями. Въ чаны наложили много винограду. Майеръ, вооружившись тяжелымъ деревяннымъ пестомъ, со всѣхъ силъ давилъ ягоды. Виноградный сокъ стекалъ въ сосудъ, черезъ отверстіе въ днѣ чана; когда отъ винограда остались однѣ зернышки и кожица, виноградный морсъ перелили въ деревянныя бочки, чтобы онъ подвергся броженію. Ося съ Майеромъ заготовляли красное вино и потому при броженіи положили въ сокъ еще кожицу отъ выжатыхъ ягодъ, Джіовани же съ хозяйствой приготавливали бѣлое вино, которое бродило безъ кожицы.

Итальянцу пришла по душѣ эта работа, она на-

поминала ему занятіе на родинѣ; онъ поминутно подхodилъ къ чанамъ и слѣдилъ за каждымъ измѣненіемъ молодого вина; когда густая часть сока осѣла на днѣ, а жидкія поднялась кверху, то радости Джіовани не было конца; онъ осторожно сливалъ жидкость въ бочки, самъ закупоривалъ и слѣдилъ, чтобы вино не взболтали при постановкѣ въ погребѣ.

— Важное будетъ вино, важное! — говорилъ онъ съ видомъ знатока, прохаживаясь между бочками. Хотя и Ося увлекался работой, все-таки онъ постоянно думалъ: „Когда-то можно будетъ уйти, чтобы продолжать путь?“.

Въ хлопотахъ незамѣтно прошла осень; въ воздухѣ чувствовалось приближеніе южной, не холодной зимы. Работы окончились, хозяева расчитали чужихъ рабочихъ. Дѣтямъ также нечего было дѣлать у Карла Майера.

— Что, друзья, пора вамъ и оставить меня,—сказалъ онъ ласково мальчикамъ,—я вами остался очень доволенъ и постараюсь заплатить вамъ, что слѣдуетъ за труды.

— Дяденька,—возьми намъ билетъ по желѣзной дорогѣ до Вѣны!—попросилъ нерѣшительно Ося.

— До Вѣны немножко дорогонько для обоихъ,—отвѣтилъ Карлъ,—ну Богъ съ вами! Ужъ очень я вами доволенъ, вы оба славные, трудящіеся мальчики. Встаньте завтра пораньше, я запрягу лошадь и самъ отвезу васъ на станцію. Можетъ быть и старуха кое-что соберетъ для васъ на дорогу.

Мальчики горячо поблагодарили доброго старика за заботу и любовь и съ нетерпѣніемъ стали дожидаться утра.

Въ четыре часа Джіовани разбудилъ крѣпко подъутро уснувшаго друга. Карлъ Майеръ возился на дворѣ около лошади, Марта, его жена, укладывала въ мѣшокъ разную провизію для „бѣдныхъ крошекъ“, какъ она называла дѣтей. Запрягши лошадь, Карлъ вернулся въ избу, гдѣ за чаемъ уже сидѣли Марта, Ося, Джіовани и Оскаръ, племянникъ старииковъ, жившій у нихъ вмѣсто сына. Напившись наскоро чаю, дѣти со слезами распростились съ хозяевами и усѣлись въ телѣгу. Никто бы не узналъ въ опрятно одѣтыхъ, чистыхъ и пополнѣвшихъ мальчикахъ тѣхъ двухъ босыхъ, изнуренныхъ дѣтей, которые мѣсяцъ тому назадъ пришли за милостыней въ это село.

Марта поцѣловала дѣтей, подарила имъ отъ себя по двадцати крейцеровъ каждому и съ пожеланіемъ всего лучшаго проводила до околицы.

Легкою трусцой бѣжала Брюнка, рыжая лошадка, весело щебетали въ листвѣ птички, радостно было на сердцѣ у маленькихъ путешественниковъ. Они теперь не будутъ ходить одни, ночью въ дождь и непогоду, по лѣсу, едва прикрытые лохмотьями, безъ денегъ и хлѣба; они, какъ баре, доѣдутъ до Вѣны, сытые и обутые, да еще съ деньгами въ карманѣ. Обоимъ было такъ весело отъ этой мысли, что они всю дорогу, не переставая, смеялись.

— Дядя Карлъ — вѣдь у меня цѣлое состояніе, подумай только—пять гульденовъ и двадцать крейцеровъ, отъ роду столько не имѣль! — говорилъ радостно Джіовани.

— Ну! Откуда столько гульденовъ? — удивился Карлъ, — я вѣдь вамъ далъ только по два.

— А Пепо! Забылъ! — вотъ онъ, мой другъ сердеч-

ный, сидитъ въ корзиночкѣ, теперь по желѣзнай дорогѣ ъдемъ, такъ и ему поудобнѣе можно устроить мѣстечко. Вечеромъ, какъ бывало работа кончалась, я выходилъ съ нимъ на улицу, и кто ни проходилъ по деревнѣ, всякий останавливался посмотрѣть на его шутки; а когда онъ, бывало, начиналъ съ моимъ картузомъ обходить публику, смотришь—крейцеровъ 5—б и собереть! Вотъ этимъ-то и набралъ.

Изъ утренняго тумана выплылъ маленькій городокъ со станцией, куда спѣшила рысцей Брюнка. Первый звонокъ уже прозвонилъ, когда телѣга остановилась у вокзала. Ося, никогда не видавшій поѣзда, дивился на дымящійся локомотивъ и никакъ не хотѣлъ повѣрить, чтобы онъ повезъ такую массу вагоновъ.

— Вѣрно въ него впряженъ пару лошадей, которыя и потянутъ,—отвѣчалъ онъ Джіовани, увѣрявшаго друга, что локомотивъ одинъ везетъ всѣ вагоны съ багажемъ и людьми, да еще такъ скоро, что духъ захватываетъ.

Пока Карль бралъ билеты для дѣтей, послѣдніе не могли наглядѣться на то, что происходило вокругъ нихъ, въ особенности восторгался Ося, никогда не видавшій городской жизни.

— Готово, парни! Вотъ вамъ билеты прямо до столицы, смотрите же, не потеряйте ихъ!—и онъ вручилъ каждому по билету.—А это письмо берегите: найдите по этому адресу моего брата, у него въ Вѣнѣ большая гостиница, я уже про васъ писалъ ему, авось у него найдется какая нибудь работа для васъ.

Джіовани положилъ письмо за подкладку шапкѣ, куда помѣстилъ и билетъ. Поблагодаривъ старика, мальчики вошли въ вагонъ и сѣли у окна, гдѣ еще

разъ могли проститься съ хозяиномъ. Раздался третій звонокъ, оберъ-кондукторъ далъ свистокъ, машинистъ отвѣтилъ долгимъ, пронзительнымъ свистомъ, пыхтя и испуская клубы дыма, тронулся поѣздъ.

— Прощай, дяденька, спасибо за любовь и ласку!—кричали изъ окна дѣти.

— Господь съ вами, дѣтки мои, спаси и сохрани Онъ васъ... Не теряйте билетовъ и письма!—говорилъ Майеръ, идя по платформѣ рядомъ съ вагономъ. Поѣздъ пошелъ скорѣе и скорѣе и черезъ нѣсколько секундъ покатилъ полнымъ ходомъ.

VI.

Дѣти никогда не ъездили по желѣзнѣй дорогѣ и потому легко представить себѣ восторгъ обояхъ друзей, когда ихъ быстро мчало по мостамъ и полямъ, горамъ и лѣсамъ. Чудные, быстро мѣняющіеся, виды приводили ихъ въ неописанную радость. На станціяхъ они выходили на платформу. Джіовани давалъ представленія и собиралъ деньги, Ося же не отходилъ отъ паровоза, онъ не могъ понять, какимъ волшебствомъ летитъ онъ такъ быстро. Мальчикъ въ душѣ даже относился къ локомотиву съ большимъ почтеніемъ.

— Какъ ты думаешь, Джіовани, почему локомотивъ знаетъ, куда ъехать?—спросилъ однажды Ося у пріятеля.

— Вѣрно машинистъ ему говоритъ,—отвѣтилъ са-моувѣренno Джіовани.

— Черезъ два часа будемъ въ Вѣнѣ,—сказалъ,

входя въ вагонъ, кондукторъ. Дѣти вздрогнули отъ радости; Ося потому, что онъ прошелъ часть длиннаго пути, Джіовани потому, что надѣялся въ столицѣ заработать со своимъ суркомъ много денегъ. Эти два часа показались обоимъ дольше всей дороги.—Какъ медленно движется поѣздъ! Мы совсѣмъ не ъдемъ впередъ,—твердилъ то одинъ, то другой.

Но вотъ раздался долгій, пронзительный свистокъ, поѣздъ дѣйствительно замедлилъ ходъ и вскорѣ совсѣмъ остановился.

Дѣти выбрались изъ толпы, сновавшей взадъ и впередъ по вокзалу, и очутились на многолюдной, оживленной площади. Ихъ приводили въ неописанный трепетъ экипажи, конки, толпа, высокіе невиданные дома и блестящіе магазины. Былъ седьмой часъ вечера, самыій людный часъ въ Вѣнѣ. Робко прижимаясь другъ къ другу, мальчики нерѣшительно стояли на перекресткѣ двухъ широкихъ улицъ, боясь идти дальше. Имъ казалось, что они попали въ какой то чужой міръ, что всѣ куда то спѣшатъ и, если они двинутся съ мѣста, то ихъ или раздавятъ мчавшіяся лошади, или затолкаютъ люди.

Какъ ни казался имъ волшебнымъ этотъ городъ, ни Осѣ, ни Джіовани онъ не понравился: здѣсь хоть и мощеные, удобныя дороги, но по нимъ не пойдешь такъ вольно, какъ по полямъ и лугамъ! И какая тутъ давка и тѣснота! То ли дѣло просторъ степей и лѣсовъ, гдѣ каждый уголокъ предлагаетъ пріютъ и отдыхъ...

— Что вы тутъ стоите,—проходите, проходите!—крикнулъ на нихъ городовой.

Дѣти поспѣшно завернули за уголъ, хотя не вполнѣ поняли, что тотъ имъ сказалъ по нѣмецки.

— Куда мы пойдемъ, вѣдь мы не знаемъ дороги къ брату Майера? — сказалъ Ося, — я спрошу у кого нибудь; дай мнѣ письмо, надо прочесть адресъ.

Джіовани вынулъ изъ подъ подкладки шапки конвертъ, и мальчики принялись разбирать по складамъ написанное.

— Пожалуйста, господинъ, гдѣ намъ найти этого человѣка? — спросилъ Ося у проходившаго господина.

Тотъ остановился, прочелъ адресъ и объяснилъ имъ, куда идти.

Къ счастью гостиница Вильгельма Майера находилась недалеко, и дѣти, спросивъ еще у двухъ — трехъ людей, какъ пройти, скоро отыскали ее.

Хозяинъ гостиницы, толстый нѣмецъ, любезно принялъ дѣтей, разспросилъ ихъ про своихъ родныхъ, велѣлъ имъ остаться до завтра у него, а тамъ онъ скажетъ имъ, — оставить ли ихъ у себя или нѣтъ.

Мальчики пошли на кухню, тамъ прислуга накормила ихъ и съ удивленiemъ слушала разсказъ объ ихъ долгомъ пути и приключенiяхъ.

Всю ночь ни Ося, ни Джіовани не смыкали глазъ отъ шума и гама на улицахъ; они даже думали, что въ городѣ случилось что-нибудь особенное и потому всѣ ъздятъ и ходятъ ночью.

— Вѣрно большой пожаръ, — сказалъ тихо Джіовани.

— И я такъ думаю, — отвѣтилъ Ося.

На утро, когда они спросили, много ли сгорѣло домовъ, и объяснили, почему они такъ думаютъ, то прислуга разразилась неудержимымъ хохотомъ. Незамѣтно въ кухню вошелъ хозяинъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ тоже разсмѣялся.

Вспыльчивый Джювани даже обидѣлся.

— Ну полно, полно, мелюзга! Чего тутъ обижаться! — сказалъ хозяинъ. — Послушайте-ка, что я вамъ пришелъ сказать, — и онъ потрепалъ мальчугана по щекѣ. — Обоихъ я не могу оставить у себя, у меня и такъ много людей, одного еще туда-сюда, а другой — не взыщи! Можетъ быть, со временемъ я пріишу и ему мѣсто, но теперь у меня нѣтъ времени. Мнѣ все равно, кого оставить, рѣшайте это между собою!

— Пусть останется Ося, — сказалъ рѣшительно Джювани, — ему нужно прикопить денегъ для далекаго путешествія, я же никуда не ѿду и могу прокормиться съ Пело.

Ося крѣпко поцѣловалъ и поблагодарилъ друга.

— Какой ты добрый, хороший, милый Джювани! Я никогда въ жизни не забуду этой услуги!.. — говорилъ Ося, обнимая его.

— Что же тутъ особеннаго? — отвѣтилъ итальянецъ, — ты Богъ знаешь куда собираешься, въ Россію, не знаешь ни языка, ни людей. Говорятъ, тамъ звѣри бѣгаютъ по всѣмъ дорогамъ, какъ же ты хочешь туда попасть? Пѣшкомъ никакъ нельзя, а на проѣздѣ тебѣ многое понадобится. Пожалуй, не скоро накопишь.

— Оставайся у меня нѣсколько дней, — сказалъ растроганный хозяинъ, — мѣста много, не стѣсняйся, пока не пріищешь себѣ работы! А ты, Осипъ, приступай къ своимъ обязанностямъ, смотри, не лѣнись. Я лѣнивымъ потачки не даю. Если я буду тобою доволенъ, то и тебя не обижу.

Осѣ дали свѣжее бѣлье, брюки, жилетъ и фракъ, немногого длинный и очень широкій, но Осѣ казалось, что лучшаго платья ни у кого нѣтъ, и одинъ изъ

кельнеровъ, Францъ, которому хозяинъ поручилъ присматривать первое время за мальчикомъ, повелъ его изъ кухни наверхъ, гдѣ сидѣли гости.

Ося первый разъ въ жизни былъ въ большой, съ паркетнымъ поломъ, залѣ, увѣшанной люстрами и картинами. Бѣлые мраморные столики и громадный, установленный посудой, буфетъ показались ему неслыханной роскошью. Онъ такъ растерялся, когда вступилъ въ наполненную людьми комнату, что не зналъ, куда дѣвать руки и ноги; Францъ велѣлъ ему стоять у дверей и присматриваться ко всему.

— Господи! Какъ могутъ они ходить по такому гладкому полу, я бы давно упалъ, а Францъ то, Францъ! Какъ онъ ловко несетъ тарелки! Мнѣ и въ жизнь не донести ихъ цѣлыми до буфета, — думалъ онъ, глядя на ловко сновавшихъ между посѣтителями кельнеровъ.

Гостиница, куда поступилъ Ося, была одна изъ большихъ и стояла на главной, многолюдной улицѣ Рингштрассе, огибающей, въ видѣ кольца, старый городъ.

Посѣтителей въ ней было всегда множество, въ особенности послѣ обѣда, когда вѣнцы съ женами и дѣтьми отправляются въ рестораны пить кофе.

Ося мало по малу пріучался прислуживать и черезъ мѣсяцъ, не хуже Франца, леталъ съ подносами и кружками по скользкому паркету. Мальчикъ былъ со всѣми вѣжливъ и добръ, слушался старшихъ слугъ и охотно помогалъ имъ; за то всѣ, начиная съ хозяина до судомойки, любили и, чѣмъ могли, радовали тихаго, услужливаго Осю. Даже гости и тѣ иногда шутили съ нимъ, разспрашивали про его дорогу и давали ему на чай.

Ося, съ своей стороны, привыкъ къ службѣ и съ

удовольствиемъ служилъ въ гостиницѣ. Черезъ нѣсколько недѣль, послѣ поступленія на мѣсто, онъ писалъ матери:

Дорогая маменька!

Я, слава Богу, живъ и здоровъ, чего и вамъ желаю. Я доѣхалъ по желѣзной дорогѣ до Вѣны и живу мальчикомъ въ гостиницѣ, куда ходитъ много гостей. Хозяинъ платить мнѣ 3 гульдена въ мѣсяцъ и столько же даютъ мнѣ гости на чай. Богъ дастъ, я проживу зиму, накоплю себѣ на дорогу въ Петербургъ, тогда и уѣду, а теперь посылаю вамъ гульденъ; въ будущемъ мѣсяцѣ еще пришлю. Цѣлую васъ, маменька, и сестеръ много разъ.

Остаюсь вашъ сынъ, Ося.

Я вамъ еще писалъ изъ деревни, гдѣ жилъ у Карла Майера, получили ли вы то письмо? Вамъ кланяются Джіовани и его сурокъ Пепо, они приходятъ часто ко мнѣ.

Ося.

Джіовани, между тѣмъ, устроился совсѣмъ иначе; на другой день своего прїѣзда онъ взялъ Пепо на руки и пошелъ бродить по улицамъ. Было еще очень рано, но на улицахъ было уже людно и оживленно. Вместо блестящихъ экипажей и нарядной толпы, теперь ходили кухарки и повара съ провизіей, громыхали телѣги съ товарами; но что болѣе всего изумило маленькаго итальянца, такъ это—множество телѣжекъ, нагруженныхъ молокомъ и овощами, которыя везли собаки. Собаки отлично справлялись со своими телѣжками, перегоняя другъ друга, и спѣшили съ товарами на рынокъ. Джіовани даже ротъ разинулъ отъ удивленія.

„Вотъ тебѣ и на“, думалъ мальчикъ, „ай да нѣмцы!

Славно пріучили собакъ; этакъ и лошадей не надо имѣть“.

„Соберетъ крестьянка молоко, запряжетъ собаку и везеть его въ городъ. Санта-Марія! Вотъ такъ умный народъ!“

До самаго вечера бродилъ Джіовани по городу, останавливаясь на каждомъ шагу передъ новымъ чудомъ.

Онъ побывалъ въ старомъ городѣ, съ его узкими, темными улицами и высокими, остроконечными домами; побывалъ на форштадтахъ, гдѣ бульвары и сады окружаютъ чудные шести и пяти-этажные дома, гдѣ широкія улицы переходятъ въ обширныя площади, украшенныя статуями и памятниками. Гулялъ по набережной Дуная, на берегахъ котораго лежить Вѣна.

Онъ стоялъ часами передъ зеркальными окнами магазиновъ, восхищаясь разложенными въ нихъ товарами. Если бы не Пепо, который отъ голода и жажды чуть не умеръ, Джіовани провелъ бы и ночь на улицѣ. Ночевать онъ пришелъ къ Осѣ.

На слѣдующій день, чуть свѣтъ, онъ опять ушелъ. Онъ направился по незнакомой улицѣ и вышелъ къ громадному парку, котораго вѣнцы называютъ „Пратеромъ“. Какъ разъ въ этотъ день, по случаю какогото праздника, въ Пратеръ съ утра стекалась масса народа.

По главной широкой аллеѣ каталась вся знать Вѣны. Джіовани даже видѣлъ самого императора. Боковые аллеи были буквально запружены гуляющими. Подъ деревьями расположились балаганы, звѣринцы, фокусники, лавочки съ гостинцами. Эта веселая, уличная жизнь до нельзя понравилась мальчику; она живо напомнила ему Италію, съ ея жителями, живущими

больше на улицахъ, чѣмъ дома. Джіовани входилъ въ открытыя кафэ показывать своего сурка, садился съ нимъ подъ деревомъ—и мгновенно вокругъ него собиралась толпа глядѣть на продѣлки Пепо. Къ вечеру у Джіовани въ карманѣ звенѣло такъ много крейцеровъ, что онъ соблазнился и взялъ билетъ въ театръ, гдѣ давали балетъ „Снѣгурочка“.

Поздно ночью вернулся онъ домой, но кухня, гдѣ спалъ мальчикъ, была уже заперта, и онъ долженъ былъ провести ночь на улицѣ.

— Нѣтъ, я не останусь въ гостиницѣ изъ милости, когда такъ много зарабатываю. Я найду себѣ вблизи Пратера уголъ и, не стѣсняясь, буду приходить домой, когда захочу. По праздникамъ буду навѣщать Осю и звать его къ себѣ. Не правда ли, Пепо, мы славно заживемъ съ тобою, товарищъ! И молочко тебѣ будетъ, и мягкая постелька. Прелестъ, просто прелестъ!— говорилъ онъ самъ себѣ, сидя на ступенькахъ какого-то крыльца.

На утро, какъ только открыли ресторанъ, Джіовани сообщилъ свой планъ другу. Ося одобрилъ его и попросилъ Франца посовѣтовать, гдѣ можетъ найти Джіовани подходящее помѣщеніе для себя. Къ счастью у Франца была тетка, жившая почти у самаго сада и отдававшая углы бѣднякамъ; къ ней то, съ рекомендаціей Франца, отправился Джіовани.

Старушка оказалась очень привѣтливой, она обласкала маленькаго чужестранца, устроила его въ свѣтломъ углу небольшой комнатки, гдѣ жили еще трое жильцовъ: два шарманщика и одинъ торговецъ статуэтками. Джіовани заплатилъ за недѣлю впередъ и поселился на новой квартирѣ.

VII.

Съ этого дня началась для Джiovани счастливая, вольная жизнь. Зима стояла теплая, съ легкими морозцами, не больше 5—6 градусовъ; при такой погодѣ мальчикъ, не боясь простуды, могъ въ своемъ легкомъ платьѣ ходить по городу съ утра до вечера. Но нигдѣ ему столько не давали за представленія Пепо, какъ въ Пратерѣ: тамъ постоянно гуляло множество дѣтей, которыя всегда съ радостью смотрѣли на ученаго звѣрька.

Бывало, усядется Джiovани куда нибудь въ многолюдной части парка, разложитъ на землю платокъ и поставитъ на него Пепо. Лишь только сурокъ вставалъ на заднія лапки, Джiovани со всѣхъ сторонъ обступали взрослые и дѣти.

— Ну-ка, Пепушка, матушка, смели кофейку! — говорилъ Джiovани, и Пепо серьезно начиналъ вертѣть одной лапкой надъ другой, будто въ самомъ дѣлѣ мелетъ кофе.

— Стыдно, стыдно, Пепо, сидѣть дома, какъ старуха, и варить кофе! Что долженъ дѣлать храбрый солдатъ? — продолжалъ мальчикъ.

Звѣрекъ начиналъ метаться, хваталъ первую попавшуюся палочку и принимался съ ней маршировать по платку, уморительно переваливаясь съ ноги на ногу.

— Что же, кавалеро, на войну ходили? — спрашивалъ Джiovани.

Пепо важно кивалъ головой и показывалъ лапкой на грудь: „вотъ, глядите! Даже рану получилъ въ походѣ!“ — казалось, говорила его тупая мордочка.

Еще много фокусовъ показывалъ умный Пепо къ большому удовольствію публики, бросавшей за каждую шутку много крейцеровъ.

Джiovани былъ разсчетливый, аккуратный мальчикъ, онъ никогда не тратилъ больше, чѣмъ нужно было, а все остальное отдавалъ хозяйкѣ на сбереженіе. По воскресеньямъ онъ никогда не давалъ представлений: утромъ онъ ходилъ въ католическую церковь молиться, затѣмъ отправлялся къ Осѣ завтракать.

Прислуга гостиницы охотно принимала веселаго итальянца и угощала его на славу; Ося всегда пропрятывалъ какое-нибудь лакомство для друга и блюдечко молока для любимца—Пепо.

Джiovани, съ своей стороны, тоже приносилъ пріятелю пряникъ, орѣховъ или другихъ какихъ нибудь дешевыхъ гостинцевъ. Когда Ося бывалъ занятъ въ ресторанѣ, Джiovани помогалъ судомойкѣ мыть посуду, повару толочь корицу или ваниль, присматривалъ за мясомъ, чтобы кошки не съѣли — вообще старался, чѣмъ умѣлъ, быть полезнымъ.

Въ тѣ дни, когда Осю пускали со двора, Джiovани водилъ его по городу, показывая всѣ диковинки столицы; но самыя любимыя прогулки дѣтей были въ окрестностяхъ города, въ особенности въ Шенбрунѣ, дачномъ мѣстѣ вѣнцевъ. Мальчикамъ нравилась чудная зелень, рѣдкія деревья, цвѣты, дачи и дворецъ. Они по-долгу бродили по дорожкамъ, вспоминая жизнь у Карла Майера, ночь въ таборѣ, рудники, смуглую Марицу и многое другое изъ своего долгаго пути. Они перебивали другъ друга, смеялись, шутили и не замѣчали, какъ проходило время. Пепо тоже всегда участво-

валъ въ прогулкахъ, сидя поперемѣнно на рукахъ, то у Джіовани, то у Оси.

Эти прогулки были самыми счастливыми днями въ жизни мальчиковъ. Правда, у Джіовани было еще одно удовольствіе, доставлявшее ему не мало наслажденія, но объ этомъ онъ никому не заикался, даже своему закадычному другу Осѣ.

Страсть его состояла въ томъ, что онъ въ каждую свободную минутку отправлялся къ окнамъ художественныхъ магазиновъ, гдѣ проводилъ цѣлые часы, любуясь произведеніями искусства. Иногда какаянибудь картина или статуя приводили его въ такой восторгъ, что у бѣдняги выступали на глазахъ слезы умиленія.

— Боже мой! Боже мой! Какъ могутъ люди такъ хорошо рисовать? Ахъ, посмотрѣть бы только, какъ они пишутъ такія картины! — И бѣдный ребенокъ готовъ былъ все отдать, чтобы хоть однимъ глазкомъ взглянуть на работающаго художника. Онъ даже купилъ плохой снимокъ съ Мадонны Рафаэля и повѣсили къ себѣ надъ постелью.

Джіовани пробовалъ распрашивать своего сосѣда, торговца гипсовыхъ фігурокъ, но тотъ ничего не понималъ и не зналъ; онъ покупалъ свой товаръ въ магазинѣ и никогда не интересовался узнать, какъ и кто его дѣлаетъ.

Прошло полъ зимы; въ жизни двухъ мальчиковъ не произошло никакой перемѣны: Ося жилъ на своемъ мѣстѣ, Джіовани попрежнему ходилъ съ Пепо въ Пратеръ давать представленія.

Въ одинъ холодный, вѣтреный день Пепо упалъ посреди маршировки на платкѣ и не могъ больше встать. Испуганный мальчикъ завернулъ сурка въ полы

своего сюртучка и бережно понесъ домой, но звѣрьку не стало лучше, ни отъ теплого молока, ни отъ горячихъ ласкъ хозяина. Онъ лежалъ у Джiovani на колѣняхъ, жалобно стоналъ и поглядывалъ на мальчика умными, полными любви, глазами. Къ вечеру Пепо сдѣлалось хуже, а ночью онъ умеръ на рукахъ неутѣшно рыдавшаго Джiovani.

Какимъ грустнымъ и пустымъ показался Джiovani многолюдный городъ послѣ смерти любимаго звѣрька, замѣнявшаго мальчику все дороже, напоминавшаго ему далекую, прекрасную родину и раздѣлявшаго съ нимъ всѣ невзгоды скитальческой, полной лишеній, жизни.

Когда Джiovani пришелъ къ Осѣ сообщить о смерти друга, то всѣ испугались растроеннаго вида ребенка. Каждый старался утѣшить его, чѣмъ могъ, въ особенности Ося, который самъ, не меньше товарища, пла-
калъ по миломъ Пепо.

Нѣсколько недѣль Джiovani ходилъ, какъ въ чаду, ни за что не принимаясь и ни о чемъ не думая; между тѣмъ накопленныя у хозяйки деньги всѣ вышли, надо было прискать себѣ какую нибудь работу.

Шарманщики, жившіе на одной квартирѣ съ Джiovani, предложили ему носить съ ними по дворамъ клѣтку съ ученымъ клестомъ, вынимавшимъ изъ ящика билетики съ предсказаніями. За это они хотѣли положить мальчику жалованье и кормить его. Но Джiovani думалъ, что птица будетъ напоминать ему невозвратную потерю и потому на отрѣзъ отказался.

Къ этому времени подоспѣла Пасха, когда товары быстрѣ раскупаются; спросъ на статуэтки тоже увеличился.

Сосѣдъ Джіовани, Іоганнъ, не могъ заразъ носить столько товару, сколько онъ продавалъ въ день, и онъ началъ брать на подмогу мальчика.

Публика охотно покупала у красиваго ребенка гипсовыя бездѣлушки, платя за нихъ, не торгуясь, чѣмъ хозяинъ, конечно, былъ очень доволенъ.

Случилось однажды, что Іоганну некогда былоходить самому за товаромъ и онъ послалъ за нимъ Джіовани.

Въ мастерской, гдѣ покупались статуэтки, работало много учениковъ, между которыми были и такие маленькие, какъ Джіовани; одни лѣпили прямо изъ глины, другіе отливали формы изъ гипса, третьи рисовали.

Джіовани показалось, что онъ попалъ въ такой счастливый уголокъ, гдѣ и умирать не надо.

„Такъ вотъ гдѣ приготовляются чудныя статуи! И какіе всѣ эти мальчики и молодые люди должны быть умные, что умеютъ ихъ дѣлать. Счастливцы!“— думалъ онъ, съ завистью посматривая на двухъ учениковъ, работавшихъ надъ кускомъ глины.

Съ этого дня Джіовани не зналъ покоя: во снѣ и на яву онъ только мечталъ о томъ, какъ бы попасть въ мастерскую, чтобы научиться лѣпить.

— О, какъ я сталъ бы хорошо учиться, я бы минутки не сидѣлъ безъ дѣла!—восклицалъ онъ тоскливо. Однако, какъ онъ ни думалъ, поступить въ мастерскую безъ подготовки и рекомендаций было невозможно. Джіовани, тѣмъ не менѣе, не терялъ надежды со временемъ осуществить свою мечту. На накопленныя деньги онъ купилъ себѣ глины и въ свободные часы уходилъ куда нибудь лѣпить, гдѣ никто ему не мѣшалъ.

Онъ лѣпилъ, что попадалось на глаза, но все выходило непохоже, грубо, и мальчикъ съ досадой бросалъ свои оконченныя вещи.

— А все же я добьюсь своего! — говорилъ онъ каждый разъ, когда принимался за новую фигуру, надъ которой онъ терпѣливо просиживалъ много дней.

Въ одно воскресенье, когда Джіовани хотѣлъ отправиться къ Осѣ, дверь отворилась, и въ комнату влетѣлъ, сияя отъ радости, самъ Ося.

— Поздравь меня! — кричалъ онъ, размахивая шляпой, — послѣ завтра я ѿду въ Петербургъ, къ отцу!

— Какъ? Вѣдь ты хотѣлъ ѿхать черезъ мѣсяцъ только!

— Да, ужъ такой случай вышелъ: одинъ изъ посѣтителей гостиницы ѿдетъ въ Россію, ему нуженъ въ дорогѣ слуга, такъ какъ онъ будетъ останавливаться во многихъ городахъ. Вчера онъ приходилъ пить кофе и спрашивалъ у меня, поѣду ли я? Я, конечно, не заставилъ долго ждать отвѣта..., Дай Богъ здоровья моему хозяину, я накопилъ у него, кромѣ того, что посыпалъ матери, сорокъ пять гульденовъ. Теперь я ѿду на всемъ готовомъ, значитъ, еще отцу денегъ привезу, — заключилъ радостно Ося.

Дѣти рѣшили провести весело послѣднее воскресенье. Оба товарища сложились по десяти крейцеровъ на гостинцы и ѿду, а вечеромъ пошли въ театръ.

Во вторникъ утромъ Джіовани отправился на вокзалъ провожать единственное существо въ мірѣ, искренне расположеннное къ нему. Бѣдный мальчикъ заливался горькими слезами, прощаясь съ Осей.

Теперь онъ остался совершенно одинокимъ, даже Пепо не было у него; куда онъ пойдетъ безпріютный,

осиротѣлый! Ося тоже много плакалъ и далъ другу слово писать ему про себя.

Наконецъ поѣздъ ушелъ, и Джiovani грустно побрель домой.

VIII.

Съ наступленіемъ жаровъ Вѣна мало по малу пустѣла, жители разѣзжались—кто на воды, кто на дачу; Джiovani тоже не нравилась жизнь въ пыльномъ городѣ, когда лѣсь и поля такъ манятъ къ себѣ. Торговецъ статуэтками послѣ праздниковъ разсчиталъ его, и мальчикъ, ничѣмъ

не занятый, могъ гулять, когда и гдѣ ему хотѣлось. Съ отѣзломъ Оси, онъ обѣдалъ въ кухнѣ Вильгельма Майера, остальное время его не было въ городѣ; прислуга думала, что скучающій Джiovani бездѣльничаетъ, но они ошибались: Джiovani не шатался по пусту. Онъ каждый день отправлялся въ свой любимый Шенбрунъ и, выбравъ тамъ укромный, живописный уголокъ, гдѣ никто его не могъ видѣть, принимался лѣпить изъ

глины. Подъ кустами у него была настоящая выставка, но всѣ его произведенія были большею частью неудачны и безформенны, и одинъ только авторъ ихъ былъ въ состояніи сказать, что они изображаютъ.

Въ одинъ жаркій августовскій день Джіовани сидѣлъ подъ развѣсистымъ кленомъ и трудился надъ отдѣлкою головки сурка; онъ такъ углубился въ свою работу, что не замѣтилъ, какъ уже болѣе получаса за нимъ стоялъ высокій господинъ и съ любопытствомъ наблюдалъ за нимъ. Головка никакъ не хотѣла принять то выраженіе, которое желалъ ей придать маленькій художникъ. Пробившись съ ней еще нѣкоторое время, Джіовани бросилъ ее въ сторону и съ досадою воскликнулъ: — „Клянусь Санта-Маріей, что я сдѣлаю вѣрный портретъ Пепо, хотя бы мнѣ пришлось всю жизнь просидѣть надъ нимъ!

Незнакомецъ разсмѣялся и ближе подошелъ къ испуганному, сконфуженному Джіовани.

— Не бойся, дитя мое, я не сдѣлаю тебѣ зла,— сказалъ онъ по итальянски, протягивая мальчику руку.

Джіовани нерѣшительно далъ свою руку, выпачканную глиной. Доброе лицо, тихій задушевный голосъ незнакомаго господина и родной языкъ, на которомъ онъ заговорилъ, такъ подействовали на Джіовани, что черезъ четверть часа, онъ, совершенно не стѣсняясь, показывалъ новому знакомому свои работы, разсказывалъ про Осю, Пепо, про свое путешествіе съ ними, про свое дѣтство и любовь къ скульптурѣ. Господинъ внимательно слушалъ сбивчивый разсказъ Джіовани, и на красивомъ лицѣ его выражалось участіе и расположение къ бѣдному, одинокому ребенку.

— Тебѣ спѣшить некуда, пройдемъ ко мнѣ, я живу

тутъ не далеко,—сказалъ онъ Джіовани, когда тотъ замолкъ.

Не безъ трепета вошелъ Джіовани въ богатый цвѣтникъ, разбитый вокругъ виллы, гдѣ играли трое прелестныхъ дѣтей.

— Здравствуй, папа!—бросился младшій къ вошедшему господину, но, увидя Джіовани, улыбнулся и, обрадовавшись, сказалъ:

— Папа, я помню этого мальчика, у него есть ученый сурокъ Пепо, я ихъ часто видалъ въ Пратерѣ. Вѣрно ты и теперь пришелъ дать представлениѣ?

— Нѣтъ, дружокъ! Джіовани больше не ходить съ суркомъ; онъ пришелъ къ намъ въ гости. Сначала онъ пройдетъ ко мнѣ, а потомъ вы можете возиться съ нимъ, сколько онъ пожелаетъ,—отвѣтилъ отецъ и увелъ Джіовани въ домъ.

Они прошли черезъ рядъ комнатъ, одна лучше другой, и поднялись по витой лѣстницѣ наверхъ.

Джіовани чуть не вскрикнулъ, когда очутился въ высокой, свѣтлой комнатѣ, уставленной мраморными статуями, группами и колоннами, но, когда онъ черезъ открытую дверь увидѣлъ настоящую мастерскую художника, то отъ волненія не могъ двинуться съ мѣста.

— Иди, иди, Джіовани!—позвалъ его хозяинъ виллы.

Господинъ, съ которымъ познакомился мальчикъ, былъ знаменитый скульпторъ. Онъ самъ изъ бѣднаго, покинутаго ребенка сдѣлался извѣстнымъ художникомъ. Встрѣтивъ неожиданно трудящагося надъ кускомъ глины Джіовани, онъ вспомнилъ собственную, полную лишеній юность и захотѣлъ поближе познакомиться съ этимъ ребенкомъ.

Когда Джiovани при посѣщеніи мастерской не могъ оторваться отъ выставленныхъ предметовъ и съ мольбою просилъ позволенія, хоть одинъ разокъ, присутствовать при работѣ, то художникъ догадался, что передъ нимъ не просто любознательный ребенокъ, а скрытый, быть можетъ, великий талантъ, и рѣшилъ непремѣнно заняться случайно найденнымъ ребенкомъ.

Съ этого дня Джiovани поселился на роскошной дачѣ; его комната была рядомъ съ мастерской, и онъ могъ заниматься въ послѣдней, сколько душѣ

было угодно. Добрый человѣкъ не ограничился тѣмъ, что даваль уроки рисованія и лѣпки маленькому итальянцу, но и заставилъ Джiovани учиться вмѣстѣ со своими дѣтьми наукамъ у разныхъ учителей.

Своимъ прилежаніемъ и стараніемъ Джiovани въ

одинъ годъ достигъ очень многаго, и учителя не могли нахвалиться имъ.

Черезъ годъ даже Ося не узналъ бы въ выросшемъ, похорошѣвшемъ и воспитанномъ мальчикѣ своего прежняго пріятеля, дававшаго представленія по дорогамъ.

Джіовани нашелъ въ домѣ художника любовь и покой, къ чему такъ долго стремилась его дѣтская душа.

По части рисованія онъ дѣлалъ такие успѣхи, что благодѣтель постоянно говорилъ:

— Ты, Джіовани, скоро меня затмишь; изъ тебя, безъ сомнѣнія, выйдетъ знаменитость, передъ которой мы всѣ преклонимся! — И его слова оправдались.

IX.

 ся изъ Вѣны поѣхалъ со своимъ новымъ господиномъ въ Галицію, въ городъ Величку, знаменитый своими соляными копями. Осинъ хозяинъ пріѣхалъ въ Величку по дѣламъ и остался тамъ болѣе двухъ недѣль.

У Оси было много свободнаго времени, онъ могъ гулять, сколько хотѣлось, такъ какъ господинъ его приходилъ только по вечерамъ домой. Мальчикъ столько наслушался о чудесахъ соляныхъ копей, что не могъ отказать себѣ въ удовольствіи побывать въ нихъ. Подходя къ копямъ, Ося съ волненіемъ думалъ объ ужасахъ, испытанныхъ имъ въ золотомъ рудникѣ, и вернулся бы навѣрное, еслибы не встрѣтилъ по пути одного молодого человѣка, идущаго также туда.

У входа въ копи молодой человѣкъ взялъ про-

водника, и они втроемъ спустились внизъ въ глубину горы.

То, что теперь увидѣлъ Ося, не только разнилось отъ видѣннаго имъ въ рудникѣ, но казалось такимъ фантастичнымъ, волшебно-прекраснымъ, точно изъ сказокъ „Тысяча и одна ночь“.

Они вошли въ громадную, съ колоннами залу, она была вся изъ соли и такъ велика, что находящееся посреди нея озеро, не смотря на довольно большой объемъ, казалось небольшимъ бассейномъ. Когда проводникъ зажегъ факелъ, соляные стѣны, полъ и потолокъ заискрились, точно они былисыпаны жемчугомъ, топазами и алмазами.

Всѣ трое переправились на паромѣ черезъ озеро на другую сторону и по небольшому коридору вошли въ другую залу. И тутъ, лишь только проводникъ зажигалъ пукъ соломы или факелъ, отъ соляныхъ стѣнъ, казалось, сыпались искрящіеся брильянты. Рѣчки, озера и небольшіе ручейки часто пересѣкали дорогу, но къ услугамъ желающихъ на берегахъ стояли паромы и лодки.

Посѣтители прошли много камеръ, гдѣ работали люди: одни выбивали глыбы каменной соли, другие складывали ихъ въ горки, третьи укладывали въ бочки размельченные куски.

Пройдя еще два, три замѣчательныхъ по устройству зала, Ося, его спутникъ и проводникъ, по соляной лѣстницѣ спустились еще ниже и вошли въ богатую рѣзьбой церковь.

Невозможно передать изумленія Оси, когда онъ узналъ, что алтарь, образа, лампадки, люстры и все, находящееся кругомъ, сдѣлано изъ соли.

— Въ этой церкви, сказалъ проводникъ,—совершается по праздникамъ служба, и тогда отъ свѣчей вся церковь переливаетъ цвѣтами радуги.

Долго не могъ Ося оторваться отъ чуднаго зрѣлища, жалѣя, что здѣсь нѣтъ Джіовани, съ которымъ онъ могъ бы подѣлиться впечатлѣніями.

Изъ Велички хозяинъ Оси отправился въ Варшаву. Имъ пришлось переѣхать русскую границу, гдѣ Ося впервые услышалъ русскій языкъ.

На границѣ вещи всѣхъ путешественниковъ осматривали, чтобы узнать, не везутъ ли они съ собою товары, подлежащи оплатѣ пошлиной. Ося купилъ въ Вѣнѣ въ подарокъ отцу сапоги и картузъ. Чиновникъ, осмотрѣвъ его скучный узелокъ, не потребовалъ отъ Оси за нихъ пошлину, чему мальчикъ былъ несказано радъ.

Отъ границы до Варшавы путь не великъ—часовъ 8—10; Ося и не замѣтилъ, какъ они доѣхали до Варшавы.

Городъ этотъ русскій, но населеніе польское; Ося еще въ Величкѣ научился немного по польски; теперь это ему пригодилось, иначе онъ ничего не могъ бы ни купить, ни сдѣлать, потому что прислуга, купцы, извозчики, всѣ говорили здѣсь на польскомъ языкѣ.

Бѣгая съ порученіями отъ хозяина, Ося въ то же время осматривалъ городъ. Варшава ему очень понравилась; она хотя меньше Вѣны и не такъ красиво построена, все же она ему, отчасти напоминала послѣднюю оживленіемъ на улицахъ и массою открытыхъ кофеенъ; понравились ему также въ Варшавѣ прекрасный Саксонскій садъ и красивый мостъ черезъ рѣку Вислу.

Варшаву Ося оставилъ ночью и, когда онъ утромъ

выглянула изъ вагона, то никакъ не могъ понять, гдѣ онъ—такъ измѣнился ландшафтъ. Кругомъ стояла высокая, еще не начинавшая колоситься, рожь; какъ море, волновалась зеленая нива, съ синими глазками васильковъ. Овесъ стройно подымалъ кверху молодыя головки. Между лѣсами и полями мелькали сѣрыя, покривившіяся избы деревень.

На одной станціи почему-то задержали поѣздъ; онъ долженъ былъ ждать шесть часовъ, чтобы опять продолжать путь.

Былъ чудный юньскій вечеръ, канунъ Иванова дня, когда въ нашихъ деревняхъ гадаютъ, ищутъ кладъ и водятъ игры до утра. Деревня находилась недалеко отъ станціи, и пассажиры рѣшили отправиться туда посмотреть на игры деревенской молодежи. Ося и его хозяинъ также пошли за всѣми. Ему все было ново, и языки, котораго онъ не понималъ, и одежда музыкантовъ; онъ съ любопытствомъ осматривался и, улыбаясь, вспоминалъ слова Джiovани, что въ Россіи вѣчные морозы и снѣга.

— Какъ здѣсь красиво! Еще лучше, чѣмъ въ цыганскомъ таборѣ! Вотъ побывалъ бы онъ сегодня здѣсь, въ эту теплую, ароматную ночь, не то бы сказалъ, думалъ, весело шагая за своимъ господиномъ, Ося.

И правда, то, что онъ увидѣлъ представляло прекрасную картину.

На полѣ горѣло множество яркихъ костровъ, вокругъ нихъ дѣвушки и парни въ праздничныхъ плащахъ водили хороводы. Нѣкоторые парни скакали черезъ пылающіе огни. Въ сторонкѣ, надъ небольшой, бурливой рѣчкой, дѣвушки съ пѣснями бросали вѣнки. Отовсюду доносилась мелодичная русская пѣснь.

Ося думалъ, что русскій крестьянинъ всегда веселится, и невольно вспомнилъ жизнь своихъ односельчанъ; онъ не зналъ, что у нашего мужика больше трудовыхъ дней, чѣмъ праздничныхъ.

Медленно подвигался Ося впередъ; господинъ, съ которымъ онъ ъхалъ, былъ фабрикантъ и останавливался почти въ каждомъ городѣ принимать заказы. Эти остановки отнимали много времени, и только къ концу августа, измученный ожиданіемъ, мальчикъ поѣхалъ прямо въ Петербургъ.

Отъ станціи Гатчина нетерпѣніе Оси съ каждой минутой увеличивалось; какъ тогда, при вѣздахъ въ Вѣну, ему и теперь казалось, что поѣздъ идетъ очень тихо, а отъ Царскаго Села поѣздъ, по мнѣнію Оси, совершенно не подвигался впередъ.

Вдругъ издали показались, освѣщенныя утреннимъ солнцемъ, золотыя главы церквей, еще пять — десять минутъ, выглянула цѣлый лѣсъ трубъ.

Сердце забилось у Оси такъ сильно, что онъ слышалъ каждый ударъ его.

Такъ вотъ онъ, этотъ далекій, столь желанный Петербургъ, куда онъ стремился больше года съ такими приключеніями! Знаетъ ли отецъ, что Ося теперь такъ близко отъ него, вотъ-вотъ черезъ какихъ нибудь два три часа онъ увидитъ его. „Узнаетъ ли меня папа? Вѣдь больше трехъ лѣтъ не видались. Я то его сейчасъ узнаю. Войду и не скажу, что это я, пусть-ка догадается!“ — мечталъ Ося и не замѣтилъ, какъ поѣздъ остановился.

Какъ только господинъ его устроился въ гостиницѣ, Ося сейчасъ же попросилъ расчета. Счастливый, не слыша подъ собою ногъ, сбѣжалъ онъ съ лѣстницы на улицу.

Суeta на улицахъ не пугала его больше, онъ привыкъ къ ней. Въ дорогѣ онъ настолько научился русскому языку, что безъ труда могъ разспросить у прохожихъ, какъ пройти на Гороховую улицу, гдѣ жилъ его отецъ. Вскорѣ онъ нашелъ ее; считая номера на воротахъ, онъ нашелъ и домъ.

Квартира его отца находилась на второмъ, грязномъ дворѣ; поднявшись по темной лѣстницѣ, Ося, съ замираніемъ сердца, открылъ дверь въ третьемъ этажѣ и вошелъ въ большую, полутемную комнату.

Въ ней находилось много народа; всѣ съ удивленіемъ смотрѣли на Осю, но между ними не было отца. Ося беспомощно осматривалъ окружающихъ.

— Кого вамъ надо? — спросили у него жильцы.

Ося назвалъ Петра Лачана и сказалъ, что онъ его сынъ.

Въ одинъ мигъ мальчика обступили со всѣхъ сторонъ. Посыпались разспросы, такъ какъ всѣ эти мужчины оказались ему земляками: кто спрашивалъ про жену и дѣтей, кто про мать и отца, кто про родныхъ. Ося едва успѣвалъ отвѣтывать.

— Гдѣ же отецъ мой? — спросилъ онъ наконецъ.

— Петръ только вотъ сейчасъ до тебя ушелъ, наврядъ ли вернется раньше вечера, — отвѣтило нѣсколько голосовъ.

Ося чуть не заплакалъ... ужъ онъ ли не терпѣливъ? но больше онъ не могъ выдержать; шутка ли ждать еще длинный, лѣтній день?..

— Ну, чего голову повѣси! — сказалъ ему одинъ; — небось, больше ждалъ, а еще денекъ куда ни шло! Выпьемъ-ка съ дороги чайку, ты поразскажи намъ,

какъ наши поживають, мы послушаемъ, такъ день незамѣтно пройдетъ.

За чаемъ Ося узналъ, что вся артель живетъ у одного хозяина, отъ него же они получаютъ посуду и отдаютъ ему всю выручку. Хозяинъ платить имъ всѣмъ довольно скучное жалованье, высчитывая за каждый проѣденный грошъ.

За разговорами время незамѣтно летѣло, и никто не обратилъ вниманія на вошедшаго Петра; одинъ только Ося сердцемъ угадалъ въ вошедшемъ своего отца.

Въ мигъ онъ забылъ всѣ планы, забылъ всю изученную роль и повисъ у Петра на шеѣ.

Отецъ и сынъ долго не могли говорить отъ слезъ и волненія, всѣ отошли, чтобы не мѣшать имъ.

— Мальчикъ мой! Родной мой! — шепталъ Пётръ, цѣлюя сына.

Вечеромъ за ужиномъ, Ося рассказывалъ про свое путешествіе изъ Крайны до Петербурга, какъ онъ безъ денегъ, босой, въ рваномъ платьѣ, ходилъ изъ деревни въ деревню, про свою встрѣчу съ Джіовани, про жизнь въ Вѣнѣ.

Во время разсказа, Пётръ съ гордостью гладилъ черную головку сына, а земляки приговаривали:

— Молодецъ, молодецъ парень! Изъ тебя выйдетъ толкъ.

Долго совѣтовался Пётръ, къ чему бы пристроить Осю; сдѣлать его такимъ же разносчикомъ жестяной посуды онъ не хотѣлъ, зная по опыту, сколько для этого надо здоровья, силы и выносливости. Думали, думали его пріятели и порѣшили открыть для Оси самостоятельную торговлю. Благо у мальчика было 50

гульденовъ, что составляло около сорока рублей; съ этой суммой можно было что нибудь начать.

Ось больше всего нравилось торговать папиросами и спичками; онъ слышалъ отъ одного мальчика въ Вѣнѣ, что этотъ товаръ приноситъ много дохода; на этомъ и остановились.

Въ первое воскресенье, Петръ съ Осей отправились въ табачный магазинъ, гдѣ купили на пять рублей разныхъ папироſъ, затѣмъ они пошли на толкучай рынокъ за поддержанымъ лоткомъ, купили на полтинникъ спичекъ въ спичечномъ магазинѣ и на обратномъ пути зашли еще въ Думу за жестянкой, безъ которой нельзя никому торговаться.

На слѣдующій день Ося, напутствуемый добрыми пожеланіями всей артели, вышелъ со своимъ товаромъ изъ дома.

День былъ пасмурный, накрапывалъ мелкій дождикъ, всѣ спѣшили мимо, услужливо предлагавшаго свой товаръ, мальчика, но Ося не терялъ надежды, онъ бодро шагалъ по улицамъ, предчувствуя, что ему повезетъ въ этомъ гостепріимномъ русскомъ городѣ.

Такъ и сбылось. Конечно, одинъ день не походилъ на другой, когда торговалось бойко, когда тихо, въ общемъ барыши были хороши, и Ося мало по малу расширилъ свою торговлю.

Черезъ два года у него уже былъ свой ларекъ, гдѣ кромѣ папироſъ продавались и гостины, а еще черезъ нѣсколько лѣтъ, Петръ бросилъ свое тяжелое ремесло и сталъ торговать вмѣстѣ съ сыномъ.

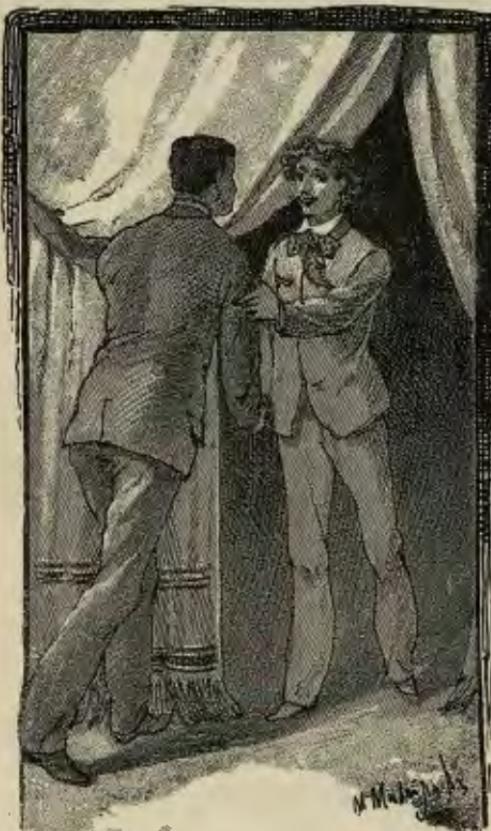
Теперь у нихъ была большая табачная лавка, торговля шла отлично, потому что отецъ и сынъ были извѣстны за добросовѣстныхъ и честныхъ продавцовъ.

Х.

Прошло пятнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Ося разстался съ Джіовани. Въ одинъ весенній день на одной изъ главныхъ улицъ Вѣны, у роскошнаго дома, звонилъ красивый молодой человѣкъ. Важный съ виду швейцаръ впустилъ его, и взявъ отъ него визитную карточку, на которой было написано „Осипъ Петровичъ Лачанъ“, пошелъ докладывать.

Сейчасъ же въ другой комнатѣ послышались торопливые шаги, портьера широко распахнулась, и на порогѣ показался сіяющій, взволнованный Джіовани.

— Ося! — Джіовани! — раздалось въ одно время, и

оба друга крѣпко обнялись. Когда первый порывъ радости прошелъ, друзья усѣлись въ кабинетъ Джіовани и стали рассказывать про свою жизнь въ продолженіи пятнадцати лѣтъ; они перебивали другъ друга, смѣя-

лись и говорили вмѣстѣ, стараясь скрѣе выскакаться.

— Да, — говорилъ Ося, — ктѣ бы могъ подумать, что мы встрѣтимся такъ, когда разставались на станціи: я бѣдный слуга, ты бѣдный оборвышъ, безъ пріюта и хлѣба... а теперь? Про тебя говорятъ всѣ газеты, какъ про одну изъ будущихъ знаменитостей по скульптурѣ, какъ же это такъ случилось?

— Очень просто! Мой благодѣтель, въ домѣ кото-
раго я и теперь живу, занимался со мною, какъ съ
роднымъ; способности у меня хорошия, говорятъ, даже
есть талантъ, — прибавилъ скромно Джіовани, — я съ
рвениемъ занимался и, отлично подготовленный, посту-
пилъ въ академію искусствъ, гдѣ кончилъ съ золотой
медалью. Я все еще продолжаю заниматься подъ руко-
водствомъ моего пріемнаго отца и надѣюсь со вре-
менемъ своей славой хоть отчасти отплатить ему за
потраченный на меня трудъ. Теперь мои двѣ группы
находятся на выставкѣ, ты вѣрно слыхалъ о нихъ.

— Какъ же не слыхать, — подхватилъ радостно
Ося, — когда всѣ газеты только объ этомъ говорятъ!
Покажи мнѣ, пожалуйста, это чудо!

— Изволь, завтра мы пойдемъ на выставку, а сего-
дня не пойти ли намъ лучше къ старому Вильгельму
Майеру, вѣрно и онъ обрадуется тебѣ.

— Я у него остановился; надо было видѣть радость
всѣхъ узнавшихъ меня слугъ. Добрякъ Вильгельмъ
даже прослезился, Францъ только ахалъ, глядя на
меня. Я также думаю по пути домой заѣхать къ Карлу
Майеру и охотно-бы навѣстить всѣхъ пріютившихъ насъ
тогда; — но гдѣ ихъ найти? Я никого не забылъ.

— И я не забываю ихъ... — тихо сказалъ Джіо-

вани. — Тебѣ спѣшить некуда! Оставайся у меня нѣсколько дней!

— Ахъ нѣтъ! Подумай только, я не видалъ мать и сестеръ шестнадцать лѣтъ и теперь ъду не надолго къ нимъ. Я не могъ проѣхать Вѣны, не повидавъ тебя— вотъ и остался на два дня; завтра непремѣнно поѣду дальше.

— Помнишь, Ося, что ты мнѣ говорилъ въ первый день нашего знакомства, что не иначе вернешься на родину, какъ богатымъ человѣкомъ. Что же ты, сдержанъ слово?

— Сдержанъ, милый мой, сдержанъ! — отвѣтилъ, улыбаясь, Ося.—У меня одинъ изъ самыхъ большихъ табачныхъ магазиновъ въ Петербургѣ. Въ Крайнѣ у насъ лучшій домъ въ деревнѣ. Отецъ давно на отдыхѣ дома, у матери большое хозяйство. Теперь и я ъду домой полюбоваться на моихъ старииковъ.

Джіовани горячо обнялъ друга.

На слѣдующій день къ зданію выставки подѣхали Ося и Джіовани; они прямо прошли въ скульптурный отдѣлъ; громадная толпа стояла передъ двумя группами, громко восторгаясь ими. Вездѣ слышалось одно имя „Джіовани Лоренчи“. Ося быстро шелъ впередъ. Вдругъ онъ остановился и громко вскрикнулъ:—Джіовани, да вѣдь это мы! Господи, какъ геніально ты передалъ въ мраморѣ то, что было въ жизни!—Многочисленная публика глядѣла съ умиленіемъ на двухъ друзей, стоящихъ передъ памятникомъ прошлыхъ лѣтъ.

А Ося, подавленный, не чувствуя катящихся по щекамъ слезъ, не могъ оторваться отъ мраморныхъ группъ, изображавшихъ: одна „двухъ оборвашей-маль-

чиковъ“, другая „сидящаго мальчика съ суркомъ на рукахъ“.

Для всѣхъ эти двѣ группы представляли рѣдкое художественное произведеніе, но Осѧ онъ напомнили другое, и цѣлый, давно прошедшій, міръ живо предсталъ передъ его глазами.

— Будетъ, Ося, пойдемъ!—дотронулся Джіовани до руки товарища,—на насъ народъ глядить!

— Вотъ какой ты! Чѣмъ былъ и чѣмъ сталъ; да, великая, великая будущность ждетъ тебя, Джіовани!— сказалъ растроганный Ося.

На другой день Ося уѣхалъ домой.

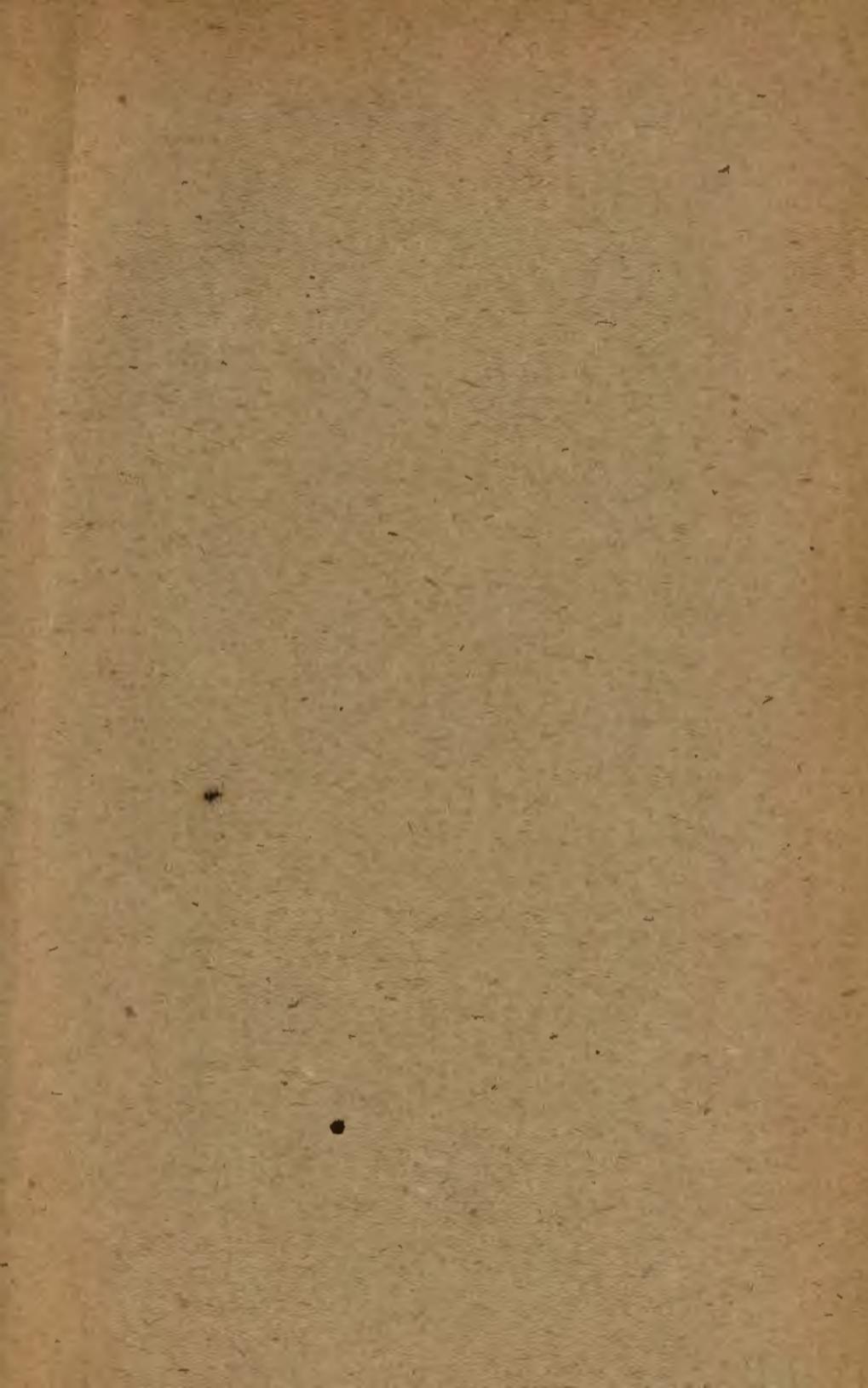

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
1. Тайны моря	1
2. Свѣтъ не безъ добрыхъ людей	15
3. Друзья дѣтей	25
4. Исторія кусочка глины	30
5. Царство фей	35
6. Два окна.	40
7. Каникулы въ деревнѣ	46
8. Небесная имперія	65
9. Озорникъ Ралька	79
10. Шура и Нишка	83
11. Жители Зоологического сада	98
12. Дѣвочка Сказка	149
13. Долгъ платежомъ красенъ	155
14. Волшебница Оля	162
15. Родина носового платка	187
16. Ося Лачанъ	205

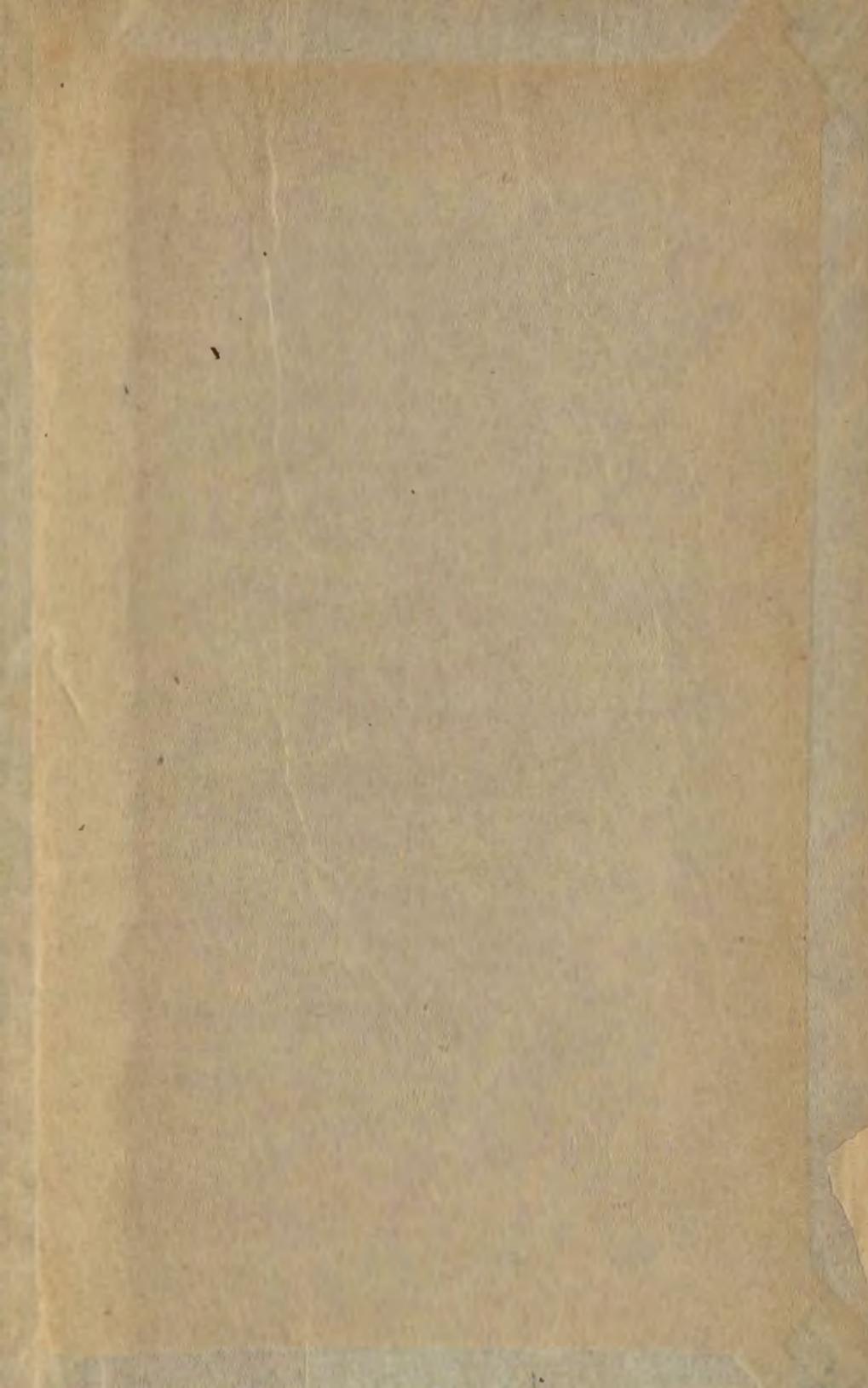

III 5^m 11

355

355

2018668670

